

ИСКАТЕЛЬ

ФАНТАСТИКА · ПРИКЛЮЧЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ К ЖУРНАЛУ ЦК ВЛКСМ

ВОКРУГ

1986

«ИСКАТЕЛЮ» 25 лет

В этом юбилейном выпуске, открывающем вторую четверть века существования «Искателя», читатель встретится с авторами, все 25 лет сотрудничающими с нашим литературным приложением (В. Аккуратов, А. Казанцев, Л. Словин), а также с теми, чьи имена появляются у нас впервые. Таким соседством редакция подчеркивает главную традицию издания: отдавая должное ветеранам, искать и поддерживать творческую молодежь.

ИСКАТЕЛЬ

1

ФАНТАСТИКА • ПРИКЛЮЧЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ К ЖУРНАЛУ
ЦК ВЛКСМ

ВОКРУГ

СВЕТА

1986

В ВЫПУСКЕ:

Григорий ТЕМКИН	2	ДАРЫ ОТ ДАНОВ Фантастический рассказ
Михаил ШАЛАМОВ	9	ЭСТАФЕТА Фантастический рассказ
Александр КАЗАНЦЕВ	21	ТАЙНА ЗАГАДОЧНЫХ ЗНАНИЙ Научно-фантастическая повесть-гипотеза
Валентин АККУРАТОВ	75	ВЕРНУТЬСЯ НА БАЗУ Фронтовая быль
Леонид СЛОВИН	83	ТРОЕ СУТОК, ВКЛЮЧАЯ ДОРОГУ... Рассказ
Элайджа ЭЛЛИС	101	ЧЕСТНЫЙ ЧЕЛОВЕК Рассказ
Рэй БРЭДБЕРИ	114	ПОЧТИ КОНЕЦ СВЕТА Рассказ
Джеймс ДАУЭР	121	ДИПЛОМ ДЖУНГЛЕЙ Рассказ

ОСНОВАН В 1961 ГОДУ

№ 151

Выходит 6 раз в год. Распространяется только в розницу.

Григорий ТЕМКИН

ДАРЫ ОТ ДАНОВ

Фантастический рассказ

Мальчик бежал по лугу. Он несся вприпрыжку, и высокая, податливая, как вода, трава щекотала голые колени. Это было смешно и приятно, и мальчик смеялся и пел сам себе сбивающимся на бегу звонким голоском: «Здравствуй, здравствуй, радуга! Здравствуй, здравствуй, радуга!» Из какой песни эти слова, мальчик, конечно, не знал, но вот эта единственная запомнившаяся ему — а может, только что самим же сочиненная — строчка казалась чем-то совершенно естественным. Она плавала в дрожащем воздухе сегодняшнего чудесного июньского утра как стрекоза, как волшебное заклинание, сделавшее это утро таким беззаботным и радужным. Хотя радуги, вправда, настоящей радуги, на небе не было: последнюю неделю погода стояла сухая, теплая, без дождей.

И вдруг радуга мелькнула — не в небе, а прямо под ногами, на протоптанной через луг тропинке. Мальчик свалился в

Художник Александр КАТИН

мягкую траву, перекатился на бок, успев при этом сорвать и засунуть в рот сочный стебелек, и перед самым носом увидел забавную островерхую шапочку из тонкой, почти невесомой ткани сочного радужного цвета, натянутую на проволочный каркасик — обруч и четыре распорки. Не раздумывая, мальчик нахлобучил шапочку на выгоревшие белобрысые свои вихры, подхватил с тропки хворостину и помчался к оврагу рубить злых крапивных рыцарей.

— Анечка, солнышко, шляпку не забудь!

Аня, стоявшая уже у двери, сказала «Ой!», повернулась к закройщице. И вспомнила, что никакой шляпки на ней, когда она входила в ателье, не было. Было прошлогоднее «сафари» из зеленой джинсухи — так теперь оно лежит в торбе, а вместо платья на ней красуется роскошный летний брючный ансамбль. Цвет — терракот. Одно плечо голое. Все закачаются. Без всякой шляпки. Хотя...

— Какую шляпку, Лидуня? — с рассеянным видом спросила она.

— Так вот же, лапочка! Твоя, больше никто такую прелесть не оставлял, — промурчала портниха и протянула Ане абсолютного невообразимый, радужного цвета четырехгранный головной убор. Анечка сначала даже растерялась. Потом решила: издается Лидка. И так прямо и сказала:

— Ну, Лид, ты вообще...

Лидка, у которой шляпка с первого взгляда вызвала в душе ассоциацию со старым абажуром, имела мудрое правило приобретения клиенток никогда вслух не критиковать. Поэтому она водрузила «абажур» на голову Анечке, подвела ее к зеркалу.

— Да ты посмотри, лапочка, как тебе с терракотом...

Анечка взглянула в зеркало и заколебалась: вроде бы ничего, идет. Только полей, жалко, нет. Пальцы ее машинально прикоснулись к шляпке в том месте, где, по ее мнению, не хватало полей, слегка взялась за материал, обвивающий проволочный обруч, и — о чудо! — ткань потянулась под этим воздушным, почти не существующим усилием. Причем не возвращаясь обратно, как какой-нибудь эластик, а застывая по всей вытянутой длине.

...Спустя десять минут Анечка покидала ателье в шикарной четырехгранной радужной панаме с эффектно закрученными полями, а портниха, с искренним уже восхищением, умоляла достать и ей такую же. Хотя бы одну. Но на прощанье шепнула, не удержавшись:

— Но если будет больше, солнышко, неси, я возьму все...

Виктор Михайлович возвращался с обеденного перерыва недовольный. Можно сказать, злой. И дело не в селедке, которая располагается под собственным десятиграммовым весом в соленую костлявую массу. И даже не в том, что на его столике не оказалось ни горчицы, ни салфеток и пришлось подходить к столику Носова. Бог с ней, со столовой, к родному общепиту он привык. Но как привыкнуть к тому, что Носов на службу в управление является с бородищей до пупа? Добро,

был бы дед какой или там лицо перекошено, а то ведь только в позапрошлом институт кончил. Совесть у него перекошена, а не рожа. Или Соня Васильевна из машбюро. Смотрит он за обедом, как-то не так Соня ест, с затруднениями. Думал, со здоровьем что, а она разобъяснила: левой рукой, говорит, ложку держу. Тренировка. Чтобы владеть обеими руками одинаково. Ну что ты на это им скажешь? Даже чай пить расхотелось. Хотя до конца перерыва еще пятнадцать минут, и в отделе, конечно, ни одной души сейчас нет. Что, впрочем, возможно, и к лучшему.

Виктор Михайлович вошел в пустой отдел, намереваясь оставшиеся четверть часа провести за чтением газеты в успокоительном одиночестве... И побагровел. На его столе, между телефонным аппаратом и подставкой для канцпринадлежностей, нахально возлежала четырехгранная шапка веселого радужного цвета.

«Ахметов, — определил, тяжело дыша, Виктор Михайлович. — Его шутки. Хотя нет, вряд ли. Может, Носов приволок? Кто-то ведь разыгрывает. Скинулись, достали этот дурацкий колпак, подложили: мол, что будет с ним делать? Обсмеять хотят, хулиганы. Ну нет уж, не дождетесь...»

«ИСКАТЕЛЮ» 25 лет

Четверть века назад любители фантастики и приключений получили первые ярко оформленные, удобные для чтения в любых условиях книжечки «Искателя». Подозреваю, что его создатели, называя новое издание «Искателем», хотели подчеркнуть первейшую задачу — поиск жанра, структуры, авторского и читательского лица. Если так, то это им вполне и сразу же удалось. «Искатель» быстро нашел и талантливых авторов, и преданных читателей, а вместе с тем определил свою дорогу неустанного поиска моральных и этических ценностей, без приобретения которых немислим человек.

В «Искателе» все интересно. Но мне, как историку и археологу, ближе всего рассказы и повести историко-приключенческого жанра. Историки и археологи причастны к одному из самых увлекательных приключений. — путешествиям в прошлое. Историк опускается в прошлое по ступеням раскопов, входит в древние дома, трогает предметы давно ушедших времен. Но, подняв голову, он видит свое время — XX век. И эта причастность к разным эпохам дает ни с чем не сравнимое ощущение нерасторжимости исторического процесса, в котором прошлое, настоящее и будущее как бы пронизываются единым стержнем.

Исторические художественные произведения дают возможность ощутить эту связь времен всем читателям, а не только одним историкам и археологам.

Прошлое полно героики и драматизма. И оно живет, это

С этими мыслями Виктор Михайлович взял колпак, без особых усилий скомкал его и, мстительно сверкнув очками, отправил в корзину для мусора.

— Мне это не нравится, — неодобрительно качнулся Дан Сим, глядя в бортовой экран. — Как Полувысокий Ревизор Подготовки, я не могу допустить, чтобы средства родной Даны выбрасывались на ветер. Вы прекрасно знаете, во что обходится ноль-транспортировка каждого дара на Землю. Я уж не говорю о стоимости самого изделия. Почему этот землянин отказался от дара? Отвечайте, Дан Пим.

— Простите, Полувысокий, но ведь еще до начала Подготовки я предупреждал, что на стопроцентный прием даров Даны не приходится рассчитывать. Процент отказов пока допустимый. Что же касается мотивов данного землянина, то их нельзя считать типичными. Мы поднесли дар просто неудачному объекту.

— Хорошо. Покажите мне еще несколько дарений.

Семен Семенович начинал нервничать. Его уже не радовало ни нежное июньское солнце, ни пушистый сосновый бор на пригорке по ту сторону речки, ни сама река — неширокая,

прошлое, не только в предметах быта, которых так много находят археологи, но и в письменных свидетельствах. Мировой сенсацией явилось, например, открытие берестяных писем и записок XI—XV веков, найденных в Новгороде. Благодаря им мы как бы вступаем в непосредственный контакт с нашими давними предками. Мы узнаем не только имена, но и чувства их. Мы общаемся с ними, и прошлое как бы поселяется рядом с настоящим, а следовательно, становится неотделимым от будущего, уже сегодня обогащая его.

Вот пример. Еще недавно, восхищаясь фресками Спас-Нередицы, мы вздыхали по поводу того, что не знаем их создателя. Открытие в Новгороде мастерской художника конца XII века, адресованных ему берестяных грамот с заказами, позволило выдвинуть предположение о том, что главным мастером Нередицы был Олисей-Гречин. Археологи как бы подарили нашему и будущим поколениям имя нового гениального художника. И я надеюсь, что это имя еще появится на страницах «Искателя» в одной из повестей.

Я не представляю себе культурного человека без знания истории, без уважения к ней. «Искатель», пропагандирующий героические страницы прошлого с помощью собственных его специфике историко-приключенческих рассказов и повестей, делает большое патриотическое дело.

В. ЯНИН,
член-корреспондент АН СССР,
профессор, доктор исторических наук,
лауреат Ленинской и Государственной премий СССР

с уверенно-медлительным течением, в зеленых кляксах листьев кувшинок и тугих стрелках молодого тростника. Близился полдень, а в садке у Семена Семеновича, уныло шевеля хвостом, вверх брюхом плавал окунишко чуть больше ладони. Единственный. И все. Ни поклевки с половинки восьмого, хоть ты убейся. И солнце так раскочегарилось...

Семен Семенович озабоченно потрогал редкие волосы на темени: так и есть, горячие. Как бы и впрямь на таком припеке... А что, жена рассказывала, хватил же соседку Пруткина на даче солнечный удар, еле выходили. Семен Семенович посмотрел на солнце, на воду, вздохнул — возвращаться домой, тем более с пустым садком, не хотелось. И тут взгляд его упал на странного вида четырехгранную радужную панаму, аккуратно стоящую в двух шагах от него, на трухлявом березовом пне.

«Забыл кто-нибудь, — решил Семен Семенович. Огляделся, чтобы окликнуть владельца, но никого поблизости не было. — Ну и ладно. Спросят — отдам».

С некоторой неохотой — панамы фасон имела явно легкомысленный, но на рыбалке какая разница? — Семен Семенович надел головной убор. И с приятным удивлением отметил про себя, что шапка легкая и прохладная — то, что надо.

— ...А я не разделяю благодушия Сивкова, товарищ директор. Он не дает себе отчета, что его виза под заключением о безопасности «шапок»...

— Послушайте, Клим Петрович. Давайте отбросим суеверия и предубеждения. Будем работать с фактами, как положено ученым. Ваша лаборатория разнесла на молекулы добрый десяток «шапок». Вы прогнали их через все мыслимые испытания. Что вас еще смущает?

— «Шапка» — из неизвестных науке материалов!

— Выразитесь точнее, Клим Петрович: нашей науке неизвестных. Раз «шапки» существуют, кто-то владеет технологией их изготовления. Но вы ведь разгадали состав проволоки? Нормальные металлы, хотя сплав и необычный. Так не радиоактивный же?

— Нет.

— Вот видите. Каких-либо других излучений или полей сплав тоже не генерирует. Я читал вашу справку. Пластическая полимерная ткань — согласен, вещь исключительно любопытная, над разгадкой ее секрета мы обязательно будем продолжать работы. Но и она безобидна... как детская пеленка. Или у вас идиосинкразия на радужный цвет? Скажите, вам цвет не нравится?

— Цвет мне нравится, товарищ директор. Мне не нравится таинственность. Кто разбрасывает эти «шапки»? Зачем? Они же, в конце концов, материальная ценность.

— А вот это, Клим Петрович, в компетенцию нашего института не входит. Давайте заниматься своим делом. Нам поручили установить, представляет ли «шапка» физическую опасность для человеческого организма. Мы установили: не представляет. И другого мой зам не мог, да и не имел права написать в проекте заключения. И я, уж не обессудьте, его подписываю...

— Дорогие радиослушатели! В нашу редакцию последнее время поступает немало писем, в которых вы просите рассказать, в чем загадка так называемого «бума радужных шапок». Наш корреспондент встретился с академиком Китаевым, который любезно согласился прокомментировать это действительно любопытное явление.

— Действительно, последние два месяца в нашей стране и за рубежом отмечались случаи, когда люди находят в самых неожиданных местах предмет, напоминающий полую четырехгранную пирамидку с изогнутыми гранями. Пирамидка представляет собой проволоочный каркас, обтянутый материей радужного цвета, которая обладает определенной остаточной эластичностью, относительно высокой прочностью, а также хорошо отталкивает влагу и отражает солнечные лучи. Перечисленные свойства позволяют сделать вывод, что «пирамидки» задуманы как головной убор. Однако, кто изготавливает их и распространяет, пока остается загадкой. Одни продолжают считать это чьей-то затаенной шуткой, например, последней волей какого-нибудь гениального изобретателя, таким необычным образом решившего облагодетельствовать и в то же время озадачить человечество. Более реалистично настроенные люди склонны думать, что «шапкодарение» — рекламный ход анонимной фирмы, готовящей рынок к вводу новых материалов. Находятся и горячие головы, вообразившие, что пирамидки, или, как их принято теперь называть, «шапки», внеземного происхождения и распространяются неизвестным способом и с неизвестным умыслом инопланетянами. Конечно, подобные фантазии не выдерживают критики даже с позиций научной фантастики: ни в одном из произведений названного жанра контакт цивилизаций не начинается с разбрасывания шляпных сувениров. Не вижу также почвы под призывами шапкофобов уничтожать «шапки» как потенциально опасные. Во-первых, их призыв слишком просто выполнить, а кто станет закладывать опасность в столь легко уничтожаемые предметы? А во-вторых, учеными подтверждена полная безвредность «шапок» для человеческого организма. Хотя, несомненно, надо продолжать исследования материалов «шапки», особенно ткани: разгадка явится весьма ценным приобретением для промышленности...

— Хотя мнение большинства научных кругов совпадает с мнением академика Китаева, споры продолжают. А «радужная шапка» тем временем завоевывает популярность и благодаря своим уникальным качествам, и прежде всего легко изменяемой форме полей, становится любимым головным убором миллионов жителей планеты. Да-да, уважаемые радиослушатели, вы не ослышались: по мнению специалистов, уже около двух миллионов радужных шапок «раздарено» неизвестными в разных странах Африки, Азии, Америки, Европы. Кое-где мода переходит все рамки и принимает масштабы массового психоза: форму четырехгранных пирамидок придают игрушкам, предметам мебели, стеклянным бутылкам и даже зданиям. Некоторые лозкие фирмы пытаются наладить выпуск собственных «радужных шапок», пользуясь тем, что спрос намного обогнал предложение...

— Эти фальшивые дары не спутают нам карты, Дан Пим? — встревожился Ревизор Подготовки.

— Уверяю, что несколько. Во-первых, Полувысокий, подделки не смогут конкурировать с оригиналом, — ответил Дан Пим. — Тем более что у них шапки — предмет продажи, а у нас — бесплатный дар. Во-вторых, этот, как говорят на Земле, «бум радужных шапок» нам на руку. Изучив психологию землян, я на него рассчитывал. Пусть сходят с ума по четырехгранникам, возносят пирамиду на пьедестал моды, убеждают себя, что нет ничего приятнее радужного цвета. Мы не станем заваливать их мир шапками — достаточно будет, чтобы хотя бы каждый десятый носил дар Даны на голове, а остальные тайно или явно мечтали о таком же. И когда такой момент наступит...

— И когда такой момент наконец наступит, — воодушевляясь, подхватил Ревизор Подготовки Дан Сим, — мы включим волну! И каждый десятый, сам того не заметив, сделается нашим верным помощником. И на Землю высадится первый штурмовой десант данов, и никому из землян не придет в голову оказывать сопротивление, все будут встречать нас как добрых, старинных долгожданных друзей...

Дан Сим приблизился к Дану Пиму и поощрительно толкнул своей четвертой гранью о первую плоскость Четвертьвысокого Психолога Подготовки. Взволнованный Дан Пим переливчато пожелтел от основания до вершины.

— Я буду ходатайствовать перед Высоким Даном Тимом о присвоении вам звания штурм-психолога 1-й высоты, — пообещал Дан Сим. — С помощью психологии решив то, что не под силу оружию, вы заслужили награду. Но скажите, как вам пришла идея о захвате через дары?

— Мне ее подсказали сами земляне, — польщенно сияя радужной кожей, ответил Дан Пим.

— То есть? У вас есть на Земле агенты?

— Нет, я просто воспользовался их собственным же, но хорошо забытым предостережением. Если бы я был склонен к мистике, я бы мог решить, что древние земляне предвидели наше вторжение и предупреждали о нем потомков.

— Что же это за предостережение? — нетерпеливо притопнул основанием своей пирамидки Дан Сим.

— Бойся данайцев, дары приносящих...

Михаил ШАЛАМОВ

ЭСТАФЕТА

Фантастический рассказ

Ковалю было странно, что он все-таки выжил и даже не терял сознания. Он выбрался из кучи обломков и заскрежетал зубами от боли в боку. Морщась, задрал куртку, осторожно потрогал свисающий лоскут кожи. Рана выглядела страшно, но

Художник Анатолий ГУСЕВ.

была неопасная. Он это знал. Пошатываясь, подошел к двери. Очень боялся, что переборку заклинило. Тогда без посторонней помощи отсюда не выбраться. А если с Юханом что-нибудь случилось... Очень весело остаться вечным пленником корабельной рубки!

Дверь сработала, открыв выход в коридор, залитый спокойным голубоватым светом. Похоже, что энергосистема корабля выдержала.

Он свернул к жилым каютам и чуть не споткнулся о неподвижный корпус робота сопровождения. Они с Юханом прозвали робота Гастоном. У него был покладистый, но чуть нудноватый характер. Теперь он полулежал у стены, проткнутый штырем, уродливо торчавшим из развороченного приборного щитка. Из черной дыры толчками выплескивалась струйка светлого-голубой жидкости. Было ясно: Гастону больше не подняться.

Снова волной нахлынуло беспокойство. Как там Юхан?

У двери его каюты Коваль остановился. Много раз безрезультатно нажимал он на клавишу замка, потом ударил кулаком по рифленой поверхности двери и выругался. За переборкой было тихо. Нужно что-то делать. Дверь была гильотинной конструкции. В случае аварии она обеспечивала полную герметизацию отсека, но в запертом положении не закреплялась. Упершись ладонями в ее поверхность, Коваль медленно начал отжимать ее вверх. Поднял, подставил колено, потом плечо и, извернувшись, прополз под ней в каюту. Потерявшая опору дверь снова рухнула вниз, бесшумно и мощно.

Комната была пуста. Коваль вздохнул с облегчением. Черт знает что мерещилось ему, когда он стоял перед закрытой дверью. Но если все хорошо, почему же Юхан до сих пор не дал о себе знать? Колупнул в щитке отверткой. Переборка поднялась. Он снова вышел в коридор, пошел разыскивать штурмана.

Юхан лежал в лаборатории, придавленный электронным микроскопом. Похоже, в момент аварии он снова возился с загадкой квазиметеоритного вещества.

Коваль вытащил штурмана из-под никелированной громады микроскопа. Кажется, жив. Дышит, родимый!

Робот-тележка для внутрикорабельных перевозок приплыл по первому зову. Стас погрузил на платформу обмякшее тело и погнал тележку к медицинскому отсеку. Робот легко скользил на воздушной подушке.

Бесшумно распахнулись двери медотсека. Коваль остался снаружи. Через минуту безжалостные кибермедики выгнали оттуда и тележку. Вместе с роботом вырвалось прозрачное, но не менее от этого вонючее облачко дезинфицирующего амик-розола.

Коваль некоторое время смотрел, дыша на прозрачный пластик, как клешнястые манипуляторы укладывали на стол голое, пятнистое от кровоподтеков тело штурмана. Потом иллюминатор затуманился, отрезав от Ковалю белоснежный мир реаниматорской.

Он вернулся в рубку и, сев перед пультом, несколько минут тупо смотрел в молочную глубину экрана. Потом маши-

нально нажал клавишу, и в рубку вплеснулся аквамариновый бетианский океан. Он навалился всеми своими бесконечными отмелями, ослепил сверканием чешуи бесчисленных стай летучей морской мелочи, оглушил гортанными воплями поморников. Белокрылые охотники камнем падали в самое сердце рыбьих стай и взлетали ввысь, с добычей в щупальцах. Вот ты какая, Бета!

Имя этой планеты не отличалось оригинальностью. Альфа, Бета, Гамма и так далее — обычно называли астронавты планеты новых звездных систем. У этой звезды их было три: Альфа, Бета и Лавиния, на которой нашла себе пристанище исследовательская группа Ивана Никонова. Именно туда, на Лавинию, и держал курс танкер «Камертон» с грузом «солнечного вина», как называли колонисты жидкость-заправку для фотонных двигателей. На Лавинии сейчас шло интенсивное строительство, и группа Никонова считала дни до прилета «Камертона». А он то ли по вине компьютера, то ли просто по зловредному стечению обстоятельств, вместо того чтобы продолжать путь туда, где его ждали колонисты, валялся теперь на отмели теплого бетианского океана, под бешеным здешним солнцем.

«Не надо отчаиваться, мастер, — говорил себе Коваль, — экипаж жив, а это главное. Груз цел. У группы Никонова есть планетолет. Нас спасут. Надо только добраться до маяка. Ты же знаешь, мастер, на Бете есть маяк. И на Альфе есть маяк. И в поясе астероидов есть маяки группы Никонова. А мы, мастер, с тобой не лыком шиты. Мы дойдем, мастер! Землю будем грызть, а дойдем».

* * *

— Я выхожу послезавтра, Ю!

Штурман приподнялся на локте.

— Ты сдурел, да? — сказал он тихо. И снова опустил голову на подушку. — Ты же не дойдешь один... Вот подожди, я встану... я очень скоро встану, Стас... Исправим рацию... Ведь можно же ее, проклятую, исправить!

— Нельзя, Юхан, ее исправить! И ждать нельзя, пока ты поднимешься. С сотрясением мозга не шутят, Ю. Пойду. Люди ждут. А ты, штурман, поправляйся! Киберы не дадут тебя в обиду...

Коваль встал. Он увидел, что светлые глаза Юхана посерели.

— Тебе не дойти одному, Стас!

— Ты же знаешь, Гастона больше нет. Я вошью себе матрицу и дойду.

— Нет, ты не сделаешь этого!

— Сделаю, — криво улыбнулся Коваль и кивнул киберу, чтобы тот сделал Юхану укол снотворного. А пока штурман отбивался от нежно обвивших его пластмассовых лап, добавил:

— Так надо, Ю! До маяка почти полтысячи километров по джунглям. Без матрицы мне не дойти. Ты ведь знаешь, что это за планета.

Про Бету им обоим было известно многое. Расположенная к светилу ближе, чем холодная Лавиния, полная молодой бур-

лящей жизни, Бета с первых минут привлекла поселенцев своей безмятежной и безжалостной красотой. И с такой же равнодушной безжалостностью она выжила их через три года с насиженных мест на суровую, но безобидную Лавинию. Даже в том, что вопреки правилам этой планете не было присвоено имя и она осталась в документах стандартной безликой Бетой, виделся землянам перст судьбы.

Стасу вспомнились строки из последнего письма геолога Шубникова, опубликованного тогда в «Вестнике Земли»:

«...Я все думаю, Наденька, была ли в двухвековой истории покорения звезд другая такая же планета, столь жадная до жизни и настолько к ней равнодушная, как эта? Пожалуй, была. Только не ищи ее в справочниках. Эту планету придумали еще в середине двадцатого. Читай классику, Наденька! В книге все иное, и все такое же, как на Бете. Только в отличие от той планеты Бета нам еще не по зубам...».

В свое время эти строки вызвали на Земле повальное увлечение старой фантастикой трех прошедших веков, в которой искали ответ на вопросы, вставшие тогда перед группой Никонова. Но решение оказалось самым неутешительным: эвакуация.

Коваль изучал на фотокарте свою будущую трассу, когда зуммер радифона на запястье доложил о готовности кибермедиков к операции. Значит, малый аварийный компьютер уже выморожен из ледопласта, и его «чтец-приставка» готов к работе. Стас вошел в медицинский отсек, стоически перенес все дезинфекционные издевательства и, надев на голову уродливый клобук «чтеца», лег на операционный стол.

— Один, два, три... — мысленно вел он отсчет секундам. На счете «десять» в ноздри ударила упругая струя дурманящего карамельной сладостью газа, и вязкая тьма затопила его мозг.

* * *

Туго натянутая кожа между ключицами, где была вживлена трансферматрица, глухо ныла. Хотелось прикоснуться к пластиру. Стас усилием воли удержал свою, уже поднявшуюся руку. Мудрая штука эти биопластики! Еще четверть века назад вживление электродов и матрицы заняло бы больше недели. А теперь хода назад нет. Прощай, Юхан. Когда я уйду, тебя разбудят автоматы. И не вздумай жалеть меня!

Это смешно даже представить: одолеть в одиночку полтысячи километров на слабосильном роботе-тележке, которого используют только для мелких внутрикорабельных перевозок. Но что поделаешь, если танкеру по чину не полагается иметь на борту десантного «сверчка»? Ведь ты же меня не подведешь, а, Тележка?

Робот бесшумно тронулся с места и, тяжеломерно вспорхнув, спланировал из открытого люка на сверкающую водную гладь. За краткое мгновение полета Стас снова успел удивиться красоте моря и неба, разделенных лишь тонкой черточкой горизонта. Стас кинул взгляд на карту. До берега шестьдесят кило-

метров по мелководью беатинского океана. К полудню одо-
леем!

Робот шел над водами в приличном для такого тихони, как он, темпе. «Если так пойдет и дальше, успею к берегу и до одиннадцати! — подумал Коваль. — Хотя, впрочем, какая раз-
ница, часом раньше или часом позже, если впереди многоднев-
ный маршрут! Здесь-то, над водой, можно чувствовать себя в
относительной безопасности. Но вот когда начнутся джунгли...»

— Мастер, впереди опасность! — скрипуче выдавил из себя
фразу робот.

Коваль уставился вперед. Что за опасность? Откуда ее ждать?
Из воды, с неба? Горизонт с акваторией тихи и безоблач-
ны. На небе ни облачка, на воде ни пятнышка. И все-таки
угроза...

Коваль вдруг пожалел, что вот так, безоглядно, снова до-
верил свою жизнь туповатому киберу, как прежде безопас-
ность корабля компьютеру. Правильно ругало его начальство
за то, что он людям доверяет меньше, чем роботам. И дей-
ствительно, Стас любил киберов за безоговорочное подчине-
ние, за строгую логику машинного интеллекта. Именно поэто-
му, наверное, ему было трудно с людьми. Хотя и машины вся-
кие бывают. Совсем неожиданно всплыл в его памяти образ
робота, с которым познакомил его однажды старый приятель
и однокашник Иштван Запа. Иштван был одержим идеей макси-
мальной индивидуализации мыслящих систем. Киберы, которых
он программировал, все до одного были личностями. Каждый
со своим характером, со своим «я». Робот сопровождения по
имени Брудершафт тогда произвел на Стаса сильное впечатле-
ние и... не понравился. Стас понял, что это уже не машина в том
смысле, в котором принято понимать это слово. И только теперь
пожалел он, что рядом с ним нет такого спутника, как Брудер-
шафт, с которым, как говорили предки, «можно в разведку
пойти...».

Наконец угрозу заметил и Стас. Она таилась между небом
и землей. В теплом воздухе дрожали тончайшие нити, верти-
кальные и почти прозрачные. Если бы солнечный зайчик не
сорвался с одной из них, не упал на лицо шкипера, зверь
остался бы незамеченным. Медлить было нельзя. Коваль вски-
нул один из двух взятых в дорогу бластеров и полоснул по
занавеси нитей. Энергетический заряд мгновенно расплавил их,
спек в бесформенный ком и бросил в море. Вода мощно за-
кипела, и Стас, оглянувшись, долго еще видел, как корчится
всплывшее на поверхность длинное рыхлое тело.

Астронавт нагнулся и подобрал с пола Тележки короткий,
оплавленный на конце волос. Волос-щупальце был усеян длин-
ными полыми шипами. Коваль попытался его разорвать, но с
таким же успехом можно было попробовать на разрыв сталь-
ную проволоку.

До полудня бластер пришлось применять еще трижды. По-
том кончилось море, и Коваль оказался в самом сердце манг-
ровых зарослей. Тележка с трудом топтала воздушной подуш-
кой упругие стебли растений, а из-под уродливых корней те-
лежку обстреливали обкатанной морем галькой пухлые, как

надувные матрацы, тритоны-канониры. Один, довольно большой камень, серьезно повредил фотоэлемент робота. Потом кончились и мангры. Теперь, над земной твердью, нужно было вести себя вдвое осмотрительнее.

Тележка быстро пересекла узкую полосу пылевого пляжа и, подмяв под себя первые пучки бетанской травы, поплыла по обширной луговине, кое-где подернутой паутиной хорошо протоптанных звериных тропок. Самих зверей пска видно не было. Но вот появились и они. Как ни странно, это оказалось семейство реликтовых ходоков, фото которых в свое время так поразило Ковалю, тогда еще зеленого самоуверенного гардемарина.

Ходоки, не обращая ни малейшего внимания на Тележку, чинно шли по тропинке, топоча аккуратными желтыми лапоточками. У заднего, самого маленького, развязалась и тащилась по земле пушистая онуча. Он так потешно спотыкался, подпрыгивал и оглядывался на преследователей смышленными глазенками на стебельках, что Стас не смог сдержать смеха. И зря. Ходок разобиделся, надулся, поднатужился и пустил прямо в астронавта струю едкой вонючей жидкости. Коваль успел увернуться, но несколько капель все-таки попали на кожу и обожгли до волдырей.

— Спасибо за урок! — сказал Стас вслед такой безобидной на вид зверюшке. — Впредь будем осторожнее.

Предосторожность оказалась нелишней. На опушке близких уже джунглей маячила пара гигантских богомоллов. Жуткие, высотой с трехэтажный дом зверюги представляли серьезную опасность. Стас приказал Тележке остановиться и начал наблюдать за богомоллами. Один из них, побольше, стоял раскорякой на солнцепеке и урчал от удовольствия, а другой длинными шипастыми лапами пытался достать из кроны дерева огромного щетинистого паука, который огрызался и швырял во врага клейкие комья паутины. Наконец богомолу удалось схватить паука за ногу, и чудовищная парочка приступила к трапезе.

После двухчасового мотания вдоль опушки над кучей золы, бывшей только что хищным деревом, Стас был вынужден признать себе, что все это время занимался самообманом и что бесполезно искать просеку в этом месиве растительной плоти. Пришла минута расставания с Тележкой.

Он сел, свесив ноги в траву, поддернул за голенища высокие сапоги и, похлопав робота по могучему торсу, спрыгнул. Из-под ног его шарахнулась с писком потревоженная медуза.

— Иди домой, Тележка, — грустно сказал Стас, — передай Юхану привет!

Робот молча повернулся и поплыл назад вдоль опушки. А когда он скрылся из виду, Стас слишком поздно сообразил, что Юхану больно будет видеть Тележку пустой. Но изменить уже ничего было нельзя.

И еще одно понял Стас: он остался в одиночестве. Пытаясь насвистывать мотивчик веселой песенки, с бластером в одной руке и с мачете в другой он боком втиснулся в заросли.

Зорро уже полдня шел по пятам за двуногим. Непривычный запах этого зверя будил в Зорро два чувства: любопытство и желание сожрать. Он был могучим зверем и мог себе позволить жрать только то, что сожрать хотелось. А двуногий был именно тем, что хотелось сожрать.

Зорро умел долго и методично преследовать добычу, мог часами подкарауливать в зарослях, но сегодня любопытство брало верх, и ему хотелось сначала просто понаблюдать за повадками двуногого, а сожрать его потом, когда проголодается по-настоящему.

Зорро обрадовался, когда двуногий подпалил муравьиную кучу. Он закидал пламя влажными от сока ветками и, урча, начал выкатывать из угольев крупных жареных муравьев.

Зверю даже расхотелось жрать двуногого. Бродить бы за ним и подъедать жаркое из обугленных муравейников. Жареных муравьев Зорро обожал. А двуногий, видимо, нет. Ведь он не съел ни одного, только поджарил их для Зорро. А ведь неплохо бы... Не надо искать острые камни, не надо стучать ими друг о друга у подножия муравейника, не надо раздувать огонь, искры которого так и норовят кольнуть тебя в глаз. Надо только идти вслед за двуногим и жрать то, что он приготовит.

Но не делать этого у Зорро было три причины: во-первых, двуногий — сильный зверь. Если бы хотел, он давно бы уже поджарил своего преследователя. Во-вторых, Зорро все-таки очень хотелось сожрать двуногого, а он не привык отказывать себе ни в чем. И, в-третьих, двуногий все равно шел к логову Аяллы, а Зорро не намерен был отдавать ей свою добычу. Аялла была уже близко, и тем более следовало торопиться.

Коваль вогнал мачете в трухлявый ствол поваленного дерева. Сел рядом. Потом, не выпуская из левой руки бластер, достал из сумки тюбик со сгущенной водой. Утолив жажду, он выдавил немного прохладной массы на ладонь и протер изъеденное мошкой лицо. «Покажись я в таком виде в Управлении, не узнали бы», — устало подумал он, чувствуя под пальцами вздувшуюся бугристую кожу.

Сумка была уже на плече, а мачете в руках, когда бесшумная желтая тень, выросшая за спиной, обхватила Коваль поперек груди мощной лапой. Он вскрикнул и ткнул себе за спину мачете. Оно уперлось во что-то твердое и, лязгнув, сломалось. В ту же секунду Стас почувствовал, что когти мягко вошли между ребер. Джунгли рухнули ему на голову.

Очнувшись от боли. Нестерпимо саднило между ключицами. Захотелось потрогать. Он поднялся на ноги тяжело и трудно. Потянулся рукой. Но в поле зрения попала знакомая желтая лапа. Коваль попробовал оттолкнуть ее, и другая такая же желтая когтистая лапа вошла в поле зрения слева. Потом он увидел под ногами собственный растерзанный труп и понял, что неизбежное свершилось.

Опустившись на четвереньки и, волоча за ремень бластер, хозяин бетианских джунглей Зорро пошел в чащобу.

Начался второй этап жестокой эстафеты.

Зорро был упрямым зверем. Ковалю было с ним нелегко. Ему то хотелось залезть на дерево, чтобы вволю поохотиться на лемуров, то обсосать ягодный куст, то выудить из речки волосатую змею. Однажды зверь учуял в буреломе след самки, и Ковалю стоило огромных трудов удержать его на трассе.

Особенно плохо было, когда Стас засыпал или терял сознание. Тогда разум зверя начинал доминировать, и Зорро куролесил в свое удовольствие. И все-таки астронавт неожиданно для себя стал уважать его за силу и упорство, с каким он шел по джунглям.

Коваль удивился тому, с какой легкостью Зорро выучился обращаться с бластером и с каким мастерством сразил однажды на поляне крупного травоядного, так отрегулировав мощность, чтобы не сжечь, а только заживо поджарить тушу. Это было тем более удивительно, что Коваль в эти его действия не вмешивался. Похоже было, что Зорро если не разумное, то, во всяком случае, полуразумное существо.

Бластер мог послужить прекрасным испытанием на разумность, если бы Зорро следующим утром не утопил его при форсировании глубокой медленной реки.

* * *

Из зарослей метнулось пятнистое тело, сотканное, казалось, только из острых клыков и прыжка. Зорро сшиб его лапой, и зверь покатился по траве, шипя и булькая вырывавшейся из разорванной глотки кровью. Зорро ушел не оглядываясь. «Тигра. Не едят», — мысленно сообщил он Стасу. Они уже привыкли и не чуждались общества друг друга. Ковалю определенно повезло, что именно этот зверь настиг его первым.

Они шли все выше и выше по склону, поросшему частым кустарником. Зорро томился от палящего солнца. Зверю раньше не приходилось выходить из джунглей под прямые лучи светила, и теперь он чувствовал, что густая шерсть не спасает его от перегрева. Именно поэтому с таким нетерпением кинулся он в пронзительно холодный горный ручей. Потом, освеженный его ледяными струями, закусив счастливо подвернувшейся водяной змеей, Зорро разнежился на берегу. Дремота сморила Зорро. А Коваль... Коваль проворонил приближение опасности.

Когда зверь открыл глаза, эта гадость была уже рядом. Мохнатое тело размером со средний арбуз напоминало то ли печной горшок, то ли окарикатуренную мортиру, подползавшую к Зорро на шести вывороченных коротких лапах. Дюжина мелких глазок вокруг зияющего жерла недобро горела синим.

Зорро с удивлением и любопытством уставился на пришельца. Коваль понял, что пути этих бетианских зверей никогда не пересекались. Втянув ноздрями пряный запах мортиры, Зорро заурчал и шагнул к страшилищу. В нем снова проснулось желание сожрать. А Ковалю пришло в голову инстинктивно неприя-

тен. В нем чудился какой-то подвох. Но ни на окрики, ни на уговоры Зорро не реагировал.

Мортира вела себя нагло. Она бесстрашно таращилась на Зорро немигающими глазами и ждала чего-то.

Потом Коваль почувствовал сильный толчок в плечо. Брошенный на мортиру взгляд сразу выявил виновника. Из широкого жерла валил вонючий пар.

Зорро разозлился, прыгнул на ловко увернувшегося обидчика, цапнул когтями воздух и покатился кубарем вниз по склону, ревя от обиды, досады и боли.

Час спустя в холодном скальном убежище он зализывал свою рану. Это было небольшое рваное отверстие, как раз между костяными бляшками на плече. Из раны уже не сочилась кровь, но лапа сильно распухла и ворочалась с трудом.

Лизнув в очередной раз, Зорро почувствовал на языке вкус какого-то едкого вещества. Скосив глаза, зверь взглянул на рану. Оттуда медленно выползала коричневая пена. Зорро удивился, слизнул пену и взвыл от дикого жжения во рту. Шли минуты, а пена все валила и валила из раны. Коваль с ужасом увидел, что дырка увеличивается. К вечеру она стала такой величины, что в нее вошел бы человеческий кулак. Зорро больше не рычал и не метался. Он лежал под скалой и тихо стонал. Ни он, ни Коваль не заметили, откуда взялся знакомый зверь-мортира. Он бродил поодаль, выжидая. Но, по мере того как Зорро слабел, хищник начал сужать круги.

Коваль чувствовал себя как в тюрьме внутри этого слабеющего с каждой минутой тела. Переселиться в зверя-мортиру значило надолго сойти с маршрута. Короткие кривые ножки его не были приспособлены для долгой ходьбы, а смертельных врагов у него, похоже, не было, и ждать очередного «переселения разума» пришлось бы долго.

Стас заставил Зорро подняться. Зверь, кряхтя, подчинился железной воле человека и двинулся вперед, ковыляя на трех ногах. Четвертая лапа болталась бесполезным придатком. В ней под толстой шкурой не было уже ни мышц, ни костей, только лениво переливалось что-то жидкое. Но и боли уже не было. Только слабость.

Изредка оглядываясь, Стас видел, что мортира ковыляет следом, метрах в сорока, как и раньше, не приближаясь. К счастью, идти пришлось недалеко. Среди выветренных, обсосанных ветрами столбов-останцев Стас заметил один, необычной формы. Это была невысокая, в человеческий рост, П-образная арка, а точнее, три ничем не соединенных друг с другом камня, причудливо выпиленных ветром. Подножие их окружали густые колючие кусты. О лучшем Коваль и не помышлял. Кусты с трех сторон загородят мортуре дорогу.

Зорро, кряхтя, прополз под аркой и заворочался в кустах, устраиваясь поудобнее. Сквозь просветы в зарослях Стас увидел, как занервничала мортира, зашустрила вокруг кустов, отыскивая лазейку. Потом она остановилась перед аркой, вглядываясь в проход, который промял своим телом Зорро.

Соблазняя хищника, Стас высунул из арки загубленную лапу. Она безжизненно легла поверх смятых веток. Из жерла мортiry закапала мутная слюна. Она сделала первый нерешитель-

ный шажок к добыче, другой — поувереннее... и тогда Коваль — Зорро здоровой лапой обрушил на нее верхний базальтовый монолит.

Коваль увидел, как заскребли кремнистую почву, задержались торчащие из-под глыбы кривые ножки. Потом астронавт заметил, что один из столбов, потеряв привычную опору, начинает крениться на Зорро. Стас даже не попробовал отодвинуться. «Пусть так, только бы не мортира... Должны же быть здесь хоть какие-то стервятники!» — успел подумать он, прежде чем тяжелый каменный столб опрокинулся на него.

* * *

Стас очнулся и сразу понял, что сидит на втором, уцелевшем столбе. Внизу, полуприкрытая камнем, лежала бесформенная туша Зорро. На ней копошились две крылатые твари, отпихивая друг друга сизыми кожистыми крыльями и хрипло крича. Стервятники. Коваль разглядел их губастые упырьи рожи и членистые лапы с сильными клешнями, которыми они с легкостью резали толстую шкуру зверя. Астронавта передернуло от мысли, что он сейчас представляет собой точно такое же зрелище. Он расправил крылья и неуклюже взлетел. Уже в первые минуты понял, что новое тело подчиняется ему полностью. От индивидуальности стервятника не осталось и следа. Сделав прощальный круг над последним пристанищем Зорро, Стас взял курс на восход солнца.

Стервятник был неважным летуном. Зато он мог подниматься над горами и долго планировать, экономя силы. «Сам себе я теперь дельтаплан», — невесело шутил в эти минуты Стас. Но вскоре он привык к новому телу и от всей души упивался полетом.

Но уже на следующий день возникла проблема пищи. Конечно, Стас не раз видел на земле падалю, но надо ли говорить, что аппетита она в нем не возбуждала. А есть хотелось нестерпимо. Коваль попробовал охотиться, но для этого неуклюжее тело стервятника не было приспособлено. Каждый раз добыче удавалось скрыться.

И тогда Стас сплеховал. Он заметил в редкой кроне разлапистого дерева среди лиловых цветов несколько невиданных еще им не очень крупных тварей, спланировал на них, схватил... и понял, что оказался в ловушке.

Животные ворочались в липкой слизи на толстых ветках дерева, словно мухи в липучке, наматывая на прозрачные свои крылья толстые нити клейкого сока. Коваль попытался взлететь, но почувствовал мертвую хватку дерева. Огромным усилием воли Стас сумел побороть в себе инстинкты и не сопротивляться.

Если поразмыслить, его положение было не так уж безнадежно. Его соседям, чьи веретенообразные тела и крылья были густо облеплены слизью, приходилось гораздо хуже. Слизь окутывала и душила их. У Ковалья же в липучку попали только ноги и одно из крыльев.

Решив пожертвовать крылом, он еще плотнее прижал его к коре дерева, с усилием вырвал из плена лапы и поставил их

на шершавую кожу перепонок. Потом рванулся, прыгнул вниз головой и повис на крыле в десяти метрах от земли. Потом, сжав зубы от боли, резал клешней перепонку. Потом камнем упал вниз.

Он пробовал ползти, волоча за собой обрывок крыла, но болели сломанные ребра, а к липким еще лапам приклеивались кучи всякого мусора. Поэтому он даже обрадовался, когда с высокого, похожего на сосну дерева к нему спустилось пушистое существо с ехидной лисьей мордочкой и осторожно стало приближаться, скаля мелкие острые зубы.

* * *

Снова болело под горлом: Стас чувствовал под кожей холодную опухоль матрицы. То собирая в комок, то с силой распрямляя, Стас бросал свое сильное тренированное тело с дерева на дерево. Тело не знало усталости. Еще ни разу в этой жестокой эстафете он не шел к цели с такой скоростью. Таяли за спиной километры. Коваль замедлял бег только затем, чтобы схватить за крыло какую-нибудь зазевавшуюся птицу, наскоро перекусить и с новыми силами продолжить гонку.

Это был веселый зверь. В его памяти жили образы многочисленных друзей и подруг, с которыми он проводил шумные ночные игрища, увлекательные спортивные охоты, купался в холодных лесных ручьях. Это был умелый зверь, и Ковалю он нравился.

На опушку леса зверь вылетел неожиданно. Слепленный хлестнувшей по глазам дикой яркостью солнечного света, он прыгнул с разгона на отдельно стоящее сухое дерево... и безжизненно повис, пронзенный длинными шипами лап чудовищного богомола.

* * *

Матрица сидела глубоко под толстым хитиновым панцирем и при движении причиняла тупую сосущую боль. Стас ослабил хватку и выронил из лап тельце зверя. Рыжим безжизненным комком оно упало в траву. Коваль неуклюже шагнул членистыми ногами-ходулями и повернул голову в сторону равнины.

Километрах в пяти от него стояли серые бункера поселка. Через четверть часа гигантский богомол ступил на горячий бетон прокаленной солнцем улицы.

Теплый ветер гнал под ноги струйки легкого песка, тонкого, как пыль, и слегка голубоватого. Шурша, они играли с проросшими сквозь бетон пучками травы, скатывались на обочину и обдували ломкие стволы когда-то заботливо привезенных с Земли, а теперь засохших без хозяйского ухода яблонь. Слепые окна покинутых зданий равнодушно смотрели на Коваль с двух сторон. Хлопал по ветру большой лоскут пластика, зацепившийся за дверную ручку одного из домов. Решетчатый конус антенны на крыше маяка Стас заметил сразу. Подковыляя, с ходу подцепив мощной шипастой лапой, сорвал с петель дверь и, со скрипом нагнувшись, просунул голову в дверной проем.

Через минуту богомол выпрямился и заскрежетал зубами: Стас понял, что его грубым панцирным лапищам не справиться с хрупкой аппаратурой маяка. Неужели все было напрасно: шел, мучился, столько раз умирал... Где найти теперь такого зверя, чтобы справился с громадиной богомолем? Если и есть такой, он, наверное, ростом со слона. Но ведь должен же быть какой-то выход! Не может быть, чтобы не было выхода!

Коваль стоял и думал. Потом он пошел, не оглядываясь, назад, к лесу. В чаще, недалеко от опушки, он нашел дерево пын и, выбрав самый большой из его цветов, блестящий, словно парафиновый, полутораметровый тюльпан, вышел на грань леса и степи. Там, подняв цветок над головой, богомол застыл в охотничьей позе.

Добыча не заставила себя ждать. Громко жужжа, прилетело одно из тех существ, которых Коваль видел в плену у дерева-липушки. Оно зависло в воздухе, пристраиваясь к цветку.

«Щелк», — сработала складная, как циркуль, лапа богомола, и любитель нектара, проткнутый дюжиной шипов, забился в агонии.

Стас с горькой безнадежностью смотрел, как в последний раз дернулось и застыло пестрое тельце. Убил. А надо было поймать живьем!

Он еще раз вернулся в поселок и, подойдя к ближнему бункеру, начал обламывать о бетон шипы на правой лапе. Хитин с хрустом крошился. Из трещин панциря выступали крупные багровые капли. На этот раз осечки не было. Через час в его объятиях билось и громко кричало еще одно такое же существо. Пытаясь держать его как можно осторожнее, Коваль приблизил трепыхающуюся добычу к тому месту на груди, где под слоем хитина лежала матрица, а левой лапой обхватил себя за шею. Резко дернулись мускулы, совпав с толчком выстрелившей в новую цель трансформатрицы. По открытым глазам ударили жесткие метелки степной травы. И — тьма...

* * *

Свет. Море света. Стас летит через это море, часто-часто махая крыльями, несет свое тело к заветной цели, к маяку.

Вот он уже внутри бункера. Ровно горят огоньки на пульте, словно мыши, шуршат по углам пылепоглотители. Неловко пристроившись на вращающемся стуле, Стас слабенкой лапкой своей жмет на белую клавишу связи. В космос летит древняя, как мир, дробь морзянки:

— ЛАВИНИЯ. НИКОНОВУ. «КАМЕРТОН» ПОТЕРПЕЛ АВАРИЮ НА БЕТЕ. ЖДЕМ ПОМОЩИ. ГРУЗ ЦЕЛ. ИЩИТЕ, ИЩИТЕ НАС! И короткая цепочка координат...

Некому было видеть, как от поселка прилетело и скрылось в джунглях маленькое существо. Ему предстояла долгая дорога назад.

Александр КАЗАНЦЕВ

Майна Златоочный Знаний

Научно-фантастическая повесть-гипотеза

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая

ИЩУЩИЙ

Шло третье десятилетие Тридцатилетней войны.

Париж был в счастливом отдалении от мест кровавых схваток «во имя короля иль бога». В Европе неистовствовала реакция, утверждая неограниченную власть королей — абсолютизм. После Реформации, пробудившей надежды угнетенных народов на избавление от гнета церковного монарха, сидящего на «святом престоле», католицизм перешел в наступление под знаменем нерушимых догм. И эти же народы, побуждаемые своими пастырями и суевериями, шли войной друг на друга, сражаясь и побеждая или терпя поражения, захватывая, пытая и казня «не так верующих» или разделяя их судьбу. При этом властители Европы под видом служения папе римскому или освобождения от клерикального гнета пытались прежде всего утвердить собственную власть. И противостояли друг другу в неуголимой вражде с одной стороны — Священная Римская империя, представляемая габсбургами, и с другой — протестантская коалиция во главе с удачливым шведским королем Густавом-Адольфом, непокорные курфюрсты, Нидерланды, Дания, Швеция. К этой воинствующей группе, к которой, помимо религиозной отступницы Англии с ее англиканской церковью, кромвелевской революцией и казнью собственного короля, в удобный момент примкнула и католическая Франция. Ее правитель кардинал Ришелье, близкий к папскому нунцию *, вступая в нескончаемую войну, помышлял не столько об интересах папы римского, сколько о собственной гегемонии в Европе.

И вписывались в летопись сражений имена полководцев, затемнявших один другого, среди которых после Толли особенно прославился Валленштейн. Воспитанный иезуитами, а потом ненавидевший их, он расчетливо женился на родственнице императора и сразу удивил всех сначала небывалой щедростью и роскошными пирами, а вслед за тем редкими способностями в военном деле. Как военачальник, он умудрялся малыми силами побеждать целые армии, а при пустоте императорской казны знал, как обходиться без нее. Он считал, что «армия в двадцать тысяч человек останется голодной, а в сорок тысяч будет сыта и довольна». И там, где проходили его войска, оставалась выжженная земля, покрываемая потом новыми лесами с волками и медведями или болотами с коварными топями. За армией тащились, по численности людей превосходя ее, обозы. На отнятых у крестьян подводах везли скарб, награбленный у жителей этих мест «не так, как надо, молившихся», словом, все то, что по замыслу полководца могло прокормить армию и поднять ее боевой дух, который не держится в голодном теле.

И так двадцать с лишним лет! С переменным успехом для враждующих сторон. Вожди их погибали или в бою, или на плахе (в том числе и непобедимый Валленштейн). Их сменяли

* Послу Ватикана. (Прим. авт.)

другие, продолжая отвратительное преступление против человечества, опустошая цветущие края, растапывая все христианские заповеди морали, за которые якобы боролись.

Историки спустя двести с лишним лет после завершения этого позора цивилизации (по словам Виктора Гюго) так живописали воспроизведенную ими по документам отталкивающую картину:

«...то, чего не могла сожрать или поднять с собой эта саранча, то истреблялось. И оставался за армией хвост из «свиноловов» или «братьев-разбойников», которые не давали спуска ни врагам, ни союзникам, а потом на попойках при дележе добычи резались между собой».

Земские чины Саксонии жаловались:

«Императорские войска явили невиданный даже у турок пример безжалостного истребления всей земли огнем и мечом. Они рубили все, что попало, отрезывали языки, носы и уши, выкалывали глаза, вбивали гвозди в голову и ноги, вливали в уши, нос и рот расплавленную смолу, олово и свинец; больно мучили разными инструментами; связывали попарно и ставили в виде мишеней для стрельбы, или прикручивали к хвостам коней.

«ИСКАТЕЛЮ» 25 лет

Невозможно отрицать влияние на молодежь литературы научной фантастики и приключений. Увлекательная фантастика Жюль Верна пробуждала любовь к науке и технике не только у таких корифеев, как академики Обручев, Ферсман, Капица, Королев, Туполев (по их признанию!), но и у огромного числа инженеров и научных сотрудников, сдвинувших, когда понадобилось горы, создав танки, самолеты, орудия больше и лучше, чем вся покоренная Гитлером Европа. А на фронте бойцы перед боем или разведчики, бывало, вспоминали романтические страницы Майн Рида и Фенимора Купера с благородными образами искателей приключений и защитников добра. А кто в первые десятилетия после Великой Октябрьской революции не помнил лирической Аэлиты, отважного инженера Лося, безоглядного матроса Гусева, поднявшего на восстание марсиан в романе Алексея Толстого, и у него же — зловещую фигуру инженера Гарина с его смертоносными тепловыми лучами, которые ныне мечтают применить в космосе во имя мирового господства радетели сверхприбылей за океанских монополий.

Кто не помнил беляевских героев: Ихтиандра, профессора Доуэля, гриновский «Блестящий мир» с победой над гравитацией или Циолковского, который в научно-фантастической повести «Вне Земли», предвосхитив собственные научные работы, стал общепризнанным «отцом космонавтики»? Кто не помнил воспетых в литературе героев революции и гражданской войны? Кто мальчишкой не играл в Чапаева?

После Победы в Великой Отечественной войне в нашей литературе ощутился пробел в удовлетворении запросов нового поколения в части научной фантастики и приключений, которые бы увлекали и вели за собой.

Женщин позорили всех, без различия возраста и звания; и отрезывали им груди. Как звери набрасывались на детей, рубили, накалывали их на вертелы, жарили в печах; церкви и школы превращали в клоаки. Умалчиваем о других варварских злодеяниях, пером не описать всех».

По свидетельству историка XIX века, «особенно свирепствовала «испанская уния», но немногим лучше были и французы. Немецкая молодежь была перебита, уцелевшие по лесам и болотам падали жертвами заразы и особенно голода, не только питались трупами, но резали друг друга... Из семнадцати миллионов в живых осталось лишь четыре миллиона»*.

Конечно, летописец, писавший эти содрогающие любого читателя строки сто лет назад, не подозревал, что в той же Европе или Южной Америке век спустя (то есть в наше столетие!) другие историки должны написать подобные же строки, но о своем собственном времени. И еще более СТРАШНЫЕ, но уже не О Тридцатилетней, а всего лишь О ТРИДЦАТИМИНУТНОЙ ВОЙНЕ, висящей жуткой угрозой над всем человечеством, пос-

* Профессор А. Трачевский. Новая история. Санкт-Петербург, 1889.

Мне привелось в ту пору предложить ЦК ВЛКСМ создать при журнале «Вокруг света» литературное приложение «Искатель». Начав выходить в столетний юбилей журнала, «Искатель» вот уже 25 лет публикует фантастику и приключения, завоевав признание читателей.

Ныне по традиции я подготовил для юбилейных номеров «Искателя» - повесть «ТАЙНА ЗАГАДОЧНЫХ ЗНАНИЙ» как продолжение повести «КОЛОКОЛ СОЛНЦА» («Искатель», 1984, № 2), стремясь привлечь внимание к легендарной фигуре французской истории, к Сирано де Бержераку, человеку даже более удивительному, чем его современник д'Артаньян, прославленный несравненным Александром Дюма. Забияка-дуэлянт, в беспримерном бою сразу со ста противниками завоевавший освобождение Кампанеллы, превратился вдруг в поэта, философа, писателя, обладавшего необъяснимыми для его времени знаниями космических кораблей, радио, телевидения, звукозаписи, электрического освещения, мира микробов, предвосхитив и закон тяготения Ньютона, и открытия Пастера, и достижения нашей современной цивилизации (что оценить можем лишь мы 350 лет спустя!).

Повесть-гипотеза объясняет этот феномен, отталкиваясь от собственных объяснений Сирано в его трактате, пережившем столетия.

Сирано де Бержерак не просто загадочная историческая личность, он как бы и наш современник (не только по знаниям!). Недаром подпольная газета бойцов французского Сопротивления называлась «Сирано де Бержерак». И этот вольнодумец, враг невежества, искатель добра близок нам, советским людям.

Александр КАЗАНЦЕВ

ледствия которой могут быть губительнее всех минувших войн, вместе взятых.

Конечно, этого не могли даже вообразить себе двое молодых людей, вкусивших первые плоды войны и шествовавших теперь по парижским улицам: один в надвинутой на глаза шляпе, с черной повязкой на лбу, прикрывающей брови, бледный, очевидно, от перенесенной потери крови, худощавый, другой — розовощекий здоровяк, покинувший гасконскую роту гвардейских наемников не из-за ран, как его спутник, а из отвращения к виду крови. Солдатом тогда был лишь получавший за это жалованье.

Но потрепанных гвардейских мундиров молодые люди снять не успели, шагая среди куда-то спешащих, суетливых, пестро одетых парижан.

Кареты с гербами на дверцах, запряженные попарно цугом подооранными по масти лошадьми, проносились по ухабистым мостовым. Всадники в шляпах с перьями без стеснения пускали коней вскачь, заставляя прохожих испуганно жаться к стенам, снимая на всякий случай шляпы.

Приятели были слишком горды, чтобы унижаться перед надменными кавалерами, но уступать им дорогу приходилось.

Наконец они достигли своей цели, но были ошеломлены представшей перед ними картиной: особняк герцога д'Ашперона, который был им нужен, обнесенный каменной стеной, как крепость в центре Парижа, словно был взят штурмом. Во всяком случае, несколько каменщиков в перепачканных фартуках пробивали в стене проем, а плотники в менее грязных передниках сооружали мостик через канаву, знаменующую крепостной ров под стеной.

— Похоже, что его светлость господин герцог попал в немилость, — сказал розовощекий.

— Напротив, — усмехнулся его спутник с черной повязкой на лбу, — как бы это не знаменовало особое внимание высокой особы к нашему герцогу.

Молодые люди, решившие не торопить события, смешались с толпой, тоже заинтересованной происходящим.

Через каких-нибудь полчаса проем в стене был пробит, деревянный мостик возведен, и рабочие скрылись за стеной.

Розовощекий, толкнув приятеля в бок, кивнул вдоль улицы.

Там появился отряд гвардейцев личной охраны его высокопреосвященства господина кардинала Ришелье.

Горожане толпились у стен домов и низко кланялись. Дюжие гвардейцы несли на плечах жерди носилок, на которых покоилось кресло. На нем гордо восседал в пурпурной мантии, бесильно свесив парализованные руки и ноги, кардинал Ришелье.

Он поворачивал голову на тонкой шее из стороны в сторону и ястребиным колким взором оглядывал все вокруг, являя собой несокрушимую силу, презревшую собственную немощь.

Многие падали перед ним на колени, протягивали руки, стараясь коснуться пальцами свисавшей с носилок алой мантии.

Впереди шел герольд со звонкой трубой, украшенной цветными лентами, вслед за ним и позади носилок шествовали вооруженные гвардейцы, которые грубо отталкивали ботфортами тянущиеся к властителю Франции руки.

Процессия остановилась перед мостиком и прошла по нему в пробитую в стене брешь, скрывшись во дворе замка герцога д'Ашперона.

Стоявшему в толпе молодому человеку с повязкой на лбу показалось, что немощный, но могучий кардинал, встретясь с ним взглядом, сверкнул глазами. Это заметил и его розовощекий приятель.

— Он узнал тебя, Сави! — прошептал он.

— Не думаю. Что я для него? Дуэлянт, скандалист.

— Не скажи! А кто выиграл у него заклад о том, что не допустит сожжения книг Декарта?

— Этого он забыть не мог! — с многозначительной улыбкой непоследовательно отозвался Сирано де Бержерак.

Конечно, он, прославленный драчун и забияка, не мог не гордиться победой в невероятной битве против ста противников у Нельских ворот. Ведь из-за этого кардиналу (что неизвестно историкам!) пришлось по условию заклада добиться в Риме освобождения вечного узника Томмазо Кампанеллы, первого провозвестника коммунизма в Европе, призывавшего к уничтожению причины всех зол — частной собственности при полном равенстве людей без различия пола, званий и сословий.

Прожив последние годы в приютившей его Франции, перенесший тридцатилетнее заключение, философ недавно умер в предоставленном ему Ришелье убежище под Парижем — местечке Мовьер, где родились оба молодых человека, наблюдавшие сейчас многозначительное посещение всесильным кардиналом Ришелье наверняка трепещущего перед ним герцога д'Ашперона.

— Надеюсь, носилки кардинала удалось внести в замок без выламывания парадных дверей? — не без иронии заметил Сирано.

— Тише ты! Здесь всюду шпионы кардинала, — зашипел Лебре, друг детства Сирано и соратник в бою.

— Совершенно с тобой согласен, но все же думаю, что его высокопреосвященство предпочтет беседу с его светлостью без нашего с тобой участия, дорогой Кола.

— Не могу этого отрицать, Сави. И будь у нас иная цель, я предпочел бы находиться где-нибудь подальше.

— Нет, зачем же? — возразил Сирано. — Отсюда мы увидим, как пышная процессия проследует обратно. Тогда настанет наш черед.

Друзьям не пришлось ждать долго. Очевидно, высокий визит носил предупредительно символический характер, и его высокопреосвященство не удостоил герцога продолжительной беседой, и, может быть, главным в этом посещении была пробитая брешь в стене замка излишне влиятельного вассала. Герцогу предоставлялась возможность поразмыслить над тем, что кардинал не пожелал пару раз завернуть за угол, чтобы пройти через главные ворота, а приказал нести себя напрямик. Он никогда ничего не делал без задней мысли. Может быть, такая мысль пришла к нему на этот раз от воспоминания о выпускном акте в коллеже де Бове, когда наказанный выпускник Савиньон Сирано де Бержерак выломал наскоро сложенную в актовом зале стенку карцера, чтобы отвечать на вопросы его высокопреосвященства.

Через некоторое время толпа наблюдала, как в проеме показался герольд с украшенной лентами трубой, возвещающей о появлении повелителя Франции. Затем группа солдат с носилками на плечах вынесла покойное кресло с беспокойным, хотя и недвижным, кардиналом в пурпурной мантии.

Многие из собравшихся парижан, бросаясь на колени, кричали славу кардиналу.

Когда толпа за процессией замкнулась, наполнив улицу шумным говором, в проеме стены показался герцог д'Ашперон. Величавый, с белой эспаньолкой и озабоченным лицом, он вышел вслед за кардиналом без шляпы, и ветер развеивал его длинные седые волосы. Он стал деловито распоряжаться вновь появившимися каменщиками и плотниками, приказав разобрать мостик и заделать стену камнями.

Лебре подошел к его светлости и как-то по-особенному сложил пальцы рук.

Герцог кивнул, жестом предлагая следовать за ним.

— А не служит ли, ваша светлость, работа этих каменщиков неким символом Добра? — вполголоса спросил Лебре.

— Лишь бы не стала символом отнюдь не Добра причина, призвавшая каменщиков сюда, — сумрачно отозвался герцог.

Сирано де Бержерак молча шел следом, привычно придерживая локтем рукоятку шпаги, создавшей ему легендарную славу в более чем ста удачных дуэлях, неизвестно как сошедших ему с рук.

Вход в замок д'Ашперона был с другой улицы, чтобы достичь его, требовалось дважды завернуть за угол, чего не пожелал сделать кардинал Ришелье, предпочитавший идти в буквальном смысле «напролом».

Герцог с двумя друзьями поднялся по винтовой, широкой мраморной лестнице и провел их анфиладой роскошных комнат. Хрустальные люстры, ценные картины, вазы тончайшей работы, фарфоровые безделушки из далеких стран, оружие со сверкающими ножами и рукоятками, украшавшее стены там, где не было цветных панно.

Богатые комнаты кончились, хозяин особняка повел друзей по невзрачной крутой лестнице вниз, очевидно, в подвальное помещение.

Сирано, привычно усмехнувшись, подумал про себя: «Здесь гвардейцам с носилками его высокопреосвященства не удалось бы развернуться. Очевидно, прием кардинала и двух скромных солдат намечался в разных по убранству комнатах».

Герцог пропустил Сирано вперед, а сам вместе с Лебре задержался на ступеньках лестницы.

Спустившись, Сирано оглянулся и увидел, что оба его спутника оказались в белых замшевых запонах, передниках. Головы их накрылись белыми капюшонами с прорезями для глаз. Он не сразу понял, кто герцог, а кто Кола. Он узнал друга лишь по грузноватой фигуре, а герцога по величавой осанке.

— Ищущий себя в братстве доброносцев, — торжественно обратился к Сирано скрытый капюшоном герцог, — тебе предстоит пройти испытания прежде, чем ты предстанешь перед Вершителем Добра. Как скромный здешний надзиратель, я передаю тебе в руки назначенного тебе ротора.

И тут Сирано увидел подле себя еще одну фигуру в белом запоне и капюшоне, скрывавшем лицо.

— Ай эм сорри, сэр, прошу прощения, но вам придется довериться мне, — с английским акцентом произнес незнакомец и протянул руку.

Меж тем герцог-надзиратель надел на голову Сирано капюшон, но без прорезей для глаз, и он ощутил себя беспомощным слепцом. Однако ритор-англичанин держал его руку.

— Плиз, сэр. Прошу вас, — предложил он.

Сирано, доверяясь своему поводырю, двинулся вперед, но вскоре споткнулся, пол ушел у него из-под ног, и он, оступившись в яму, едва удержался, стоя. Ритор помог ему выбраться оттуда, и они снова двинулись вперед. И опять ощутились неровности пола. Теперь Сирано уже не терял равновесия, нащупывая ногой, куда ступить.

Сирано ощутил, что они с сопровождающим вошли в просторное помещение, в котором гулко отдавались их шаги.

— Ваше проходное слово? — раздался неведомо кем заданный вопрос.

— Габаон, — ответил ритор и громко возвестил: — Сообщаю братьям-доброносцам и достопочтенному Вершителю Добра: новоявленный ищущий под именем Савиньона Сирано де Бержерака достоин быть принятым в наше благочестивое общество для Великого Дела Борьбы со Злом.

— Кто поручается за него? — послышался голос Вершителя Добра.

— Почтенный магистр и Поборник Добра, советник Парламента в Тулузе, поэт и математик, метр Пьер Ферма, занятый делами в Парламенте, он не смог прибыть в Париж на это заседание (сожалею об этом), но по нашему уставу поручительство может быть заочным. Вери уэлл! Я кончил.

— Очень хорошо, — словно перевел его последние слова Вершитель Добра. — Сообщение ритора принято. Откройте глаза ищущему.

Ритор не стал снимать с головы Сирано капюшон, а лишь повернул его прорезями для глаз вперед (они были до того на затылке), что позволило ему увидеть дюжину шпаг, направленных присутствующими доброносцами. в капюшонах ему в грудь.

— Оцени, ищущий, что шпаги эти лишь видимым образом устремлены к твоему сердцу, которое отныне ты отдаешь Добру. Эти шпаги доброносцев всегда будут за вас, пока вы общаетесь с нами будете служить делам общества, противостоять разгулу Лжи и Насилия во всем Свете. Но горе вам, если вы измените клятвам, которые сейчас принесете. У нас всюду глаза и уши, по их сигналу эти шпаги пронзят неверное сердце.

— Уэлл! — возгласил ритор. — Заверяю, что шпагам этим не придется пролить кровь ищущего, которого по поручению Вершителя Добра я наставляю на должный путь, как того требует наш устав.

Сирано оглядел подземное помещение без окон со сводчатым потолком.

— Все мы объединены здесь единой целью сотворения Доб-

ра, — громко поучал ищущего ритор. — Готов ли ты объединиться с нами?

— Готов, — ответил Сирано, — и надеюсь, что Добром будет и защита права на жизнь каждого из живущих.

— Ритор! Твой «ищущий» произнес благие слова, — отозвался Вершитель Добра. И только сейчас Сирано узнал старческий голос своего бывшего учителя, деревенского кюре из Мовьера, перед которым сейчас почтительно стояли доброносцы в капюшонах, а среди них «местный надзиратель» — герцог д'Ашперон рядом с сыном лавочника Кола Лебре, другом детства Сирано де Бержерака.

— Ищущий Савиньон де Бержерак, — провозгласил Вершитель Добра — кюре, протягивая Сирано бумагу, — прочти и подпиши эту клятву, которую даешь перед будущими соратниками по обществу, которое в современном мире Зла и Несправедливости вынуждено быть тайным.

Сирано прочел:

— «Я, ищущий блага людям Савиньон Сирано де Бержерак, клянусь перед господом богом, перед светлым разумом человечества и перед братьями-доброносцами, что с нерушимой верностью употреблю все свои силы, а если потребуется, отдам жизнь для достижения мира и согласия между людьми всех стран, и да поможет мне в этом мой разум и совесть, которые объединю с Разумом и Совестью всех людей, живущих на Земле без различия званий, рас и убеждений. Аминь».

— Поздравляю тебя, сын мой, который стал отныне доброносцем, — торжественно сказал старый Вершитель Добра. — Дела твои теперь станут нашим Общим Делом, в котором нуждается несчастное человечество, вот уже более двух десятилетий терзаемое кровопролитной войной ханжей и властолюбцев. Что можешь сказать ты, новый доброносец, своим собратьям по обществу?

Сирано задумался лишь на мгновение, а потом решил пропеть свой сонет, выражавший его сокровенные помыслы, посвященный Томмазо Кампанелле, которого он поместит впоследствии в своем трактате в страну мудрецов на иной планете, названной им «Солнце».

ФИЛОСОФУ СОЛНЦА

История страны — поток убийств
Во имя короля иль бога.
Велик лишь тот, кто совестью нечист
И золота награбил много.

Добра искатель ходит в чудаках.
Мыслителям грозят кострами.
Ползи, лижи — не будешь в дураках,
Найдешь благословенье в храме.

Но солнца свет не в пустоте ночей!
Откроем ум и сердце людям:
И мириадами живых свечей
Единым пламенем мы будем!

Мир станет общим, каждый — побратим,
«Мне — ничего, а все, что есть, — другим!».

— Верно сказано сердцем твоим, достойный доброносец, — произнес Вершитель Добра. — Так пусть же эти твои стихи, поэт, станут путеводной звездой для тебя со словами, внушенными тебе Кампанеллой: «Все, что есть, — другим!» Иди с ритором, да наставит он тебя на путь Добра.

И снова взял ритор уже зрячего Сирано за руку, предварительно надев на него белый запон. Сирано ощутил мягкое прикосновение нежной замши. Ритор повел его из подвального зала в другую комнату, где должна была состояться их тайная беседа.

Они прошли коридорами с низкими сводчатыми потолками, пока не очутились в тесной келье. Ритор тщательно запер дверь и, протянув руку, зажег неведомый светильник в стеклянном баллоне без видимых поступлений в него горячего, а свечу, с которой они шли, потушил.

— Итак, брат добра, можешь снять капюшон, чтобы легче дышалось, ибо разговор наш будет долгим. Уэлл?

Сирано с удовольствием освободился от капюшона, наблюдая, как то же самое делает и его ритор. Однако, сняв белый капюшон, англичанин остался в черной полумаске, прикрывающей верхнюю часть лица.

— Мы почти в равном положении. Уэлл? Если иметь в виду вашу черную повязку, сэр, — сказал ритор. — Впрочем, оставим вашу повязку на ране в покое, я же позволю себе в знак нашей дружбы снять свою маску, чего не делаю никогда, известный в Англии своим чудачеством или желанием скрыть дефект лица — писатель Тристан Лоремитт к вашим услугам, сэр!

С этими словами ритор снял маску и заставил Сирано окаменеть от изумления. Он видел перед собой свое собственное лицо, каким обладал до ранения и которое из-за носа, начинающегося выше бровей, доставило ему в жизни столько боли, послужив причиной и его славы скандалиста-дуэлянта, и несчастий уроды.

— Как видите, если не считать разницы в возрасте, мы похожи, как близнецы, — произнес Тристан. — И первое, что я хочу тайно открыть вам или тебе, брат мой по Добру, что истинное наше братство надо считать по крови.

— По крови? — изумился Сирано.

— Да, по нашей общей прародине и прапредкам, посетившим когда-то Землю с «Миссией Ума и Сердца» от другой звезды, — окончательно ошеломил Савиньона Тристан.

Глава вторая

ДЕМОНИЙ СОКРАТА

Герцог д'Ашперон, как радушный хозяин и «местный надзиратель», простился с доброносцами и проводил их всех, после чего с озабоченным видом проверил, восстановлена ли стена, хорошо ли закрыты ворота, потом вызвал всех своих людей, раз-

дал оружие, расставил по местам и даже послал «смотровых» на соседние улицы.

Вероятно, «посещение с проломом стены» его высокопреосвященства и состоявшийся без свидетелей разговор с ним не без оснований насторожили герцога.

В подземелье замка остался лишь ритор и только что принятый в общество доброносцев Сирано де Бержерак.

Сирано не пришел еще в себя от признания Тристана в его с ним внеземном родстве. А тот как ни в чем не бывало продолжал наставительную беседу с новообращенным:

— Твой сонет, друг Сирано, убедил меня, что ты мыслишь не так, как все. Вернись! Превосходно! И ты пробудил во мне некоторые воспоминания, которыми я хотел бы поделиться со своим братом по добру и по крови.

— Признаюсь вам, ритор, слова ваши о нашем родстве волнуют меня, ибо мне уже приводилось слышать намеки на мое якобы внеземное происхождение. Так говорил индеец-мая, рассказывая о белых богах, прилетавших тысячи лет назад на полуостров Юкатан, что за океаном. По его словам, они запрещали не только человеческие жертвоприношения, но и любые убийства, учили отказу от войн, обязательному для всех труду, презрению к богатству, всеобщему равенству людей без различия каст, знатности и принадлежащих им владений. Но такое учение якобы не понравилось былым вождям и жрецам, отвергнувшим пришельцев, и те, разочаровавшись в неразумных людях, улетели, оставив после себя жен, которых брали из числа местных женщин, и потомство с наследственным признаком — носом, начинавшимся выше бровей, как у меня и у вас, ритор.

— Узнаю участников нашего первого межзвездного похода «Миссии Ума и Сердца»! Они действовали от всего сердца, но слишком прямолинейно. И не только на заокеанском материке, в Америке.

— Да, ритор, из некоторых библейских текстов следует, что «сыны неба входили к дочерям человеческим, и те рожали им гигантов».

— Это все тот же межзвездный поход. Главный корабль находился между Землей и Луной, посылая малые небесные шлюпы во все места Земли, где можно было оказать помощь людям, содействовать их процветанию. Это и записано в вашей Библии. В отдельных своих частях она является хроникой древних событий и заслуживает там доверия не меньшего, чем клинописные письма шумеров о Гильгамеше, которые еще предстоит прочесть людям, или древнеегипетские сказания о божестве Тот-Носатом.

— О нем говорил со мной метр Пьер Ферма, мой поручитель, рассказав о своем посещении Египта и знакомстве с культом бога Тота, покровителя ученых и мудрости, открывшего людям многие знания и будто прилетевшего с Сириуса.

— Названия небесных тел условны, друг мой, — перебил Тристан. — Могу ли я говорить с тобой на древнегреческом языке?

— Я изучал его и пойму вас, но отвечать предпочту по-французски, чтобы не истерзать ваш слух своим произношением.

— Я, конечно, привык к безупречной и сладкозвучной лексике древних, но наш двуязычный диалог состоится. Итак, нашу с тобой прародину я назову на древнем языке Солярией, а ее обитателей соляриями.

— Как в «Городе Солнца» Кампанеллы?

— Именно потому я и употребил эти латинские названия, более близкие твоему сознанию, чем истинные наименования, трудно воспринимаемые земным ухом.

— Все это поражает меня, брат Тристан. Если я твой брат по прародине в межзвездной бездне, то что значит по сравнению с этим мой сонет с мыслями, хорошо известными Томмазо Кампанелле, которому посвящен сонет.

— Это говорит лишь о том, что Томмазо Кампанелла, чьим убежденным последователем ты стал, мыслил не так, как другие: А великий Сократ говорил мне в одну из наших с ним встреч: «Думать не так, как другие, вполне достойно, если это служит благу людей».

Сирано недоуменно посмотрел на ритора и переспросил:

— Сократ? Встреча с Сократом? Я не ослышался?

— Конечно, Сократ! Замечательный, простой и мудрый человек с лицом фавна и трепетным отзывчивым сердцем. Я рассказываю о первой нашей встрече с ним.

— Зачем ты шутишь, брат Тристан? Или испытываешь меня?

— Испытания ты уже прошел. Я должен направить тебя на твой путь, как и сделал это в отношении Сократа в свое время.

Сирано едва сдерживал овладевшее им бешенство. Что это? Неужели англичанин, владеющий древним языком, издевается над ним? Внезапно пронзительная мысль охватила Сирано. Нет, нет! Скорее всего он имеет дело с умалишенным! И бред того о богах-соляриях так же достоверен, как и его «бессмертие», позволившее ему «в свое время», две с лишним тысячи лет назад, общаться с Сократом.

Жгучую горечь и жалость ощутил Сирано. Что бы он отдал, чтобы вернуть недавнее состояние готовности бороться вместе с доброносцами против Зла, добиваясь торжества Справедливости! И Сирано отвернулся, чтобы скрыть выступившие у него на глазах слезы, не прерывая «больного».

А «безумный» Тристан как ни в чем не бывало предавался воспоминаниям:

— Это было во времена великого зодчего Фидия и его друга Перикла, правителя Афин, созидавших великолепный храм Афины-Девы на холме над городом. Дороги шествий еще не было, Я всегда имел склонность к лазанию по скалам, закаляя характер, потому не воспользовался подъездными путями для доставки наверх мрамора, а по крутой горной тропке поднялся прямо на площадку, где уже красовался почти законченный Парфенон. Как красивы были его мраморные колонны на фоне удивительно синего неба! Великолепная гармония пропорций! Солярии могли бы позавидовать, если бы знали такое чувство! Но мне хотелось не только любоваться истинной красотой, создаваемой людьми, но увидеться с молодым скульптором, сыном каменотеса, всю жизнь высекавшего из глыб «божества». Этому молодому человеку Фидий поручил украсить храм изображением

богинь, носительниц Зла, а Сократ, так звали ваятеля, самовольно заменил мрачные фигуры светлыми изображениями богинь Добра и сделал это так впечатляюще, что разъяренный было самовольством подмастерья Фидий в восхищении от увиденного признал решение юноши лучшим, чем его прежний замысел. Мне же казалось, что художник, вооруженный идеями Добра, воплотивший их силой искусства в благородный камень, может оказаться тем самым соратником по «Миссии Ума и Сердца», которого я тщетно искал по всей Элладе. Кто знает, может быть, скульптор Сократ, не будь моего вмешательства, обрел бы не меньшую известность, чем философ, искатель Блага, каким он стал после наших бесед. Цени их и прислушиваясь к моим советам, он оставил мрамор и свой шелковый хитон с нарядными сандалиями, бродя среди народов босой, едва ли не в рубище, и беседуя с людьми о жизни, дабы направить каждого по светлому пути. Так он стал признанным первым мудрецом Эллады.

— Уж не хочешь ли ты сказать, — прервал наконец Тристана Сирано, полный не столько сострадания, сколько возмущения и сарказма, — что был тем самым Демонием Сократа, о котором тот говорил как о неизменном своем советчике?

— Именно так, брат мой по крови, Демоний Сократа — твой слуга! Как принято говорить в ваше время.

И здесь самообладание Сирано изменило ему. Перед ним, бесспорно, не умалишенный, а англичанин-насмешник, решивший унижить французика, снискавшего славу дуэлянта, оскорбив и обезоружив его издевательским обрядом. Неужели же все, произошедшее в подвальном зале, это лишь жалкое балаганное представление, разыгранное для того, чтобы развенчать Сирано!

Скачки настроения и противоположных выводов были характерны для вспыльчивого и резкого Сирано де Бержерака. Оскорбленный и уязвленный, он потерял над собой власть и, ухватившись за шпагу, сквозь зубы процедил:

— Да было бы вам известно, мистер Лоремитт, что я провел более ста дуэлей, хотя ни разу не вызывал своего противника на поединок. Они сами после моего словесного отпора обидчикам вызывали меня. Но ваши речи, сэр, оскорбляют не только меня, но и великих мыслителей, которых я чту. Вы решились глумиться над Сократом и Кампанеллой, и вам придется в таком случае скрестить со мной оружие!

— Что я слышу? Не хочу верить ушам! Вери бед! Скверно! Не ты ли, брат Савиньон, подписал клятву кровью?

— Я не преступлю клятвы, защищая свою честь и доброе имя философов, и не позволю никому, как не допустил сожжения книг Декарта у Нельских ворот, слышите, никому, даже назвавшемуся моим ритором, водить меня за нос, как бы он ни был велик, с помощью басен и сказок о вземных существах или собственном «бессмертии».

Тристан Лоремитт расхохотался, и смех его был таким искренним и заразительным, что подействовал отрезвляюще на Сирано, который не знал, как этот смех воспринять, и совершенно смутился.

— Брат мой Савиньон! — перешел на французский язык Лоре-

митт. — Я не сомневаюсь, что тебе ничего не стоило бы с помощью своей шпаги доказать, что я вовсе не бессмертен. Приношу твою правоту. Приношу свои извинения. Прошу пощады и согласия выслушать меня. Мне легко если не доказать, то показать, что, не отличаясь от людей продолжительностью жизни, я действительно встречался с Сократом.

— Как это может быть? — хмуро спросил Сирано.

— Только такому острому уму, как твой, я берусь объяснить это. Согласись лишь выслушать меня.

— Я должен не только согласиться, но и понять.

— Это уже моя забота. Так слушай, вспыльчивый мой друг. Наша прародина Солярия, как я назвал ее для тебя, находится у другого солнца, пусть его называли когда-то Сириусом или как-нибудь по-другому. Расстояние до нее так огромно, что даже свет идет оттуда до Земли годы и годы. Понятно? Еще больше, чем свету, нужно затратить времени межзвездному кораблю, чтобы преодолеть это расстояние, как приходилось нам, соляриям, в своем стремлении добраться до вашей Земли. И беда, если б Природа не пришла нам на помощь!

— Чем же можно помочь в преодолении бездны небесной? Что может сравниться со скоростью распространения света, о которой ты говоришь и которую мы воспринимаем как мгновенное сверкание луча?

— Мгновенное? Нет и нет! Природа, наоборот, поставила предел достижимой скорости. Ничто не может перемещаться быстрее, чем распространяется свет! Вам, людям, этот простой закон пока еще неизвестен, однако он непреложен. С приближением летящего тела к этой скорости для него меняется течение времени. Оно уже иное для улетающих на корабле к звездам, чем у оставшихся на месте.

— Время иное? Как это понять?

— Очень просто! В Природе есть немало примеров заложенных в нее ограничений. Нельзя, например, разделить камень на части, получить вес частей больше, чем имел сам камень.

— И что же?

— Изволь. Найдешь ли ты что-либо центральнее центра окружности?

— Разумеется, нет, ибо окружность строится из центра.

— Вери уэлл! Считаю, что из «центра» построена и наша Вселенная, для которой время течет с момента ее возникновения, а в ее центре оно стоит и всегда стояло. В этом разгадка вечности, друг мой. Вселенная потому и существовала всегда, что в центре ее время оставалось и остается недвижимым.

— Допустим. Значит, чтобы время стояло не только в центре Вселенной, пришлось бы всему веществу ее, уподобившись лучу света, мчаться с предельной скоростью?

— Ты неплохой ученик, брат мой. Ты угадал, что стоянию времени соответствует перемещение тел в пространстве именно такой, назовем ее центральной, скоростью. Центральной, поскольку нет ничего центральнее центра окружности. И теперь тебе станет понятным некий образ: представь себе стрелку Вселенских Часов, где протекшее время отмечается не углом поворота стрелки, а длиной дуги, описанной или ее концом или лю-

бой точкой на ней, вплоть до оси вращения. Представь еще, что конец стрелки Вселенских Часов отмечает время для тел, находящихся в покое, а перемещение точки от конца стрелки к ее центру вращения отражает скорость, обретенную телом. Дуги, описываемые точкой, по мере ее приближения к оси вращения, будут тем короче, чем меньше станет радиус описываемой ею дуги. А в центре вращения дуга станет равной нулю, и время остановится. Понятно?

Сирано наморщил лоб и произнес:

— Следовательно, если мысленно перенестись на луч света, то распространяется он в любое место Вселенной мгновенно, раз время у него стоит.

— Ты понял самую суть! Все именно так! Для луча света или тела, достигшего скорости распространения луча, время стоит. Но для остального мира, для всех его тел, в зависимости от скоростей, с которыми они движутся и находятся в покое, время протекает по-прежнему. Это ты уяснил?

— Видимо, так.

— Вот и открытие тайны моего «псевдобессмертия»! Просто после пережитого мною несчастья на Земле, где я оказался неспособным предотвратить вероломную казнь лучшего из людей, великого философа Сократа, добившись лишь его посмертной реабилитации, я, готовый сам выпить предназначенную Сократу чашу яда, счел необходимым вернуться на Солярию, чтобы сообщить о своей несостоятельности. Летя туда со скоростью, близкой к скорости света, как бы приближаясь умозрительно к оси вращения стрелки Вселенских Часов, я обошел земные тысячелетия, отмечаемые концом этой стрелки. И когда, найдя на Солярии успокоение и поняв свой долг продолжать выполнение «Миссии Ума и Сердца», я вернулся на Землю, для меня минуло двадцать лет, ровно на столько я и постарел, а на твоей Земле прошло, как ты уже представил себе, два тысячелетия. И вместо Сократа я нашел Сирано де Бержерака. Ты мог бы теперь считать меня своим Демонием, если бы сам не был сравнительно близким потомком соляриев. Нам обоим надлежит вместе продолжить Великое Дело «Миссии Ума и Сердца», которому на службу я пытаюсь поставить тайное общество доброносцев, поскольку оно может быть противопоставлено государственным и церковным войнам и античеловеческому произволу, хотя в грядущем всегда надо предвидеть возможность недостойного использования подобных обществ в совершенно противоположных целях. И все же нельзя ныне бездействовать, видя неисчислимые несчастья наших братьев на Земле.

— Ты считаешь уже всех людей своими братьями?

— Так же, как и тебя, — братьями по крови! Правда, если охватить мыслью миллионы лет, которые прошли со времени прилета сюда первых соляриев-колонистов.

— Где же они, эти носолобы?

— И у нас на Солярии, друг мой, живут многие народы и, подобно земным, имеют свои характерные черты лица. Разные расы в различное время достигали там вершин цивилизации.

— Ну, если не наследственные признаки, то куда же делась на Земле привнесенная на нее цивилизация?

— Считаю, брат мой, что ваши мифические Адам и Ева были

соляриями, но «райскую цивилизацию» покинутой планеты удержать им было не под силу. Ведь цивилизация — это не только сумма знаний, передаваемая поколениями с помощью обучения. Книги и предметов культурного обихода. Клиз? Понятно? Это еще и мастерские, надлежащим образом оборудованные, с умелыми руками, способными подобные предметы воспроизводить. Требовалось и сырье, которое надо было найти в незнакомых недрах, научиться использовать. А потомки первых колонистов, оказавшись среди богатой земной природы, должны были бороться за существование, когда грубая сила и ловкость в борьбе с земными зверями оказались нужнее книжных знаний культурных предков. И увы, за первые десятки тысячелетий, а быть может и много быстрее, первые колонисты с Солярии одичали, превратившись из соляриев в людей, дав начало роду человеческому, когда охота, то есть убийство живых тварей, стало основой существования.

— Но почему в памяти людской не осталось ничего о нашей прародине?

— Почему же не осталось? Вспомни детские сны, ощущение полета без всяких усилий.

— Допустим, и я помню такие ощущения. И что же?

— Так ведь это ощущения ваших пращуров, которые испытывали потерю веса при преодолении звездных бездн.

— Ты хочешь сказать, что не бог создал на Земле человека, а он прилетел со звезд?

— Именно это, ибо нет у вас на планете самостоятельно развившегося на ней разумного существа и нет у человека здесь сородичей. О подлинных же своих братьях земной человек забыл. Но на Солярии вспомнили тех, кто покинул когда-то наш мир, чтобы заселить иной. И пусть спустя непостижимо долгое время и смену несчетных поколений благодаря сделанным историками Солярии находкам удалось возродить память об улетевших братьях. Уклад нашего общества к тому времени уже стал таков, что посылка «Миссии Ума и Сердца» к древней земной колонии соляриев стала нашей потребностью, хотя участие в ней, связанной с межзвездным полетом, требовало от миссионеров отказа от личного счастья, от родных и близких, которые не могли уже дожидаться их возвращения на Солярию. У вас это называли бы подвигом. У нас — велением сердца. Ты все понял?

— «Мне ничего, а все, что есть, — другим!»

— Ты угадал в своем сонете наш завет. Поэтому я и обращаюсь к тебе, рассчитывая на твое участие в «Миссии Ума и Сердца», в которой так нуждается человечество.

— Лоремитт! Я всей душой готов поверить тебе! К сожалению, даже впечатляющая история одичания наших земных предков — еще не доказательство достоверности тобой рассказанного, ибо приведено писателем Тристаном Лоремиттом, отличающимся смелой выдумкой, столкнувшей меня с «живым Демонием Сократа».

— Выдумкой? — впервые возмущенно воскликнул ритор. — Вы, люди, воображаете, будто то, чего вы не понимаете, имеет духовную природу или вообще не существует.

— Ты прав, Тристан. Наши лжемудрецы порой считают, что то, чего они не знают, быть не может. Как вольнодумец, я отрицаю их догмы, но я и у призрака, явившегося мне, готов потребовать доказательств его существования.

— Вери уэлл! Я представлю их тебе... Устроит ли тебя, если я...

Лоремитт был прерван громким условным стуком в дверь. Тристан открыл ее и увидел на пороге встревоженного герцога д'Ашперона.

— Скорее! Гвардейцы кардинала штурмуют замок. Они требуют выдачи английского шпиона Лоремитта, который, по сообщениям доносчиков кардинала, вошел в замок, не выйдя оттуда с остальными гостями.

Тристан Лоремитт совсем по-мальчишески присвистнул, хотя по внешности ему было лет под семьдесят, и подмигнул Сирано, надевая свою черную маску.

— Я буду защищать вас своей шпагой! — запальчиво предложил Сирано.

— Нет, — возразил герцог. — Вы возьмете двух коней и вместе покинете Париж.

— А вы, ваша светлость, останетесь заложником? Я не могу этого допустить! — протестовал Сирано.

— Отнюдь нет. Я открою ворота и предложу гвардейцам обыскать замок, конюшни, помещения для слуг.

— А мы? — удивился Сирано.

— Вы будете скакать по одной из ведущих из Парижа дорог. Следуйте за мной, — с присущей ему краткостью речи предложил герцог.

Лоремитт в неизменной своей маске и Савиньон Сирано де Бержерак с черной повязкой на лбу двинулись за седовласым величественным герцогом, который повел их по коридору, отпер замыкающую его дверь и пропустил вперед, сам освещая сзади дорогу факелом, который держал в руках.

Пахло сыростью. Они двигались в подземелье, однако вскоре ощутился запах конюшни. Они действительно оказались рядом со стойлами, где их ждали двое уже оседланных коней.

— Берите поводья, — скомандовал герцог, — ведите коней за собой. Я буду освещать путь впереди.

Тайный подземный ход вел куда-то из замка д'Ашперона, предусмотрительно сооруженный, видимо, еще предками герцога. Кони, бывшие всегда наготове, составляли с подземным ходом неотъемлемую часть защиты хозяина замка, жившего в беспокойную эпоху смут и сражений народа с солдатами, католиков с гугенотами, короля с вассалами, хотя бы находившимися у него под боксом в Париже.

— Куда, ваша светлость, ведет этот ход? — спросил Сирано.

— Он выведет на берег Сены, где, я думаю, ваша прославленная шпага, господин де Бержерак, не понадобится. Надеюсь, вы не откажете мне вернуться в мой замок в качестве должным образом обеспеченного мной поэта?

Сирано было вспыхнул. Ведь он не раз отвергал подобные предложения и даже сделанное самим кардиналом Ришелье. Однако сдержал себя, вспомнив о подписанной им клятве, поняв, что герцог делает это предложение, исходя из интересов

тайного общества; помимо того, Сирано вспомнил, что, отказавшись от солдатского жалованья, он лишен всяких средств к существованию, ибо обратиться за ними к отцу господину Абелью де Сирано де-Мовьер-де-Бержераку он не мог. Тот слишком потратился на экипировку сына в гвардейцы короля, чтобы при своей скупости давать теперь еще деньги на его содержание.

Обо всем этом думал Сирано, замыкая шествие, где впереди с факелом величественно шествовал герцог, словно не в подземелье, а по дворцовому ковру, направляясь на свидание с монархом. Следом шел Тристан, ведя в поводу лошадь, которая храпела, когда мимо проносились, хлопая крыльями, встревоженные летучие мыши.

Ведомый Сирано конь, более смирный, чем у Тристана, замыкал шествие. Сесть в седло, пока они находились в подземелье, было невозможно.

Шли очень долго. Наконец под ногами стала хлюпать вода. Пахнуло свежестью, видимо, близко была уже и желанная река.

Герцог остановился у решетки, замыкающей ход. Снаружи никто не мог бы попасть в него. Сочившаяся до этого со стен подземного хода влага собралась в ручеек, по которому люди и лошади теперь ступали. Он выливался сквозь решетку, стекая в Сену. Очевидно, снаружи это выглядело обычной сточной канавой.

Выход из «канавы» был низким, чтобы не выдать размером решетки истинного назначения коридора.

Герцог отпер внутренний замок, откинул решетку, и теперь пришлось вытаскивать наружу лошадей. К счастью, они были специально обучены проползать через низкий выход.

При этом как кони, так и их будущие всадники перепачкались в грязи.

Герцог д'Ашперон, стоя с внутренней стороны решетки, запер ее изнутри, успокоенный тем, что его план спасения Тристана и Сирано удался, он готов был уже повернуться и уйти, когда услышал снаружи крики.

Он недооценил хитрость и коварство кардинала Ришелье. Тот, конечно, имел достаточно шпионов, чтобы проведать о старинном тайном ходе из замка, и за решеткой гостей герцога ждала засада.

Герцог не осмелился выйти. Он лишь слышал звон шпaga, крики, стоны, потом лошадиный топот.

Он не знал, что случилось с Тристаном и Сирано. С тяжелым чувством побрел он обратно в замок, чтобы впустить туда гвардейцев.

Глава третья

ПОГОНЯ

К вечеру, когда жара стала спадать и с полей от прикрытой купами деревьев Сены потянуло свежестью, стражники парижской заставы оставили свои алебарды и мушкеты, позволив себе прилечь на жухлую траву. По дороге никто уже не

вздыхал клубы пыли. Скоро предстояло загородить въезд в город на ночь.

Но не успели стражники поведать друг другу очередные страсти о призраках и проделках врага человеческого, как барабанно-копытная дробь по булыжной мостовой заставила их вскочить. Мимо пронеслись два всадника, очевидно, спеша за светло покинуть Париж.

Все же их приметная внешность не осталась незамеченной. Странно испачканные в такую сушь свежей грязью плащи развевались за спинами, подобно недобрым птичьим крыльям. Края шляп с перьями у одного на английский манер, а у другого по-гасконски все же не скрывали черную полумаску и черную повязку, выглядевшие на всадниках сходными знаками.

Никем не предупрежденные стражи заставы не могли, конечно, знать, что промчавшиеся мимо них господа незадолго перед тем разгромили (вернее, это сделал лишь один из них!) отряд гвардейцев кардинала, засевших на берегу Сены у решетки одной из сточных канав, откуда внезапно появились замаскированные люди со своими почти ползущими на брюхе конями.

Справедливости ради надо признать, что, потерпев такое поражение от по меньшей мере самого дьявола, воплотившегося в человека в испачканном камзоле с черной повязкой на лбу, гвардейцы все же не отказались от погони, правда, побуждаемые к этому своим усердным лейтенантом, уберегшимся от ран, господином де Морье, который, может быть, не столько стремился догнать неугодных его высокопреосвященству, несомненно, опасных господ, сколько самому ускользнуть подальше от куда более опасного в гневе кардинала Ришелье.

Для того чтобы расспросить стражников на всех парижских заставах у дорог, ведущих в разные стороны из столицы, гвардейцам понадобилось немало времени, и, когда они допытались, наконец, в каком направлении умчались беглецы, те были уже далеко.

Сирано де Бержерак и Тристан Лоремитт, не имея возможности переговариваться на всем скаку, каждый в отдельности мог подумать, что опасность миновала.

Во всяком случае, с наступлением ночи, добравшись до одинокого постоялого двора с заманчивым названием «Не откажись от угощения», они решили дать коням отдых.

Сирано не знал планов Тристана и был удивлен, что они скачут на восток, вместо того, чтобы добраться до пролива Ла-Манш и переправиться в Англию, где Лоремитт окажется в безопасности. Сам же Сирано не знал за собой вины и готов был вернуться в Париж.

Но пока они оставались во Франции и его старшему другу (а может быть, действительно «звездному брату»!) грозила опасность, мысль покинуть его не могла даже прийти Сирано в голову.

Хмурый пожилой трактирщик с торчащими седыми космами молча взял взмыленных лошадей, подозрительно оглядев всадников, прибывших без слуг и багажа.

Художник Юрий МАКАРОВ

В проеме освещенной изнутри двери Сирано почудилось видение, заставившее быстрее забиться его сердце. Фигурка женщины показалась нашему поэту чарующе прелестной. Гибкий, охваченный корсажем стан, лебединая шея, силуэт очаровательной головки с кокетливо взбитыми волосами разожгли его фантазию.

Когда же он вошел в трактир и увидел пленительную женскую улыбку, о которой тщетно мечтал с ранней своей юности, его даже зазнобило. Все необыкновенное, до того приключившееся с ним, сразу потускнело в его сознании.

Несомненно, причина была в том, что теперь его уже не уродовал безобразный нос, всегда отвращавший представительниц прекрасного пола. А он так жаждал любви, наш Сирано, готовый увлечься кем угодно, кому он не покажется столь безобразным, как прежде.

Однако появление Тристана помогло Сирано сразу прийти в себя. Он вспомнил о своем долге, о данной клятве и устыдился готового овладеть им чувства.

«Добрая фея постоялого двора» принесла им волшебных жареных цыплят, кувшин сказочного вина и попросила разрешения присесть к их столу, колдовски подперев подбородок ладонью. И столько было природной грации в ее позе, что Сирано пожалел, что он не скульптор, и дал себе слово, что дар ваятеля заменит страстностью поэта.

Все заметивший Тристан тихо шепнул:

— Если бы не усталые наши кони, мы уже мчались бы дальше к цели, ждущей нас обоих, ни о чем другом не думая.

Сирано вспыхнул и с горячностью заговорил:

— Конечно, я знаю, тебе пришлось отказаться от всего личного, от родных и близких, от собственных чувств...

— Ты прав, — кратко заметил Тристан.

Сирано принял это как упрек.

— Не думаешь ли ты, что у нас на Земле на обет безбрачия способны лишь попы и кардиналы?

— Во всяком случае, это потребует железной воли и негибаемой преданности Делу. Уэлл? — И Тристан поднял на Сирано глаза.

— У тебя нет оснований сомневаться во мне, Демоний Сократа!

— Не только Сократа, но и твой, Сирано, — примирительным тоном сказал Тристан, поправляя свои спадавшие на плечи полуседые волосы.

— О, почтенные господа! Почему вы так плохо кушаете, говоря о возвышенном? Или я не угодила вам своей стряпней?

— Вы не можете не угодить смертному, мадонна! — пылко воскликнул Сирано.

— Я хотела бы, чтобы вы повторяли мне это... еще и еще раз, — опустив глаза, не без кокетства произнесла деревенская красавица.

«Вот что может сделать один вражеский удар кривым ножом мачете! Благодарю тебя, злой враг, за устранение моего природного уродства! Прости, что моя шпага действовала быстрее рассудка! — мысленно шептал Сирано. Но тотчас оборвал себя. — Впрочем, это уже не имеет значения!»

Он повернулся к Тристану и встретил его предостерегающий взгляд.

— Ах, господа! — продолжала трактирщица. — Я вижу, что вы так дружны, и должна огорчить вас. У меня всего две свободные кровати, и, как назло, они в разных комнатах. Если вы задержитесь у нас еще на день, то я завтра же прикажу работникам снести их вместе.

— Вери найс, прелестно, миледи! — вежливо произнес Тристан. — Отведите нас в эти, надеюсь, уютные комнаты. Гуд найт, спокойной ночи.

Молодая женщина шла по лестнице впереди со свечой в поднятой руке. Когда она полуоборачивалась, Сирано любовался ее профилем.

Хозяйка показала заботливо разобранные умелой рукой постели, пожелала постояльцам спокойной ночи и, как почудилось Сирано, намеренно не спешила уйти из его комнаты.

Ему стоило немалого труда смирить себя, думая о находящемся за перегородкой Тристане, госте с чужих звезд.

Но фея так нежно взглянула на него перед уходом! Нет! Он просто вообразил себе все это, еще менее вероятное, чем судьба Демония, друга Сократа, и ему, Сирано, связавшему себя с ним, земные женщины еще недоступнее, чем далекие звезды.

С этой мыслью он провалился в глубокий сон.

Разбудила его она.

Нежная рука ласково коснулась его щеки. Он по-солдатски разом проснулся и резко сел на кровати.

В полутьме он увидел молодую хозяйку, поставившую свечу позади себя на стул. Просвечивающаяся ночная рубашка делала ее похожей на призрак в полупрозрачном одеянии. И эта ночная нимфа была еще прекраснее, чем деревенская мадонна в платье с корсажем. Волосы ее волнами спускались по плечам и источали дурманный аромат.

Она пришла к нему! Сама пришла... А как же старый трактирщик?

А нимфа, словно отвечая на его мысли, прошептала:

— Он донес на вас, гвардейцы сейчас ворвутся сюда. Спасайтесь! Я не знаю вас, но... — остальное договорил ее взгляд.

Мгновение понадобилось Сирано, чтобы натянуть ботфорты, прицепить шпагу. Теперь он готов был пройти через любой вооруженный строй.

Женщина с восхищением смотрела на него.

— Вам придется прыгать в окно. Ваш друг уже там, с лошадью. — И она открыла раму.

Снизу из трактира доносились грубые мужские голоса.

Сирано посмотрел в черноту ночи, привлек к себе свою спасительницу и запечатлел на ее ищущих влажных губах, быть может, не просто благодарный поцелуй. Потом прыгнул в темноту.

Ноги ушли во что-то мягкое, вскопанную грядку или кучу навоза. Остро запахло дегтем, конюшной и конским потом.

Лошади были уже оседланы, а совсем близко за углом храпели другие кони, ночью ворвавшиеся с гвардейцами на постоялый двор.

Она свесилась из окна.

— Туда! — показала она свечой в руке. — Там огороды, кони сами перепрыгнут через ограду.

Сирано и Тристан не заставили себя ждать. Последнее, что успел увидеть Сирано, это силуэт мадонны в освещенном окне. Кто-то оттянул ее назад.

Кони действительно сами, невзирая на темноту, с привычной легкостью преодолев преграду, вынесли всадников в поле.

Сирано сначала удивился сметливости «подземных коней» герцога д'Ашперона, но потом понял, что это местные кони, свежие, которых на всякий случай еще с вечера оседлала прелестная хозяйка, неведомо каким чутьем угадавшая грозящую ее гостям опасность.

То, что кони оказались свежими, дало беглецам неоспоримое преимущество. Гвардейцы, обнаружив их бегство, не смогут на своих утомленных за дорогу от Парижа лошадях угнаться за всадниками с черными приметам, которые, кстати сказать, они предпочли теперь снять.

Весь день с утра до самого вечера Тристан и Сирано скакали на восток.

Еще один придорожный трактир дал им возможность сменить лошадей, но помогла им на этот раз не «добрая фея с постоянного двора», а тощий трактирщик с жадно бегущими глазами, получивший от Тристана кошелек с пулями.

Казалось, беглецам уже ничто не угрожает. Кардинальские слуги остались далеко позади.

Однако Сирано и Тристан не учли безграничного влияния кардинала Ришелье в любом уголке Франции.

Усердному лейтенанту де Морье пришла благотворная мысль мобилизовать для погони именем всемогущего кардинала Ришелье свободные от боевых действий воинские части, которые могут встретиться на пути.

И он так красноречиво объяснил капитану кавалерийского полка графу де Пасси необходимость поймать врагов кардинала, расписав ему выгоду, славу или расправу в случае удачи или неудачи, что brave офицер решил сам отправиться во главе сильного отряда по направлению к альпийской границе Франции, к которой, по-видимому, устремились беглецы.

Ничего не подозревая об этом, наши герои, сберегая силы коней, расположились на мирной лужайке, любуясь чисто французским пейзажем, прикрытым почти неприметной дымкой, которую живописцы научились с поразительным искусством передавать. Под этой нежной вуалью природа выглядела особенно привлекательной.

— Солярия — сестра Земли, — сказал Тристан. — Но нигде на ней я не видел такой отдохновенной красоты, как здесь, даже в милой моему сердцу сократовской Греции.

— Там слишком жарко, — заметил Сирано.

— Ты прав.

— Ты замечаешь нашу французскую дымку? Я обожаю ее с детства, проведенного в местечке Мовьер близ Парижа. Мы с моим другом Кола Лебре ловили там рыбок в Сене, а я умолял его отпустить их обратно в воду.

— Дымка, говоришь ты? — спросил Тристан, приподнимаясь на локте, чтобы посмотреть на пасущихся лошадей. — Вери бед! Скверно! Не находишь ли ты, что дымка там вдали на дороге слишком густа?

— Это, несомненно, пыль, Тристан. Ее могут поднять только скачущие кони.

— Упорству твоих землян могут позавидовать наши солдаты. Вперед! Граница недалеко!

— Ты думаешь, Тристан, что граница с Граубюнденом остановит моих соотечественников?

— Не думаю. Я знаю, сколько крови пролито за обладание этой маленькой швейцарской провинцией из-за ключевых ущелий, проходящих по ней.

— Но в этих ущельях мы будем зажаты, Тристан. Не повернуть ли на юг?

— Нет, мой друг. Именно в горах мы найдем убежище.

Сирано не спорил. Поймав своего коня, он вскочил в седло и полетел вслед за уже скачущим Тристаном.

Погоня была близка, притом на свежих армейских лошадях. И как это слуги кардинала выследили их, снявших заметные черные знаки?

Но золото кошелька, оставшегося у тощего трактирщика, вместе с его страхом перед солдатами кардинала оказалось прекрасным следом, по которому помчались конные воины графа де Пасси.

Тристан и Сирано оборачивались, видя, как, несмотря на усилия их усталых лошадей, грозное пыльное облако неотвратимо приближается.

Всадники миновали швейцарскую границу без всяких затруднений. Она попросту не охранялась. Война бушевала вдали отсюда, и власти кантона не хотели нести расходов по охране не нужной пока никому границы.

Но если не было граубюнденцев, то за спиной беглецов, сокращая расстояние, скакали французы.

Долина между горными склонами то расширялась, то сужалась. Дорога делала изгибы, копируя текущую здесь речку, берущую начало в альпийских высотах.

В одном месте скалистые бастионы так сжали дорогу, что она узкой лентой едва протискивалась между ними.

Тристан скакал впереди, словно знал здесь любой камень.

За скалой, почти перегородившей ущелье, он неожиданно повернул налево, вброд перебрался через речку и стал углубляться в зеленую чащу, заставляя лошадь карабкаться по круче.

Сирано решил, что он, чувствуя погоню за спиной, пытается уйти в сторону, пользуясь тем, что скала закрывала на время их от преследователей. Однако Сирано ошибся. У Тристана было совершенно иное на уме.

Но не ошибся лейтенант де Морье. Предвидя, что преследование может продолжаться и в горной местности, он захватил с собой из полка графа де Пасси опытного горца-следопыта.

Потеряв из виду преследуемых, отряд остановился у скалы, и уса́тый солдат-швейцарец, соскочив с седла, стал внимательно всматриваться в пыльную дорогу.

Ему не составило большого труда разгадать план беглецов именно так, как представил его себе Сирано.

Отряд вброд перешел речку, где вода доходила лишь до брюха лошадей, и солдаты с гиком стали погонять коней, понуждая их взбираться по склону.

Тристан и Сирано находились уже много выше. Им хорошо было видно сверху, как многочисленные преследователи, немного поплутав, нашли верный путь и идут по их следам.

— Оставим лошадей, — предложил Тристан. — Надо пожалеть бедных животных. Ты ведь жалел рыбок из Сены. Уэлл?

— Вери уэлл! — в тон Тристану ответил Сирано, соскакивая с седла. — Ты хочешь сдать? Вряд ли с нами поступят так, как я с пойманными рыбками.

Тристан улыбнулся, бросив свое обычное:

— Ты прав.

Он направился к скале и с завидной ловкостью для его возраста стал взбираться по почти вертикальной каменной стене.

Сирано не мог надивиться на его силу и ловкость. Сам он никогда не лазил по горам, но тренировки, которые провел под руководством индейца племени майя в коллеже де Бове, помогли ему сейчас, и он старался ни в чем не уступить своему старшему брату и руководителю.

— В Солярии тоже есть горы? — крикнул он снизу.

— В Солярии есть все, что встречается на Земле, кроме ненависти, зла и несправедливости.

— Как бы я хотел увидеть такой край, — отозвался Сирано.

— Кто знает! Может быть! — загадочно ответил сверху Тристан.

Солдаты нашли брошенных внизу коней и заметили взбирающихся по скалам беглецов.

Началась беспорядочная стрельба из мушкетов. Впрочем, пули расщеплялись о камни много ниже, чем находились два доброносца.

Среди солдат нашлись скалолазы, которые по приказу лейтенанта полезли по той же стене, проводник же, граубюнденец, повел отряд в обход, заверив, что они прискачут наверх чуть ли не раньше, чем там появятся беглецы.

Но доброносцы поднялись все же прежде. Действительно, они оказались снова на тропке, на которой в любую минуту могли появиться конные преследователи.

И тут Тристан вдруг повел Сирано резко вниз, чтобы снова, как подумалось тому, сбить с толку преследователей. И он опять ошибся.

Чаша деревьев разом оборвалась, открыв вид на круглую впадину, похожую на кратер когда-то действовавшего вулкана. Посередине поднималось странное сооружение, напоминающее одинокую крепостную башню.

Крепость здесь, в непроходимых горах? Ее не достроил какой-нибудь суверен? Сирано не успел спросить об этом Тристана, поняв, что тот устремляется к странному строению.

Но эту башню, в которой, очевидно, хотели укрыться беглецы, увидели и преследователи. Может быть, о ней знал и проводник.

Она была совершенно круглой, поднимаясь выше самых высо-

ких деревьев, поблескивая на солнце своими боками, словно покрытая броней от пуль. Сирано отметил это, прыгая с камня на камень в попытке не отстать от ловкого Тристана.

Он слышал за собой крики тоже спускавшихся солдат. О чем думает Тристан? На что рассчитывает?

Почти задыхаясь, догнал он Лоремитта, в изнеможении упавшего у основания загадочной башни.

— Помоги мне, брат, — прохрипел он. — Здесь, дверь, люк...

Глава четвертая

АУТОДАФЕ * В ГОРАХ

Солдаты графа де Пасси и гвардейцы кардинала со своим лейтенантом де Морье по всем правилам военной науки тех времен осадили странную башню.

Офицеры, надменно сидя на камне, допрашивали усатого солдата-граубюнденца о том, что это за башня.

— У нее дурная слава, ваши светлости, спаси меня бог! — бормотал солдат. — Ее зовут в горах чертовой башней, раньше ее не было. Появилась она за одну ночь во время страшной грозы. Только нечистая сила могла соорудить ее в непроглядной тьме, да видит это господь бог!

— Что-то ты врешь, малый! Чтобы такую крепостную башню сложить за одну ночь? Это тебя так соорудили когда-то, — усмехнулся граф де Пасси, свирепо накручивая на палец фатоватый ус. — И тут еще обложить камень снаружи панцирем понадобилось. Камень и железо привезти.

— Совершенно так, ваше сиятельство! И мы, местные, так думали. Однако никаких следов подвод не осталось.

— Ой ли! — угрожающе усомнился граф.

— Вы могли видеть, ваше сиятельство, как я разбираюсь в следах. Как наш священник в Библии!

— Ишь какой грамотей пыльных дорог! И оказывается, мастер рассказывать сказки! Я человек верующий, истый католик, но на войне ни врага, ни сатаны не боюсь.

— Так то в сражении, ваше сиятельство. А тут без всякой войны упала с неба целая башня. Или из-под земли прямо из ада вылезла. И гром был такой, какой и в горах не услышишь, а дождя так и не дождались в ту ночь.

— Сидели по своим норам и со страху дождили свои постели, — хохотнул граф. — Не так ли, господин лейтенант?

— Истинно так, ваше сиятельство! Очевидно, здесь кто-то хотел тайно сложить горную крепость, да не успел. Война за граубюнденские ущелья закончилась.

— За ущелье закончилась, а за правую веру продолжается. Вот что, малый. Раз ты здешний и следы, как поп Библию, читаешь, тащи сюда священника вместе с Библией. А вы, лейтенант, прикажите солдатам прекратить пальбу из мушкетов. Ни одной

* Изуверское показательное действие инквизиции, завершаемое преданием огню опозоренных еретиков и даже извлеченных из могил их останков. (Прим. авт.)

дырки не пробили и окон в этой дурацкой башне не нашупали. Зря порох переводят.

— По крайней мере из бойниц в нас не стреляют.

— А вы и рады? Да я за одну хорошую пушку, слово дворянина, отдал бы свой правый ус, не пожалел бы!

— Они никуда не уйдут, ваше сиятельство. Мы возьмем их голыми руками, без всяких пушек. Пить и есть им понадобится. Вот мы их и накормим и напоим. И сами сыты будем.

Капитан расхохотался:

— Вы шутник, лейтенант! Накормить рубленым свинцом без спаржи? Напоить расплавленной смолой вместо вина?

— Боже упаси, ваше сиятельство! Его высокопреосвященство непременно пожелает побеседовать с ними.

— Побеседовать? С ними сперва я «побеседую». Не знаю, что его высокопреосвященству после этого останется.

Лейтенант вспыхнул, вскочил, подтянулся.

— Ваше сиятельство, можете надеяться, что я не слышал ваших слов.

— Ладно, — примирительно заметил капитан. — Прикажите, чтобы вместе со священником нам доставили сюда вина, и пусть солдаты разобьют для нас с вами палатку. Осада так осада! — И он скверно выругался.

Солдаты разожгли костры, варили пищу и располагались на долгий срок.

Наконец появился священник. Офицеры обрадовались главным образом вину, которое одновременно принесли крестьяне близкой деревушки. Священника позвали в палатку.

Это был тощий молоденький служитель церкви с молитвенником, как ему приказали, в руках. Французских офицеров он боялся, будучи протестантом, в то время как во Франции правил католический кардинал Ришелье.

— Вот что, ваше юное преподобие или как вас там, — объявил граф де Пасси, не предлагая священнику сесть. — У нас нет времени ждать у этой чертовой башни, пока укрывшиеся в ней еретики подохнут с голоду. Видите, солдаты разожгли костры. Вам это ничего не подсказывает?

— Ничего, ваша светлость. Очевидно, пища в горячем виде полезнее сухарей.

— А вы скрипите мозгами, как философ, ваше молоденькое преподобие. Я упомянул о еретиках, намекнул вам о кострах, а вы мне закладываете уши рассуждениями о горячей пище. Этому вас учили в семинарии?

— Ваше сиятельство, меня учили бояться бога.

— А черта? Вас не учили бояться черта?

— Упаси меня всевышний! — истово зашептал священник.

— Так ответьте мне, если вы сами не еретик, чего заслуживают еретики по законам святой католической церкви?

— У меня протестантский приход, ваша светлость.

— Эй, малый! Кого ты нам приволок? Думаешь, нам мало засевших в башне еретиков?

— Ваша светлость, дозвоьте обратиться к беглецам с проповедью. Может быть, сердца их еще не окаменели.

— Это огнем проверять надо, святенький отец мой, огнем!

— Огнем? — ужаснулся протестантский священник.

— Именно огнем. Вас я приказал привести, чтобы устроить аутодафе по всей форме. Так мы с лейтенантом решили.

— Умоляю о прощении, ваша светлость. Я не вмешиваюсь в священнодействия католической церкви и чту ее, но мы находимся на территории страны, не участвующей в войне за веру. В нашем кантоне аутодафе не помнят.

— Лейтенант, гоните в шею этого лжесвятошу, пока я окончательно не рассвирипел. Пусть найдут нам настоящего католического священника, хоть из Франции доставят. Не какого-нибудь кюре, а аббата позловреднее, из монастыря, где ему наскучило. Аутодафе так аутодафе! Огнепредставление! По всей форме. Тут без святых отцов никак нельзя.

Протестантский священник, низко кланяясь, удалился по кратчайшему, но отвесному пути, оказавшись отличным скалолазом. Глядя вниз, он с ужасом думал о зверском замысле французских офицеров.

Направленный во Францию за нужным аббатом посланец уже скакал прочь от разбитого вокруг странной башни военного лагеря.

Сирано втащил обессиленного Тристана в круглое отверстие внизу башни, которое тот назвал люком, и по его указанию плотно закрыл его, вращая слева направо. После этого он потащил космического пришельца по крутой винтовой лестнице. Она вела к извилистой щели, образованной внутренней стенкой башни и сооруженной для чего-то внутри ее более тонкой башней.

Лестница закончилась, когда они поднялись уже выше деревьев, судя по числу ступенек, ибо окон в башне не было и подниматься пришлось в полной темноте.

На последней ступеньке Тристан коснулся рукой перил, и мягкий свет из невидимого источника залил круглую комнату, в которой они очутились. По стенам шли широкие окна, сквозь которые минуту назад дневной свет не проникал в помещение. А теперь через них Сирано увидел солнечную поляну с выбежавшими на нее солдатами. Из стволов их мушкетов поднимались облачка дыма, но звуки выстрелов не доносились.

— Поберегись, Тристан. Лучше лечь на пол, чтобы пули, пробив стекло, не достали тебя.

— Это не окна, брат мой, это... как бы тебе сказать, нечто вроде зеркал, где ты видишь не подлинные предметы, а их изображения. Я потом объясню тебе. Подожди, — продолжал Тристан, задыхаясь, — я проглочу целительную крупинку, а то начинаю себя чувствовать, как Сократ после выпитой чаши цикуты.

— Что с тобой, учитель? — Сирано впервые назвал так Лоремитта.

Тот печально улыбнулся:

— Усталое сердце, брат мой, последователь и наследник долга. Впервые оно схватило меня, когда я вместе с родными и друзьями прощался с Сократом в темнице. Ведь по тогдашним порядкам он выпивал чашу яда и умирал в присутствии близких под наблюдением палача. Осушив чашу, приговоренный дол-

жен был ходить у ложа, чтобы яд подействовал быстрее. И у него сначала немели ноги. Тогда он ложился, и они отнимались. Паралич поднимался все выше, пока не достигал груди. Но яд коснулся не только его отданного людям сердца, избавив палача от омерзительной процедуры удушения смертника, яд тронул и мое несчастное сердце. Видишь, вот еще одно доказательство, что Демоний Сократа вовсе не бессмертен.

— Ты проявил при восхождении на скалу такую удивительную силу и выносливость!

— Увы, переоценив себя, но иначе мы не спаслись бы...

— Ты думаешь, мы отсидимся в этой башне, столь странной и снаружи и внутри? Зачем здесь так много часов со стрелками? Я видел подобную коллекцию только во дворце кардинала Ришелье.

Тристан почувствовал себя после проглоченной крупинки лучше, усмехнулся и мягко пояснил:

— Это вовсе не часы, друг мой, а механические глаза и уши, которые дают знать, как работают машинные устройства звездного корабля, на котором я прилетел не так давно с Солярии.

— Это корабль? — удивился Сирано. — До чего же не похож на морское судно! Скорее напоминает пушку.

— Он и есть в какой-то степени пушка. Ты верно подметил. Отдача выстрелов толкает ее, заставляя подниматься с земли. На значительной высоте нижняя часть пушки отваливается, а верхняя, продолжая «стрелять» пламенем, но не выбрасывая ядер, продолжает разгоняться. И корабль, выйдя за пределы земного тяготения, окончательно освобождается от «пушечного устройства», направляя свой полет к звездам. Вы, люди, пользуетесь ракетами лишь в увеселительных целях во время фейерверков.

— Кто же этого не видел! Но вряд ли многие осознали.

— Все просто, друг мой, когда понятно.

— Понять, как поднимается твой корабль, проще, чем объяснить вот эти окна-зеркала, которые, по-видимому, не выходят наружу.

— В таких зеркалах у нас на Солярии наблюдаются события, происходящие на огромных расстояниях или произошедших когда-то и записанных на особых лентах, вроде как у вас печатают мысли в книгах. Ты мог бы увидеть все это сам, если бы согласился отправиться сейчас вместе со мной на Солярию.

— На Солярию? Через звездные бездны, «сжedaющие» тысячелетия? — в ужасе переспросил Сирано.

— Да, на твою прародину, в мой покинутый дом, к соляриям, где ты можешь увидеть не только дальновидящие зеркала, но и «говорящие» книги, которые можно закрепить в виде сережки, какие носят у вас прекрасные дамы, и слушать по своему мысленному приказу интересующую тебя главу*

— Зачем? Зачем мне видеть все это? Я люблю свою Францию со всеми ее красотами и уродствами, величием и низостью.

* Все это: и многоступенчатые ракеты для межпланетных сообщений, и звукозаписывающие аппараты, и телевидение, а также многое другое подробно описано Сирано де Бержераком в его трактатах «Иной свет, или Государства и империи Луны» и «Государства Солнца». (Прим. авт.)

В твоём присутствии я поклялся служить Добру, искореняя Зло, от которого так страдают люди. Зачем ты требуешь нарушения этой клятвы?

— Успокойся. Сейчас лучше всего перекусить после утомительной скачки. В корабле осталось достаточно запасов для обратного путешествия. Как видишь на экранах, так назовем эти скрытые окна, солдаты взяли нас в форменную осаду, рассчитывая, что голод и жажда принудят нас к сдаче, но жестоко ошибаются. Мы могли бы прожить здесь года три-четыре. Никакая осада не продлится так долго. Солдаты уйдут, считая нас погибшими. Но не лучше ли нам с пользой провести это время?

— Что ты имеешь в виду?

— Посетить вместе Солярию. Мы сможем слетать в этот мир двух лун. У нас там две луны. И ты увидишь не только «экранные окна», но и многое другое, а главное, постигнешь, как могут жить люди, ибо солярии те же люди, но лишь разумно содружествующие между собой, вместо того чтобы по-земному враждовать.

Сирано наблюдал на экране, как к палатке привезли священника с молитвенником в руках и как он скрылся за мягким пологом.

— Клянусь, учитель, — обернулся он к Лоремитту, — видимо, я в чем-то не понял тебя. Что ты обещаешь мне на Солярии? Свет, который я увижу, покинув мрак невежества? Общественное устройство, которое предвидел наш философ Кампанелла? Мир, где, быть может, все наоборот?

— Верил уэлл! Ты хорошо сказал. Именно все наоборот. Это надо видеть своими глазами.

— Зачем?

— Чтобы вернуться во всеоружии знаний, чтобы продолжить со мной, а потом и после меня «Миссию Ума и Сердца» на твоей родной планете, помочь ей догнать в развитии Солярию.

— Что ты говоришь, Тристан? Или ты считаешь меня безнадежным учеником, который не усвоил ничего из тобою сказанного?

— Нет, почему же? Считая тебя способным, я и хочу перенести тебя в мир знаний, которые ты сможешь усвоить, в мир мудрости.

— Перенести в иной мир? — Сирано горько усмехнулся. — Неужели ты думаешь, что я способен на предательство?

— О каком предательстве ты говоришь?

— Не ты ли объяснял мне, что был Демонием Сократа и скоротал тысячелетия, перемещаясь в пространстве с предельной скоростью?

— Вижу, ты усвоил урок.

— Более, чем усвоил! Настолько понял этот удивительный закон, что не могу улететь с тобой с Земли, хотя бы и на сказочную Солярию, увидеть там «золотой век» и вернуться на Землю через две тысячи лет, когда здесь люди без какой-либо моей помощи сами преодолеют свои заблуждения, построят себе дальновидящие зеркала, шепчущие книги и не знаю что еще, а главное, откажутся от угнетения, несправедливости и распространения зла. Зачем я буду им? Чтобы дивиться на меня, как на звероподобного предка, просвещенного чужим умом?

— Ты говоришь страстно и верно. Мне стыдно за себя. Видишь, я не только не бессмертен, но и не слишком мудр. Ай эм сорри. Прости, должно быть, мое усталое сердце слишком скупое питало кровью мой мозг и я упустил сказать тебе главное.

— Если ты хочешь снова говорить о бегстве с Земли, я не стану тебя слушать. Я лучше выйду из закручивающегося внизу люка со шпагой в руке, чтобы принять смерть от своих современников, чем покину их ради собственного спасения.

— И все-таки тебе надо выслушать меня. Ни о каком предательстве твоих современников речи не будет.

— Но ты говорил о полете к звездам длительностью две тысячи лет!

— Я все объясню. Для всех планет есть общий закон: «Чтобы думать, надо есть». — И Тристан достал какие-то металлические банки, которые после его манипуляций с ними нагрелись и сами открылись, источая приятный аромат.

Тристан передал Сирано банку с удобной палочкой и сам принялся с аппетитом есть, начав свои объяснения.

Сирано последовал его примеру, с напряженным удивлением слушая его.

— Я говорил о своем первом полете, занявшем тысячелетия, но не успел сказать, что ко времени моего возвращения на Солярию звездоведы там уже знали, что Вселенная представляет собой замкнутую область, сравнимую с исполинским цилиндрическим кольцом, внутреннее отверстие которого так сузилось, что радиус его превратился в нуль.

— Какое же это кольцо без внутреннего отверстия? — перебил Сирано.

— Ты споришь, значит, пытаешься представить это сжавшееся кольцо. Я помогу тебе. Вообрази себе исполинскую змею, удава непостижимой толщины, который свернется вокруг тончайшей иглы. Возьмем лишь одно кольцо его тела и сочтем, что оно срослось. Если мы разрежем его поперек, то получим...

— Две примыкающие друг к другу окружности.

— Браво! А если разрежем вдоль змеиного тела, свернувшегося вокруг тончайшей иглы?

Сирано задумался на мгновение.

— Пытаюсь представить. Видимо, будет одна окружность с точкой центра посередине, оставшейся от иглы.

— Теперь пойми, что, поскольку Вселенная изогнута кольцом, то лучи света там идут не по прямым, а по кривым линиям.

— И что же?

— А то, что между двумя точками-планетами, находящимися в равных частях кольца, но близко к его внутренней поверхности, свет идет, огибая невыразимо длинную дугу. В то же время не по кривой, а по прямой, проведенной через нулевую точку соприкосновения внутренней поверхности кольца, через «Полус Вселенной» расстояния между теми же планетами ничтожно! Вот и получалось, что корабли, летя по лучу света, преодолевали ненужные расстояния через звездные бездны и на оставленных ими планетах проходили тысячелетия. А по прямой, отклоняющейся от пути луча и соединяющей точки че-

рез «Полюс Вселенной», то есть через место соприкосновения кожи свернувшегося бесконечно толстого удава, лететь нужно совсем недолго.

— Значит, ты летел сюда с Солярии уже по кратчайшему пути?

— Именно так. Провел десяток лет по солярийскому счету дома. Но долг участника «Миссии Ума и Сердца», а также знатока земных условий повел меня снова к вам, чтобы встретить тебя.

— Теперь я понял! Ты хочешь вернуть меня на Землю еще при жизни кардинала Ришелье.

— Превратив за это время тебя в человека даже более образованного, чем он, знатока еще недоступных людям знаний.

— Смотри, Тристан! Офицеры прогнали священника, он полез на скалу. И зачем солдаты везут на лошадях хворост и даже бревна?

— Боюсь, что им нужен католический священник, а не местный. И не вижу в этом ничего для нас хорошего.

— А что, если нам подняться на твоей летающей башне из кольца осады и перелететь в другое место Земли, чтобы не откладывать дело Добра? Пусть сложатся твои знания и моя сила!

— Куда ты предлагаешь перелететь?

— Хотя бы в Новую Францию. Пусть через океан, но там есть безлюдные места, где легко спрятать в горах твой корабль. Это на севере того континента, где обитает индейское племя майя, к которому принадлежал мой тайный воспитатель в коллеже де Бове.

— Признавший в тебе потомка Сынов Неба, давших людям законы, по которым невежественные дикари не пожелали жить?

— И по которым не желают жить мои просвещенные, но властолюбивые современники.

— Новая Франция? — задумчиво произнес Тристан.

— Случилось так, что я знаю советника вице-короля, губернатора Новой Франции, писателя Ноде, с которым вместе мы освободили Кампанеллу. Он поможет нам вернуться во Францию морским путем.

Тристан долго размышлял, потом произнес:

— Ты прав. — Потом добавил: — Но...

Аббат Жозеф Марли, фанатик из монастыря святого Августина, детство свое провел в Испании, где воспитывался, не имея родителей, иезуитом, отцом Филиппом. После его кончины он постригся в монахи уже во Франции и, став потом прославленным в усердии аббатом, не мог не вспоминать потрясшее его детское существо пышное аутодафе в Испании. Не раз он просыпался в келье, весь дрожа и словно наяву ощущая запах дыма и горелого мяса, слыша предсмертные крики и ликование толпы, издевающейся над провозимыми мимо нее в дурацких колпаках вчера еще могущественными грандами. И будучи во Франции монастырским аббатом, проклиная отступников-гугенотов, он думал о былых очистительных кострах, на которых

в священном пламени сгорали не только живые, но и когда-то жившие еретики, останки которых вырывали из земли, чтобы предать огню, дабы спасти заблудшие и погибшие души. Отец Жозеф видел в аутодафе акт величайшего милосердия и заботы о душах грешников, которые через огонь святого костра обретали бессмертие праведников.

Но никогда не думал аббат Марли, что ему в условиях современной Франции, при излишней гуманности ее правителя кардинала Ришелье, чрезмерно потворствующего гугенотам-еретикам, посчастливится не только присутствовать, но и руководить настоящим аутодафе.

И теперь на глазах у графа де Пасси и лейтенанта де Морье он деятельно распоряжался разведением костра под сатанинской башней.

Подобного костра не видывал никто из присутствующих. Когда загорелись смолистые ели, прислоненные к корпусу башни, могучий поток огня превратил ее в столб пламени.

Аббат Марли, несмотря на свой преклонный возраст, ликовал. Сердце его сжималось в сладострастном фанатическом экстазе, губы запеклись, но шептали молитвы.

Граф де Пасси заметил лейтенанту:

— Ему бы маршалом Франции быть, а не попом. Видит бог, при его помощи мы выиграем эту осаду.

— Лишь бы не изжарить господ преступников, ваше сиятельство, раньше, чем с ними побеседует его высокопреосвященство господин кардинал.

— Они дадут ему отчет, будьте покойны. Хотя бы на небе. Ведь поп обещал им спасение душ через огонь, а кардинал сам туда торопится.

И тут произошло событие, которое способствовало впоследствии «спасению» многих душ и потере многих голов.

На глазах у отца Жозефа, офицеров и перепуганных солдат из-под огненной колонны вдруг повалил черный дым, и огонь сразу удесятерился в своей мощи, а черная туча стала расползаться по поляне, заставляя людей чихать, кашлять, задыхаться. Они или падали наземь или спасались бегством. Однако многие из них видели, как чертова башня, этот клык сатаны, с оглушительным грохотом, воспринятым как адский хохот, приподнялась на огненном столбе и сначала медленно, потом все быстрее стала взмывать вверх, рыча и изрыгая драконово пламя, правда, не из пасти, а из хвоста. И через короткое время летающая башня дьявольским наваждением скрылась в синем небе, по которому прокатывался без дождя отдающийся в горах гром.

Глава пятая

«ЧЕРНАЯ ДЫРА»

Когда стих ужасающий грохот за стенками башни, взлетевшей из разведенного под ней костра, Сирано ощутил необычайную легкость, знакомую лишь по детским снам, когда, проснувшись, Савиньон прибегал к матери в восторге от того, что только что летал.

Сирано как будто парил над полом башни, понимая рассудком, что такого не может быть и все это лишь грезится ему во сне. И неправдоподобность всего вслед за тем произошедшего мешала признать его реальность.

Тристан тоже парил неподалеку в воздухе в том же круглом помещении с зеркалами-экранами вместо окон и бесчисленными «часами», которые часами не были.

В отличие от беспомощно висевшего над креслом Сирано Тристан умело подплыл к нему и стал учить его владеть телом в условиях потерянного веса.

Потом он предложил ему надеть вместе с ним под камзол и панталоны тугое одеяние, пронизанное металлическими нитями. После включения «магнитного действия» такое «белье» потянет вниз, как былой вес, и они станут чувствовать себя как обычно на Земле, а их мышцы, находясь в постоянном напряжении, не ослабнут за время долгого путешествия.

Сирано послушно выполнил указания Тристана, а когда после включения «магнитного действия» снова обрел свой вес, то пожалел об утраченной сказочной легкости, дарившей ни с чем не сравнимое наслаждение.

Однако путешественникам было лучше не летать, а ходить, садиться в удобные кресла, вставать, лежать на спальных ложах, словом, чувствовать себя в привычных условиях.

Меж тем на зеркале-экране появилась огромная, чуть затемненная сбоку Луна, словно завернутая в причудливый туманный полог.

Сирано удивился столь скорому сближению со спутницей Земли, но Тристан объяснил, что он видит перед собой не Луну, а покинутую ими Землю, прикрытую облаками.

Сирано оживился, стараясь угадать, где Франция, а где Новая Франция, куда они могли бы приземлиться.

— Увы, Сирано! Вери бед! Наш поспешный отлет, напоминавший бегство, не позволил мне направить корабль в облет Земли, чтобы опуститься, как ты предлагал, в Канаде. Ай эм сорри! К сожалению, у нас уже нет выбора. Аппарат настроен так, чтобы вынести нас прямо к «черной дыре», и первые две ракетные ступени, отработав, уже упали обратно на Землю.

— О какой «черной дыре» говоришь ты, учитель?

— Когда-нибудь земные астрономы, идя по следам Галилея с его телескопом, обнаружат в небосводе «черные дыры», скорее всего объяснив их присутствием там столь огромных небесных тел, что вызванная ими тяжесть удержит у себя даже световые и другие магнитные лучи, а потому тела эти покажутся «черными дырами», на самом деле будучи совсем не дырами и вовсе не черными.

— Ты хочешь, чтобы наш корабль попал в объятия такой тяжести и никогда уже не вернулся обратно?

— Конечно, нет! «Дыра», к которой мы направляемся, подлинно «ЧЕРНАЯЯ» и на самом деле «ДЫРА», притом ВСЕОБЩАЯ. Она черна не из-за сверхсильной тяжести межзвездного тела, а потому, что является той самой НУЛЕВОЙ ТОЧКОЙ, ПОЛЮСОМ ВСЕЛЕННОЙ, о чем я говорил тебе в подземелье замка герцога д'Ашперона.

— Кольцо с внутренним отверстием, превратившимся в точку?

— Ты отличный ученик и, конечно, понял, что все до единого поперечные сечения Вселенной, представляющие окружности с бесконечным радиусом, соприкасаются в общей для всех НУЛЕВОЙ ТОЧКЕ, как витки свернутой вокруг иглы спиральной пружины. Правда, тебе нужно сделать еще одно усилие мысли, чтобы понять, что мы, живя в трехмерном пространстве, так же ограничены в своих восприятиях, как были бы безнадежны в своих попытках понять сферичность поверхности некие двухмерные существа, обитающие на этой поверхности, считая ее плоскостью.

— Трудно представить себя ничтожным трехмерником.

— Тем не менее лучи света, подчиняясь представлениям трехмерников, движутся на самом деле по кривым линиям, сходясь у оси изогнутого в четвертом измерении Вселенского Кольца, минуя всегда нулевую точку. Вот она и выглядит абсолютно черной, являясь в то же время подлинной и «всеобщей дырой», через которую с одинаковой легкостью можно проникнуть в любую область Вселенной. Потому только эта «черная дыра» и нужна нам. Через нее мы выйдем, если усталое сердце не откажет мне совсем, на противоположную часть дуги Вселенского Кольца, где нас ждет иное солнце с сестрой Земли — планетой Солярией, которые, к счастью, как Солнце с Землей, расположены, как мы уже говорили, недалеко друг от друга по кратчайшему пути.

— И потому мы достигнем цели не через две тысячи лет?

— По кратчайшему пути и в кратчайший срок. И у нас, подчеркиваю, «у нас», мой дорогой, не было другого выхода. И я обеспокоен лишь тем, что осаждающие гвардейцы, захватив местность вокруг ракеты, лишили нас возможности дать весть о своем прилете с помощью силовой связи.

— Что значит «силовая связь»?

— Я объясню тебе. Луч света ограничен скоростью своего распространения. Воспользовавшись им или магнитным лучом, мы получили бы на Солярии собственный сигнал через две тысячи лет после своего прибытия. Силовой же сигнал, сходный с силой тяжести, распространяется почти мгновенно*. Если бы мы смогли воспользоваться оставленными на Земле аппаратами, на Солярии уже ждали бы нас. Ясно?

— Если нас ждут где-нибудь, учитель, то доброносцы на Земле.

— Ол райт! Верно сказано. Но мы летим к Солярии, чтобы вернуться к ним на Землю.

— А что ждет тебя на Солярии, учитель?

— К сожалению, меня никто там не должен был бы ждать. Так думал я и в прошлый раз, возвращаясь на Солярию, чтобы найти вновь себя и набраться сил после потери такого ученика, как великий Сократ. Но случилось невероятное. И только

* Речь идет о передаче сигналов не с помощью радиоизлучений, а гравитационными волнами, распространение которых еще, по подсчетам Лапласа, превосходит скорость света в 17 миллионов раз, а по современным оценкам в 10^{13} раз больше. (Прим. авт.)

тебе, ставшему как бы частью меня самого, твой Демоний может рассказать о своем первом возвращении. Уэлл?

— Я слушаю тебя, учитель.

— Я покинул свою родную планету, отказавшись от всего: от родных и близких, от возможной подруги и детей, решив посвятить себя благу других, мне неизвестных существ, но, несомненно, нуждающихся в помощи более разумных братьев с их прародины.

— Я тоже как бы дал обет безбрачия, посвятив себя идеям доброносцев.

— Потому я и хочу насытить тебя на Солярии силой знания, которая поможет тебе заменить на Земле меня.

— Как заменить?

— Ты уже почувствовал мое усталое сердце. Видишь, я опять глотаю целительную крупинку, ибо не хочу оставить тебя одного на пути к «черной дыре». Я должен провести через нее корабль и доставить тебя на Солярию.

— Где тебя никто не ждет?

— Ты затрагиваешь мое самое больное место. Сердце мое не было еще усталым, хотя и было раненым кончиной Сократа, когда я возвращался на Солярию длинным путем. На Солярии прошли тысячелетия. Память обо мне и других моих соратниках, оставшихся на Земле, сохранилась лишь в мифах и преданиях, как у вас об эре Сократа. Кто мог ожидать возврата никому не известного предка, который даже не оставил прямого потомства? И все же...

Тристан замолчал. Сирано не торопил, видя, чего стоит Тристану это откровение.

— Надо знать соляриев, чтобы понять, что нашлась среди них удивительная натура солярессы Ольды, которая, едва был получен на подходе к Солярии магнитный сигнал о моем возвращении, отыскала мое изображение на камне и, представь, решила, чтолюбят меня, никогда не видел живым, и станет моей подругой.

— Женщины всегда были для меня загадкой, а солярессы тем более.

— Разгадка заключалась в том, что, оказавшись в числе встречающих меня, она сразу поразила меня своим сходством с божествами современников Сократа. Они высекали их изображения из камня и создавали шедевры красоты. И я, еще находясь во власти земных представлений, увидел на Солярии живую богиню моих землян! Если встречавшие меня солярии интересовались мной как посланцем прошлого, к тому же знатока чужого звездного мира, который может обогатить науку Солярии, то она, Ольда, видела во мне «героя», подругой которого намеревалась стать.

— И стала?

— Конечно! Разве ты, Сирано, устоял бы?

— Не знаю, Тристан, мне бы пришлось выдержать борьбу с самим собой. Я помню, когда меня вызвал к себе во дворец кардинал Ришелье, я залюбовался древней статуей в одном из его залов. Я увлекался античными философами, преклонялся перед античностью вообще, но эта античная богиня являлась потом ко мне во сне живой и зовущей.

— Тогда ты поймешь меня! Мы прожили с Ольдой десять солярийских лет, познав безоблачное счастье, хотя и находились среди облаков...

Сирано понял значение этих слов лишь много позднее, а сейчас слушал, не прерывая.

— К концу моего пребывания на Солярии у нас родилась дочь Эльда. Мы любовно пестовали ее всего лишь один наш год (два земных), чтобы передать потом на воспитание «ваятелям сердец», лучшим умам планеты, которые подготавливали юных соляриев к восприятию знаний, дабы знания эти никогда не могли бы быть использованы во зло.

— И ты расстался со своей богиней? — осторожно спросил Сирано.

— Выше счастья, выше жизни у нас, соляриев, — Долг, мой молодой друг. Долг знаком и тебе. Но, к счастью, тебе еще не знакома та невыразимо острая боль внутренней борьбы, когда я должен был лететь к Земле, как ее знаток и участник «Миссии Ума и Сердца», и оставить на Солярии подругу свободной, чтобы она могла избрать себе спутника жизни из числа достойнейших соляриев. Теперь ты поймешь, что значит для меня, после скитаний по Франции и Англии в годы вашей чудовищной религиозной войны, найти на Земле тебя, чтобы стать твоим Демонием.

— Я оценил тебя, учитель, и понимаю твое состояние в ожидании близкого прибытия на Солярию.

— Порой мне хочется, Сирано, чтобы все это было бы только моим сном.

— Тристан! Именно такое состояние я и ощущаю все время. И, к счастью, не могу проснуться.

На Солярии действительно никто не ждал прилетевших...

Из непривычного тумана в незнакомом Сирано разноцветье выступало покрытое чужой травой поле.

Укоротившаяся башня из альпийского ущелья прочно стояла на инопланетном лугу.

— Нас скоро заметят, — уверял Тристан, видя настороженное отношение земного спутника ко всему инопланетному.

Каково было Сирано де Бержераку, современнику д'Артаньяна, еще недавно сторонившемуся в Париже карет с гербами, запряженных лошадьми попарно цугом, увидеть на лугу карету (без гербов), катящуюся по ровному полю, как под горку, без всякой упряжки.

Возничий, похожий на Тристана, только много моложе, вышел из кареты, оживленно заговорив с ним на непонятном языке, деликатно стараясь не выдавать своего интереса к его спутнику.

Он повез прибывших в своей самодвижущейся карете без лошадей в город, где дома стояли не рядом, как в земных городах, а один на другом, уходя несчетными ярусами в розовые полупрозрачные облака.

И вдруг Сирано, казалось бы, совсем недавно проскакавший верхом половину Франции, увидел, как по улице, образован-

ной местными «вавилонскими башнями», между двух аллей с пахучими в цветенье деревьями, заставляющими вспомнить Париж и Тюильри, в самокатящейся открытой карете ехала стоя... лошадь!

Обыкновенная земная лошадь без седла!

Может ли такое присниться!

Или Тристан действительно привез сюда в прошлый прилет жеребят из Древней Греции, которые родились две тысячи лет назад, но время для них в продолжение почти всего полета стояло!

Тристан, отгадав мысли Сирано, утвердительно кивнул.

Он был непривычно взволнован, снова проглотив целительную крупинку.

Самокатящаяся карета остановилась около одной из башен.

Прохожие в развевающихся одеяниях, явно недоумевая, разглядывали Сирано в его, вероятно, кажущемся им нелепым костюме.

У Тристана тряслись руки, когда он оперся на локоть Сирано, сказав ему, что теперь им придется подняться в его дом под самые облака. Они приехали не к знатокам знания или вождам планеты, а именно к его бывшему дому.

Сирано встревоженно взглянул на учителя. На нем лица не было, казалось, он только что забрался с Сирано в спасительную башню, преодолев немыслимый подъем по скалам. Ведь у него усталое сердце. Как же можно подниматься под облака?

— Я понесу тебя! — предложил Сирано.

Тристан улыбнулся, молча указав глазами на обыкновенную земную лестницу, круто поднимавшуюся вверх снаружи «вавилонской башни», уходившей в самое небо, ибо дожди здесь, как узнал потом Сирано, были только искусственными.

День, очевидно, более короткий, чем земной, клонился к вечеру. Еще не зашедшее местное светило казалось, как и на Земле при заходе, сплюснутым, но обладало короной из колеблющихся языков пламени. А в небе появились сразу две луны. Одна полнолунием шаром висела над башнями, а другая, маленькая, бледная и ущербная, виднелась в самой высшей небосвода, проглядывая сквозь облака, как месяц в последней четверти.

Вот к ней-то и надо было подняться Сирано с Тристаном по крутой лестнице, которую, конечно, не преодолеть с усталым сердцем.

Но все опять получилось не так, как наяву.

Едва они вступили на первые ступеньки, выяснилось, что по ним здесь не поднимаются, а они сами двинулись вверх, унося вставших на них все выше и выше.

Через каждые несколько ярусов приходилось переходить с лестницы на лестницу, чтобы подниматься и дальше к розовым облакам.

Башни казались исполинскими колоннами, подпиравшими небо, а лес у их основания — кустарником, в который слились сады и парки, разделенные просеками улиц. На них виднелись игрушечные самокатящиеся кареты и точки пешеходов. На вазильковых водоемах плавали прирученные птицы.

Сирано мысленно старался себе представить Ольду, былую

подругу Тристана. Как она встретит солярия, оставившего ее ради Долга?

Женщины Земли таких вещей не прощают. А солярессы?

Сирано смотрел с высоты на раскинувшийся перед ним простор и жалел, что в этом сне на этот раз ему не дарована легкость невесомости, он не может броситься с лестницы и пронестись над парками, улицами, водоемами.

Сирано только крепче сжал руку подавленного предстоящей встречей Тристана, стараясь вселить в него бодрость.

И вот на балконе, перед которым внизу словно расстилался весь мир, запахнулась дверь, и на пороге ее застыла Ольда.

Сирано воспринял ее как воплощение строгой и совершенной красоты, заслоняющей возраст, она была ожившей статуей, которой он грезил после посещения кардинальского дворца. Да, именно ожившей, ибо неповторимо прекрасна была не только ее очерченная легким одеянием фигура, лицо с прямым носом, продолжающим линию лба, невыразимо прекрасно было выражение испуга, радости, счастья, отразившееся на этом лице, когда расширились ее васильковые глаза, когда в непосредственном порыве, не замечая столь необычного для Солярии гостя, она бросилась к Тристану и совсем по-земному зарыдала у него на груди.

Это были слезы радости, столь человеческой, понятной Сирано, что ему ничего не надо было объяснять о верности подруги герою, улетевшему для выполнения Долга. Все ясно было и Тристану.

Он изменился, помолодел сразу лет на десять, если не больше, улыбался, сиял, но молчал, не в силах вымолвить ни слова.

На древнегреческом языке он объяснил, что его сопровождает житель далекой планеты Земля.

Ольда приветствовала Сирано тоже по-гречески. Оказывается, она изучила земной язык, и все проведенные вместе годы Тристан и Ольда говорили между собой только на этом языке.

Но более того...

Сирано, сняв свою нелепую здесь земную шляпу с пером, смущенно, отойдя чуть в сторону, любовался счастьем учителя. И вдруг ощутил на себе чей-то внимательный взгляд.

На него смотрела застывшая в проеме двери тоненькая соляресса. Ее темные, спадающие волнами на плечи волосы обрамляли бледное лицо, чем-то напоминающее материнское, но более подвижное, меняющееся, полное радостного восторга и любопытства, совсем еще юное, но поистине неземное, какое только и может привидеться во сне.

— «Долго как длилось утро и день возрастал светоносный!» — сказала, вернее, пропела она строку из Гомера.

Значит, и она, Эльда, дочь Тристана и Ольды, тоже знала земной язык, очевидно, общаясь на нем с матерью, вернувшись к ней после воспитания и ощущая как бы рядом отца.

Сирано был поэтом и оценил тонкость чувств соляриев.

Ольда перестала плакать, теперь глаза ее сияли.

Тристан взял за обе руки Эльду и радостным и изучающим взглядом рассматривал дочь.

А Эльда подошла потом к Сирано и, в свою очередь, взяла в свои маленькие нежные ладони его руки и, смотря в него, именно «в него», а не на него, своими бездонно черными глазами, опять сказала по-древнегречески, в подражание земным поэтам, соблюдая гекзаметр:

— Пусть счастье и радость встречавших коснется и гостя с Земли.

Сирано, чувствуя, как сильно забилося его сердце, смущенно склонил голову, поправив черную повязку на лбу.

И словно ожгло его воспоминание об индейской легенде и библейские строки о том, как «сыны неба входили к дочерям человеческим...».

А он для соляриев был «сыном неба»! Но может ли он мечтать о чем-либо подобном, не познав на Земле восторгов любви?

Глава шестая

МИР МУДРОСТИ

Открывшийся Сирано де Бержерaku мир Солярии был столь благоустроен, прекрасен, справедлив и многогранен, что знакомство с ним напоминало Сирано соединение его собственных грез с учениями любимых философов.

Он был принят соляриями как равный, к нему относились почитательно и старались не утомлять любознательностью.

Живя в доме учителя, семья которого говорила на земном языке эллинов, к счастью, изученном Сирано еще в коллеже де Бове, он естественно познавал новый для него мир через Тристана, Ольду и особенно через юную Эльду.

Она, посвятившая себя воспитанию самых маленьких соляриев, взяла землянина на правах «несмышлениша» под свою опеку.

Став его первой наставницей, она стремилась показать ему свое знакомство с культурой далекой Земли, а потому говорила с ним на древнегреческом языке только «гекзаметром размеренными строками», подражая изученным ею поэтам Эллады.

Выходило это у нее так естественно и мило, что придавало ее речи особый, волнующий Сирано колорит:

— Нет в мире достойнее долга, чем воспитание соляриев малых, — певуче говорила она. — Они, как птенцы, что у вас на Земле или в древнюю пору у нас на Солярии. В сердцах, как забьются они, еще нет ничего. Расцвести они могут цветком доброты или черной гирляндой злодейства. И лишь воспитанье насытит их чувством и радостью братства.

— Ты совершенно уверена, Эльда, что все мы появились на свет неразличимо одинаковыми, и Природа продолжала создавать нас неизменными?

— Ты мыслью своей пронизаешь насквозь. Конечно, права я отчасти, но все же... Вспомни, у вас на Земле каждый живет ценой жизни другого. Смерть съедобных питает вас всех. Убийство вам же подобных приносит желанные блага. В несчетных веках на Солярии нашей не знали убийств, «кровавая склон-

ность» изжила сама. От мысли одной, чтобы жизни лишиться, здесь каждый из нас содрогнется. И если теперь я о том говорю, то лишь ради тебя в том себя принуждаю.

— Спасибо тебе, наставница, которую у нас на Земле сочили бы обитательницей Олимпа. Но как же вы обходитесь без убийств «съедобных» ради поддержания своей жизни? Ведь вы же не боги Олимпа, чтоб питаться лучами светила!

— Пропитанье соляриям нашим дает вечно враждебный нам мир.

— Что это за мир? — удивился Сирано.

— Невидимый нам без хитрейших устройств. Ничтожные злобные звери стремятся проникнуть к нам в кровь и вызвать недуги. «Хранители жизни», такие, как мать, незримо помогут нам выиграть сражение в крови и победить там болезни.

— У нас для этого «отворяли кровь».

— Бесконечно давно и у нас так лечили, не зная того, что органы наши, кровь восполняя, «друзьями здоровья» ее насыщают, мельчайшими стражами тела, способными злобных врагов уничтожить, возвращая больному и радость и силу, все то, что во мне так вскипает и рвется наружу. Прости.

И мудрая наставница Сирано де Бержерака начинала танцевать, кружилась, взлетала в воздух, быстро меняла грациозные позы, бросалась на траву (они гуляли в одном из парков), вскакивала и подбегала к Сирано, невыразимо женственная, и, застыв, подобно статуе, достойной античного резца, всматривалась в него бездонными в своей черноте глазами. Потом порывисто начинала кружиться, заливалась смехом. Наконец, утомленная, садилась в волнующей близости к Сирано и, переводя дух, сразу начинала говорить опять своим певучим по-земному, но неземным голосом о том, что злобное невидимое зверье размножается с непостижимой быстротой в специально создаваемых для этого условиях под влиянием минеральной питательной среды и животворных лучей светила. В своей слившейся массе они представляют то необходимое питательное вещество, которое в былые времена выращивалось древними соляриями в почве планеты, завися от внешних условий и терпя бедствия из-за капризов погоды. Получая питательную массу от невидимых своих врагов, солярии ныне научились готовить из нее самые изысканные и вкусные блюда.

Сирано слушал, дивился сам не зная чему больше: изобретательности соляриев, сумевших отказаться от всех видов убийств, или столь резким, но очаровательным переходам в поведении Эльды.

Эти переходы и восхищали, и вместе с тем смущали Сирано.

Ему трудно было сосредоточить внимание на том, что Эльда снова говорила на певучем языке эллинов. И она учила, как не смог бы учить никто на Земле.

И вдруг однажды из учительницы она решила превратиться в ученицу, пожелав непременно овладеть родным для Сирано французским языком.

Ей нравилось его звучание, и она с радостным упоением воспроизводила каждую услышанную фразу, сразу усвоив произношение.

Это были непередаваемо прекрасные для Сирано взаимные уроки!

Эльда делала поражавшие Сирано успехи в освоении второго и даже более любимого, по ее словам, земного языка.

И однажды она спросила, как истая парижанка:

— Зачем ты носишь эту уродливую черную повязку на лбу? Я хочу видеть тебя таким, каков ты есть.

Сирано, смутившись, рассказал и о своем прирожденном уродстве (искренне удивив этим Эльду, привыкшую к носолобым соляриям), и о своем ранении, когда брошенный врагом кривой нож мечете снес ему верхнюю часть носа, оставив безобразный шрам.

Эльда захлопала в ладоши совсем по-земному (чему научил ее сам же Сирано), заявив, что теперь дело за ее матерью Ольдой, недаром она уже не «дочь» и даже не «сестра», а прославленная «Мать здоровья».

Величественная Ольга по просьбе дочери явилась к землянину:

— Я могу избавить тебя, Сирано, от твоего нежелательного шрама, остатка невежественного лечения после ранения твоего.

— Что же ты хочешь сделать, «Мать здоровья»?

— Пусть не беспокоит тебя мной задуманное. Это не будет связано ни с каким кровопролитием, как в былые времена у нас и ныне на вашей прекрасной, по словам Тристана, планете.

— Прости меня, «Мать здоровья», но я не из тех, кто боится крови!

— О, речь идет не о том, чтобы щадить тебя, а скорее приобщить тебя к нашим знаниям живого организма.

— Я преклоняюсь перед знаниями соляриев и радуюсь всякой возможности обогатиться ими.

— Тристан уже поведал тебе жизненный уклад соляриев. Все вместе мы составляем наше неделимое общество, и каждый из нас представляет живую ячейку, могущую существовать лишь в содружестве с другими ячейками, стремясь сделать все, на что способен каждый для других.

— «Мне ничего, а все, что есть, — другим!» — перевел Сирано на древнегреческий язык последнюю строчку своего сонета, посвященного философу Кампанелле.

— Я знаю этот стих. Тристан, запомнив, читал его мне. Твой философ предвосхищал некоторые черты нашего общества, в основе которого лежит стремление каждого служить всем. Представь теперь, что живой организм подобен нашему обществу, состоя из несметного числа живых ячеек, которые не способны обходиться друг без друга, не служа своим существованием всему организму. Операции, которые у нас делают, вторгаясь внутрь тела для его исправления, как я хочу это сделать с твоим лбом, не нарушают целостность кровяных протоков, а лишь раздвигают по граням раздела живые ячейки (клетки), не повреждая их, и внутрь тела можно проникать легко и безболезненно, исправляя в нем неладное и позволяя потом вновь соприкоснувшимся живым ячейкам снова быстро срастись неповрежденными краями.

— Ты должна, «Мать здоровья», так же ловко владеть ножом, как мне привелось на земле пользоваться длинным клинком — шпагой.

— О нет, землянин. Любое острее слишком грубо для нежного обращения с составляющими наш организм ячейками. Я делаю это пальцами.

— Пальцами? — удивился Сирано, разглядывая тонкие и нежные пальцы солярессы Ольды, которые восхитили бы античных ваятелей.

— Да. Пальцы мои служат направляющими особого излучения, которое с нужной чуткостью раздвигает живые ячейки, не повреждая их. Посмотри. — И она показала, что в тени ее пальцы заметно светились.

То, что произошло в дальнейшем, конечно, скорее всего могло бы привидеться Сирано во сне, если бы не изменившаяся его внешность, когда надобность в черной повязке начисто отпала, что отражено было впоследствии земным художником.

Как в тумане вспоминались Сирано мгновения, когда Ольга попросила его оголить бедро, откуда она, нежно прикасаясь пальцами, совершенно безболезненно взяла кусок кожи и перенесла его на лоб и часть носа Сирано, сделал это с неподражаемым искусством ваятельницы, предварительно сняв оттуда поврежденный шрамом покров. Перенесенная кожа, словно всегда была на этом месте, с непонятной быстротой прижилась, преобразив лицо Сирано, а шрам с бывшего переноса прирос на бедре.

Он был по-мальчишески рад своему новому облику, робко помышляя о том, какое впечатление произведет он теперь на Эльду.

Эльда же радовалась результату операции матери как девочка: смеялась, прыгала, шутила. Потом сбняла Сирано и «по-земному», как научил отец, поцеловала чистый и новый теперь лоб.

От этого инопланетного поцелуя Сирано бросило в жар, и он не удержался и прочел своей ученице посвященный ей сонет на французском языке.

На тихой праведной планете
Ты для меня земной огонь,
Луч ослепительного света,
Нежна, но жжет твоя ладонь!

Дитя Мечты и Вдохновенья,
В словах и мыслях ты вольна,
Весны пьянящее цветенье,
Прибоя звонкая волна!

Веселье, смех, влекущий танец.
В движеньях острых — ураган.
Тревог неясных миг настанет —
Вскипит страстей твоих вулкан!

И в лаву превратит тот пламень
Земной инопланетный камень.

Эльда притихла, ушла в себя, потом смущенно сказала:

— Я хотела бы слышать это и еще и еще раз...

Пораженный Сирано понял, что она неведомо как повторила слова деревенской красавицы с постоянного двора, спасшей жизнь ему и Тристану.

— А что такое вулкан? — робко спросила Эльда.

— Это огнедышащая гора. Такие горы прежде существовали на Солярии, а на Земле они ДРЕМЛЮТ И ДАЖЕ ДЕЙСТВУЮТ.

— А что значит «вскипит страстей твоих вулкан»?

— Это когда в тебе пробудится женщина или когда извергающаяся пламя гора губит все вокруг.

— Я не хочу ничьей гибели, но... я вскипаю...

И она, совсем по-земному покраснев, убежала.

К Тристану приходили знатоки знаний, чтобы просветить гостя с Земли, поскольку Тристан, будучи их переводчиком, ругался за его нравственные устои.

Сирано узнавал удивительные, неизвестные на Земле вещи, вроде тайны светящихся без огня баллонов (очевидно, электрических ламп!), шепчущих книг (звукозаписи!), экранов-зеркал с отражением на них отдаленных предметов (телевидение!), а главное, великих и непреложных для всей Вселенной законов Природы, которые позволили ему в понятной для современников форме на языке XVII века написать неожиданно для всех, знавших лишь забияку-дуэлянта, трактат по физике, затронув в нем математику.

Знакомясь с откровениями соляриев, он был несколько удивлен явными проблемами их знаний и, казалось бы, намеренными ограничениями.

— Видишь ли, гость Солярии, — переводил Тристан, — они просят объяснить тебе, что наше общество здесь может существовать лишь на основе одного из первых законов, ставших непререкаемой традицией, — это САМООГРАНИЧЕНИЕ. Никто не позволяет себе потребить больше того, что необходимо для поддержания его жизнеспособности. Ты понял? Вери найс! Но это традиция с веками распространялась на некоторые знания. Знатоки его намеренно ограничивали себя, не позволяя проникать в области, признанные запретными. Так, в тайны строения вещества наши знатоки проникать не желают. Клиэ? Ясно? Эти опасные знания поставили когда-то нашу планету на край всеобщей гибели. Тогда и бежали с нее желавшие уцелеть и одичавшие потом на вашей Земле первые звездные переселенцы. Подобная опасность всеобщей гибели будет грозить в грядущих столетиях и вашей Земле, если не позаботиться об ее отвращении заранее. Иначе вери бед, будет очень скверно! Наши знатоки, пришедшие к тебе, в равной степени хотят убедить тебя, что не меньшая опасность заключена в попытке воздействовать на наследственность не воспитанием, условиями жизни, примером, а вмешательством в механизм наследования, хотя это сулило бы на первый взгляд такие выгоды, как исправление врожденных пороков или улучшение рода. Однако, владея подобными тайнами, возможно искусственно вырастить неполноценных соляриев (или людей), которых легко угнетать, удалив из их сознания все то, что возвышает разум-

ное существо над всем остальным миром. «Амен!» — как сказали бы по-латыни земные попы.

— Я понял, Тристан. Поблагодари своих знатоков знания за этот урок. Никогда мои сородичи на Земле не услышат от меня о том, что может повредить их будущим поколениям.

— Уэлл! Знатоки знания одобряют тебя, — закончил Тристан.

А Сирано уже ждала Эльда.

— Я хотела спросить тебя, землянин, что значит «сыны неба входили к дочерям человеческим»? «И пошло с тех пор племя гигантов»?

Сирано ужаснулся. Откуда это юное инопланетное существо знает продолженную цитату из земной Библии, которую он, Сирано, мысленно вспоминал при первой встрече с Эльдой?

— Можешь не отвечать, — сказала Эльда, угадав мысли Сирано. — Мне рассказал об этом отец. Я спросила тебя только для того, чтобы ты выслушал мое желание.

— Твое? Оно для меня закон.

— На Солярии закон — непреложность действия. А ты на Солярии, землянин. — И она шутливо погрозила пальцем.

— Я счастлив здесь, прелестнейшая соляресса! Так что ты желаешь?

— Я хочу превратить в лаву инопланетный камень.

— Вот как? — поднял брови и наморщил свой новый гладкий лоб Сирано.

— Ты не все понял? — запальчиво спросила Эльда.

— Я боюсь это понять.

— Не бойся, я приняла решение за тебя. Моя мать хотела стать подругой прилетевшего с Земли. Я буду такой же!

— Но здесь пока никого не ждут отсюда.

— Отец прилетел не один.

Теперь Сирано готов был покраснеть и спастись бегством, но смог лишь невнятно выговорить:

— Но... но я, прекрасная Эльда, не могу не улететь обратно на Землю, оставив здесь свою подругу.

— Я полечу с тобой! — решительно заявила она.

Понистине на этой планете «все наоборот»! Начиная с лошади, едущей в самокатающейся карете, лестнице, уносящей ввысь, кончая подругой, которая первой избирает себе желанного!

Если сказать, что Сирано де Бержерак, так жаждавший женской любви на Земле, отказался от этого счастья на Солярии, то это было бы неправдой, которую автор не хотел бы допустить ни в какой из частей своего романа.

Не решение, а вывод, что на Землю полетят трое, был сделан на Солярии с той же естественностью, с какой был включен в сообщество соляриев гость Земли.

В назначенный день на знакомом лугу в новое его разнообразье, появившееся спустя прошедший солярийский год, в корабле, напоминающем снова выросшую крепостную башню в Альпах, уже находились Тристан и Сирано, овладевший обращением с аппаратом управления.

По солярийским традициям никаких торжественных (или горестных) проводов (как и встреч!) не было. Недоставало лишь Эльды, опоздание которой для соляриев казалось невозможным. Но вот по ровному лугу, как под горку, покати́лась карета без упряжки. Из нее на ходу ловко выскочила проворная Эльда. Однако она не была одета для путешествия. Ее нарядное полупрозрачное одеяние развевалось от быстрого бега.

Остановившись у подножия корабля-башни, она звонко крикнула:

— Отец! Я не могу лететь с вами. Я жду нашего с Сирано ребенка. На Земле я буду только обузой Миссии, а здесь принесу дитя с кровью «Сына Неба» в сердце. И от него пойдет на Солярии «ПЛЕМЯ ГИГАНТОВ». И я всегда буду любить его отца, как моя мать любила тебя.

Глава седьмая

ПОСЛЕДНИЙ ДОЛГ

Тристан, как и предложил во время аутодафе в горах Сирано, мягко посадил свой звездный корабль в Новой Франции, к северу от реки Святого Лаврентия, как называл ее французский мореплаватель Картье, водрузивший на этой земле французский флаг. В безлюдном месте, в горах, «крепостная башня» могла бы оставаться незамеченной годами.

Но покинуть свое «звездное убежище» Тристану с Сирано не удалось.

Усталое сердце Тристана сказалось. Подъем по скалам все-таки не прошел для него даром.

Бледный, изможденный, лежал он недвижно на ложе в круглом помещении с экранами и циферблатами.

— Друг мой, — обратился он к ухаживающему за ним Сирано. — Я не ошибся, остановив свой выбор на тебе, как на своем преемнике. Силы покидают меня, словно и мне привелось выпить свою чашу цикуты. Теперь ты должен действовать в служении Добру один.

— Учитель, не пугай меня. Такая потеря слишком много значила бы для меня.

Тристан горько улыбнулся.

— О, нет, нет! Я не стану называть по именам тех, кого оставил, не называй и ты никогда моего имени, но помни меня и мои советы всегда, как помнил их великий Сократ. Уэлл?

— Не равняй меня с ним, учитель! Под твоим мудрым руководством он учил людей Благу.

— Ол райт! Ты тоже должен их учить. Вот об этом я и хочу говорить с тобой, пока еще мыслю и, как сказал ваш великий философ, существую.

— «Когито эрго сум» — Декарт! Я защищал его книги от сожжения изуверами.

— Я помню этот подвиг. Но шпагу тебе придется вложить в ножны НАВСЕГДА, чтобы отныне служить Добру только пером.

— Я склонен к этому, учитель. Писал стихи и даже комедию.
— Твое оружие — смех. Ты должен высмеивать Зло, Несправедливость, Жестокость Власти.

— И церкви!

— Уэлл, и церкви изуверов, но... Здесь ты должен быть так же осторожен, как при скрещении шпаг. Нет! Более осторожен, ибо требуется иное умение, чем владение клинком. Церковники могут наложить запрет на твои сочинения, если ты не заключишь их в кольчугу.

— Кольчугу? Какую? Я всегда дрался без нее.

— Ты был только дуэлянт, остряк и балагур. Так останься и в сочинениях своих остряком, балагуром, весельчаком. Вот тебе «маска», равная кольчуге, маска вроде той, что пригодилась мне в почтенной Англии, чтобы скрывать свое «кинопланетное уродство»!

— А я всем выставлял его напоказ. И мучился, и дрался за него — и не добился ничего.

— Ты не пробился во дворец, но вызволил из заточения Кампанеллу, которого с почетом усыновила бы Солярия. За это да простится тебе сотня твоих драк.

— Я готов служить Добру пером и расскажу людям все то, что знаю о Солярии, именем которой назвал свой «Город Солнца» Кампанелла.

— Это я воспользовался его словом, говоря о своей планете. Но тебе придется писать по-новому. Если отец Кампанелла учил, рисуя идеальное, как он считал, устройство жизни, то ты рази земные уродства, показывая их через телескоп, в какой Галилей смотрел на звезды. Пусть люди увидят в твоих сочинениях самих себя и нелепые, сложившиеся между ними на Земле отношения.

— Я для контраста расскажу о всех чудесах твоей планеты.

— Остерегись, дорогой мой! Тебе никто не поверит, обзовут обманщиком, лгуном или сумасшедшим, и все твои благие советы выбросят вместе с книгой, если ее даже не успеют запретить.

— Но как же быть, учитель?

— Дай мне лечебную крупицу. Когда мне станет лучше, мы продолжим разговор.

Тристан заметно слабел, у Сирано уже не оставалось надежды, что они вместе вернутся во Францию.

— Ты спрашивал, как же быть? — с трудом возобновил беседу Тристан. — Как сделать, чтобы тебя не сочли лгуном или безумцем? Говори еще более безумные вещи, чем кажущиеся безумными. Рассыпь и известные тебе «чудеса» счастливой Солярии между самыми глупыми нелепицами. Вери найс! Прелестно! Пусть читатели твои сочтут, что все эти «выдумки» одинаково смешны и глупы. Но через сотни лет, когда люди сравняются с соляриями в своих познаниях, они сумеют разобраться, где ты шутил, а где вещал. Но главное, пусть люди ныне знают, как жить нельзя! Ты понял?

— Понял. Шутить и «прятать жемчуг в камни»?

— Хотя бы так! Но камни эти должны лететь в намеченную цель, крушить Несправедливость, Власть, Злодейство!

— Я напишу трагедию, пойду поэтом к герцогу д'Ашперону.

— Да, да! Он предложил тебе. Ол райт! Ты прав! Поступишь верно, хотя и отказался от предложения кардинала Ришелье.

— Д'Ашперон — наш доброносец. Я пойду к нему, чтобы служить не чванству кардинала, а вместе с герцогом нашему общему Делу.

— Потому я тебя и одобряю. Уэлл, уэлл! А теперь иди, оставь меня и отдохни. Я, кажется, усну. И может быть, проснусь. Вери найс!

Но солярий Тристан, Демоний Сократа и Сирано де Бержерака, современник Фидия, Перикла, Кромвеля и Ришелье, не проснулся...

На этот раз «летающая башня» взлетела из горного ущелья не из костра изуверов, но пламя вспыхнуло под ней, подняв ее, как на вырастающем из земли огненном столбе, а по камням ущелья упавшей тучей расплзался черный дым, как нельзя больше отражавший горе стоящего поодаль на горном склоне Сирано де Бержерака.

Незадолго до того, он, обученный еще Тристаном, проделал с приборами ракеты нужные манипуляции, чтобы через некоторое время, достаточное, чтобы покинуть корабль, заработали бы сами собой ракетные устройства и подняли к небу гигантскую башню с единственным своим мертвым пассажиром, оказавшимся совсем не бессмертным Демонием, чтобы унести в межзвездное пространство и навсегда сохранить нетленным телом.

Ракета растворилась, исчезла в синем небе, заглохли раскаты грома в горах, где не прошло дождя.

Сирано почувствовал полное и безнадежное одиночество. Он упал на землю и зарыдал, зная, что его никто не видит.

Он не знал, какое время пролежал на земле, но когда повернул мокрое от слез лицо, то не поверил глазам.

У скалы недвижно застыла, словно каменная, фигура индейца со скрещенными на груди руками.

Он был в мягких мокасинах на ногах, в кожаных брюках с бахромой по шву, в куртке, расшитой такой же бахромой, и в шапке с ярким пером. У правого бедра висел колчан со стрелами, у левого — томагавк, боевой топорик, а за спиной виднелся огромный лук.

Индеец, конечно, давно мог бы сразить Сирано стрелой, однако, видимо, ждал, когда он придет в себя, став свидетелем его горя.

Сирано вскочил одним движением и взглянул в узкие темные глаза, наблюдавшие за ним с холодным спокойствием. Тогда Сирано снял висевшую у него на перевязи шпагу, положил ее у ног и протянул индейцу обе руки ладонями вперед.

— Франция! Квебек! — произнес Сирано, надеясь, что здесь

все-таки Новая Франция и французские слова могут быть знакомы аборигену.

Индеец молчал, никак не реагируя ни на слова, ни на жесты чужеземца.

Тогда Сирано улыбнулся, приветливо, сердечно.

Вероятно, из всех видов общения людей друг с другом улыбка самое общепонятное и действенное средство передачи мыслей и желаний, способное преодолеть барьеры и языковые, и даже порожденные враждой.

Индеец, не меняя каменного выражения лица, сказал несколько французских слов:

— Колдун. Аббат. Костер.

Для Сирано этого было достаточно, чтобы понять, что индеец видел запуск ракетного корабля, совершенный, как он понял, Сирано. И он, конечно, в его представлении — колдун. А у аббата такого колдуна ждет костер. Очевидно, индейцу были знакомы нравы служителей святой католической церкви.

Сирано, преодолевая головокружение, коснулся рукой сердца.

— Квебек. Франция. Друг, — выговорил он, показав жестом на себя и индейца.

Тот с достоинством кивнул. Рука его протянулась к томагавку. Сирано, пересиливая овладевшую им слабость, напрягся, готовый применить узанные от другого индейца приемы борьбы без оружия.

Индеец взял боевой топор и доверчиво положил его рядом со шпайгой Сирано на землю.

И как только Сирано понял, что абориген мирно принял его, силы вдруг совсем оставили его. На него накатился мрак, вызванный горем и всем им перенесенным, он без сознания повалился на землю.

Он не знал, как очутился в вигваме племени, обитавшем в соседнем каньоне, ошибочно принятом Сирано с Тристаном за безлюдный.

Долгое время Сирано находился между жизнью и смертью, даже не воспринимая трогательного ухода за собой семьи Медвежьего Когтя, принесшего его сюда.

Все племя приняло участие в судьбе «колдуна», своей волей отправившего в небо круглую скалу и, очевидно, отдавшего для этого слишком много жизненных сил, вызвав в горах гром без дождя.

Простодушные обитатели вигвама, видя, как мечется в бреду их гость, произнося непонятные слова, не догадывались о его видениях, которые или были повторением пережитого, или подменяли собой реальность, будучи бредовыми грезами.

Даже сам Сирано, начав приходить в себя, не мог провести грань между реально произошедшим и пригрезившимся во время болезни.

Он мучительно старался восстановить цепь событий: неистовая погоня по дорогам Франции, в альпийском ущелье; подъем под пулями гвардейцев, подорвавших усталое сердце учителя; диковинная башня и люк, у которого упал учитель; круглое помещение с окнами, не выходящими наружу; аутодафе, из пламени которого взлетела ракета Тристана, которую Сирано предложил опустить в Новой Франции; и наконец, приземле-

ние ее именно в Новой Франции и потом раздирающее душу горе потери учителя с так и не справившимся усталым сердцем!

Но было ли на самом деле все, что «привиделось» Сирано между взлетом и посадкой ракеты?

Лежа в вигваме, Сирано не в состоянии был это решить. Но он и не мог отказаться от воспоминаний о пейзажах Солярии, о мудрой Ольде, о горячей и нежно любимой Эльде! Но... если они с Тристаном побывали там, разве та же Ольга не исцелила бы его усталое сердце? Разве отпустила бы его с Сирано на Землю, чтобы он сразу погиб бы там?

Мучимый этими вопросами, Сирано выздоравливал, не зная, как ему отблагодарить приютивших его индейцев.

Случай помог ему оказать услугу Медвежьему Когтю, как звали его спасителя, который едва сам не погиб от когтей медведя во время охоты. Его принесли в вигвам истекающего кровью. И Сирано отдал ему свою кровь, перелив ее в его жилы так, как сделал это, спасая когда-то Сирано, Кампанелла. Сирано повторил запомнившиеся ему приемы, которые вечный узник описал в своем медицинском трактате, еще находясь в темнице.

Спасение Медвежьего Когтя «колдуном», каким племя продолжало считать Сирано, еще больше расположило к нему индейцев.

Он еще долго прожил с ними, пока окончательно поправился, знакомясь с их немудреным бытом. И ему казалось, что он действительно имеет дело с одичавшими за миллион лет соляриями, но сохранившими не достижения бывлой цивилизации, а твердые устои справедливого уклада общества.

И эти дети земной Природы были куда ближе к сказочным, пусть даже привидевшимся ему соляриям, чем его европейские сородичи, убивающие друг друга за золото, за власть, за иные верования, когда главным правом в жизни служит насилие.

То, что Сирано колдун, стало у всех индейцев племени непреложным, но он обрел славу доброго колдуна.

И к нему приходили с маленькими своими нуждами простодушные обитатели вигвамов, а Сирано узнавал их жизнь и обычаи.

Индейцы не знали собственности, которую ценой любой крови защищали власть имущие во всех европейских государствах. Правда, индейцы в отличие от соляриев охотились, но добытая ими дичь становилась общей для всего племени.

Дети воспитывались сообща женщинами, преданными этому делу, умеющими внушить малышам чувство достоинства, взаимовыручки, преданности каждого всем.

Когда к Сирано привыкли, он стал расспрашивать, где же Квебек и как он мог бы добраться до него?

Старейший из индейцев с оливковым цветом лица привел его на край ущелья и показал рукой, сказав на местном языке:

— Кана-да! — и добавил по-французски: — Там! *

* Это слово «канада» (там) и стало впоследствии названием всей страны, в направлении которой показывали рукой индейцы заморским пришельцам. (Прим. авт.)

И Сирано дали спутника, проводника, который мог вывести его к Квебеку.

Тяжел был путь. Индейцы здесь не знали лошадей, они всегда рассчитывали лишь на свои ноги.

И ноги Сирано наконец привели его в Квебек, столицу Новой Франции.

Здесь среди убогих домишек, воздвигнутых переселенцами, по преимуществу скупавшими у индейцев шкуры зверей, он встретился, наконец, с французами.

К сожалению, его поношенный камзол внушил тем подозрение, которое не рассеивалось даже дворянской шпагой на боку.

Сирано де Бержераку пришлось на первых порах выдать себя за человека, потерпевшего кораблекрушение и вынужденного добираться до реки Святого Лаврентия почти через всю страну.

Ему верили и не верили. Но когда он назвал имя советника губернатора господина Ноде, отношение к нему смягчилось.

Его провели «во дворец».

Более насмешливого названия нельзя было присвоить хижине, где властвовал мальтийский рыцарь Шарль де Монмани, назначенный наместником короля в колонии, превышающей площадью Францию, но где надо было начинать все с голого места.

Основную власть здесь имели торговые компании, промышленные пушниной и скупкой у индейцев ценного сырья, губернатор же представлял короля.

Ноде холодно принял Сирано.

— Прошу извинить, почтенный господин, — сказал он, услышав имя Сирано де Бержерака, — но я имел честь встречаться с названным вами дворянином и, признаюсь, не нахожу слишком большого сходства между вами.

— Я напомню вам, господин Ноде, что вы оказали мне неоценимую услугу, переправив меня в гробу на фелюгу.

— Гм, — удивился Ноде. — Вы в самом деле кое в чем осведомлены о судьбе милого юноши, которого я знал, но который едва ли остался жив.

— Однако он перед вами, господин Ноде! Что же касается изменившего очертания моего носа, который наверняка запомнился вам как верх уродства, то я получил ранение в бою под Аррасом и благодаря судьбе, забросившей меня в чужие страны, с помощью тамошних врачей свел следы ранения.

— Я рад бы был поверить вам, что у индейцев есть такие колдуны, которые умеют заживлять подобные раны, но не раньше, чем вы сведете меня с ними.

Сирано был в отчаянии. Как убедить этого подвижного толстяка в том, что представший перед ним бродяга и есть Сирано де Бержерак, которого тот доставил в гробу на фелюгу, а потом перевез в карете в Мовьер.

«Мовьер! Кюре! Вершитель Добра! Доброносцы!» — мелькнуло в мыслях у Сирано. И, подчиняясь невольному порыву, он сделал тайный знак пальцами, которому научил его ритор тайного общества покойный Тристан.

Этот знак вызвал удивление, потом радость Ноде. Он ответил Сирано таким же знаком.

— О, молодой мой друг! Все рассказанное вами так необыч-

но, что вы должны извинить меня за мое недоверие. Но теперь я вижу в вас не только смелого юношу, сражавшегося за нашего Кампанеллу, но и брата по выбранному в жизни пути. Я готов всем, чем могу, содействовать вам. Но прежде всего вам нужно надеть достойный костюм. У меня есть кое-что. Я прикажу служанке перешить вам по фигуре.

— Наконец-то я могу поблагодарить вас, брат Ноде, не только за оказываемую мне любезность здесь, но и за заботу в милой нашей Франции, куда сейчас стремлюсь, надеясь на вашу помощь.

— Мы ждем корабля в ближайшие недели. Но чтобы попасть на него, вам нужно очаровать вице-короля и губернатора, рыцаря мальтийского ордена Шарля де Монманны.

— Я готов, если вы окажетесь настолько любезны, что представите меня ему.

— Но как вы объясните ему свое пребывание здесь?

— Я признаюсь ему, как и вам, что вынужден был бежать вместе с ритором доброносцев в звездном корабле, который и приземлился в Новой Франции.

— О боже мой! Одно лишь упоминание о доброносцах вызовет у благородного рыцаря мальтийского ордена такой гнев, что мне уже не спасти вас с помощью пустого гроба. Губернатор заполнит его вашим телом навечно.

— Поверьте, это не устроит меня. Но что я должен сказать рыцарю мальтийского ордена?

— Самое нелепое, что только сможете придумать, но только не правду. Представляемый им орден, созданный еще крестоносцами пятьсот лет назад, перекочевавший из Палестины на Мальту, пользовался в Париже излишним, по мнению его высокопреосвященства господина кардинала Ришелье, влиянием, и он нашел лучшим удалить господина Шарля де Монманны дальше, возведя его в высокий ранг. Та же судьба постигла и меня после участия в освобождении Кампанеллы. Став советником рыцаря, я узнал его нрав и наставляю вас: чем нелепее будет ваша выдумка, объясняющая ваше появление здесь, тем она покажется вице-королю и губернатору достовернее.

Сирано задумался и, пока ему готовили платье для официального приема губернатором, выдумывал самое невероятное и глупое путешествие, которое он якобы совершил. Он вспомнил совет Тристана и был готов для высокой беседы.

Она состоялась «во дворце», то есть в хижине переселенцев, отведенной наместнику короля, пока каменный дом для него будет возведен.

Рыцарь мальтийского ордена Шарль де Монманья оказался надутым и важным вельможей, считающим себя мудрецом и философом, способным к возвышенным мыслям.

Вице-король любезно расспросил Сирано, из какой он страны, каково его имя и как он попал сюда.

Сирано де Бержерак представился, заметив, что его отец пользуется наследственной привилегией не снимать шляпу в присутствии короля. Это произвело на вице-короля благоприятное впечатление. Сирано поведал ему, что совершил путешествие сюда по воздуху, привязав вокруг себя множество склянок с росой, и поскольку роса притягивается солнцем,

то и поднялся вместе с нею над землей. Земля же, очевидно, вращается, ибо, начав спуск, Бержерак обнаружил, что у него под ногами вместо окрестностей Парижа оказалась Новая Франция.

Вице-король, несмотря на свое рыцарство, был человеком весьма воспитанным. Он или поверил Сирано, или сделал вид, что поверил, наговорил массу любезностей и даже отвел ему комнату-клетушку в своем дворце, а ночью явился к нему со словами:

— Вам, совершившему столь отважное путешествие, не пристало уставать, и я осмелюсь передать вам мнение отцов-иезуитов, с которыми я совещался по вашему поводу. Представьте, любезнейший, отцы-иезуиты настаивают, что вы колдун и самое меньшее снисхождение, на которое вы можете рассчитывать с их стороны, это сойти за обманщика. Меня же лично в вашем рассказе смутило то обстоятельство, что свой путь от Парижа, где вы были лишь вчера, вы могли бы совершить с помощью притягивающего росу солнца даже и в том случае, если бы Земля и не вращалась, что наиболее спорно.

Сирано, быстро приведя себя в порядок и усевшись рядом с вице-королем на узкой койке, постарался доказать доступными тому способами, что Земля все-таки вращается и что отцы-иезуиты напрасно в этом сомневаются. Он вспомнил о Тристане, и его Демоний, словно находясь подле него, подсказал ему нужные слова:

— Ваша светлость, государь мой, вице-король и губернатор! Я буду крайне счастлив, узнав о вашей победе в богословском споре с отцами-иезуитами, уважение к которым спешу выразить. И вы, несомненно, выйдете блестящим победителем в диспуте, если напомните отцам-иезуитам, что утверждение, будто Солнце вращается вокруг Земли, как видят то наши глаза и как утверждал язычник Птолемей, обманчиво и противоречит здравому смыслу, ибо Солнце — центр Вселенского государства, коему дарит свое тепло. И оно подобие его величеству королю этого государства, и ему, светилу, не пристало бегать вокруг одного из своих подданных, чего не станет делать ни одна коронованная особа.

Губернатор ответил:

— Ваш довод весьма остроумен, я приведу его в дальнейшем споре с отцами-иезуитами и хотел бы добавить к вашей мысли еще и доказательство в вашу пользу одного из почтенных отцов церкви: «Земля вращается, но не по причине, которую приводит Коперник, а потому, что огонь ада заключен в центре Земли и души осужденных на вечные времена, спасаясь от страшного пламени, карабкаются по внутренней полости грешной земли, заставляя тем ее вращаться, подобно белке в колесе». И теперь я вижу, — закончил вице-король и рыцарь мальтийского ордена, — что святой отец был прав, и вы своим отважным путешествием доказали существование ада и усилий грешников избавиться от адского пламени. Однако вернуться во Францию таким путем вам, господин Сирано де Бержерак, не представляется возможным, ибо, даже поднявшись вновь при помощи банок с росой в воздух, при вращении Земли в ту же сторону, вас отнесет еще дальше от милой нашей Франции.

Но пусть вас, почтенный наш гость, не удручает это непоправимое обстоятельство, ибо вы можете найти для себя достойное место рядом со знающим вас еще по Франции господином Ноде, который возвращается в Париж, желая посетить могилу почившего его преосвященства кардинала Ришелье.

ПОСЛЕСЛОВИЕ К ПЕРВОЙ ЧАСТИ

За время отсутствия Сирано во Франции произошло немало событий. Одним из них, еще до кончины Ришелье, была его расправа с «очевидцами» необыкновенного вознесения на небо дьявольской башни. Совершенно ясно, что это было неумное вранье графа де Пасси и лейтенанта де Морье, старавшихся прикрыть выдумкой свое нерадение в поимке важного государственного преступника, несомненного сообщника английского смутьяна Оливера Кромвеля, посягнувшего на священную власть короля, став во главе организованной им армии английского парламента. Так или иначе, но подозреваемый англичанин Тристан Лоремитт исчез и уж, конечно, не вознесся на небо в крепостной башне, как уверяли «очевидцы». Поистине никто так не врет, как они! И по приказу кардинала граф де Пасси и лейтенант де Морье закончили жизнь на эшафоте. Что же касается солдат и гвардейцев, то они направлены были в войсковые части, брошенные в бой после вступления Франции в нескончаемую войну, и там в большинстве своем погибли. Лишь некоторым удалось постричься в монахи, где они уподобились отцу Жозефу Марли, вернувшемуся в монастырь святого Августина после неудавшегося аутодафе в горах, подвергнув себя тяжкому покаянию: не произносить в оставшейся жизни ни слова, став во искупление своих грехов «молчальником», добровольным немым. Также и новые монахи из бывших солдат если и не остались немыми, то о башне в горах предпочитали молчать. Вскоре после этой «последней» расправы кардинал Ришелье скончался, твердо уверенный в том, что никакой летающей крепостной башни не было, а его воины плохо служили ему.

Через полгода после кончины всесильного кардинала умер и бессильный король Людовик XIII, назначив регентшей при своем пятилетнем сыне Людовике XIV его мать королеву Анну Австрийскую. Правителем же Франции стал преемник Ришелье, молодой и красивый кардинал Мазарини.

Конец первой части

(Окончание в следующем выпуске)

Валентин АККУРАТОВ

ВЕРНУТЬСЯ НА БАЗУ

Фронтовая быль

Художник Борис МОКИН

— Цель накрыта! Отворот влево со снижением на триста метров! Курс...

Штурман не договорил. Ослепительная вспышка под правым крылом, самолет резко подбросило, и, уже не подчиняясь управлению, огромный четырехмоторный бомбардировщик, обхваченный пламенем, штопором пошел в черную бездну ночи. В наушниках была тишина: связь не работала.

С невероятным напряжением штурман оторвался от сиденья, подполз к люку и, схватив обеими руками рычаг сброса, потянул к себе...

Плотный удар холодного воздуха отбросил его. Беспорядочно кувыркаясь, он успел увидеть длинный багровый хвост за падающим самолетом. Потянулся рукой к скобе парашюта, но тут же спохватился: рано, можно спалить купол. А сколько до земли? Когда включал кнопку электросбрасывателя бомб, было пять тысяч метров. А сейчас?..

Он раскинул руки, и беспорядочное падение прекратилось. Кругом был холодный мрак — ни звезд, ни земли. Тугой ветер колюче рвал ноздри, вдавливал щеки, выжимал слезы из глаз.

Все! Пора! Штурман рванул скобу — резкий удар, и он повис на лямках. Огляделся в надежде увидеть купола парашютов своих товарищей. Но их не было. Глянул на светящийся циферблат наручных часов: 00.40 московского. Бомбы были сброшены в 00.28. Потянув за одну из строп, он развернулся и сразу увидел зарево.

«Обе двухтонки и тонка сработали, — удовлетворенно подумал он. — Но где же остальные члены экипажа? Неужели никому не удалось выбраться?..»

Сколько же пролетел за двенадцать минут до того момента, как оставил самолет? Скорость была около 350 километров в час, значит, дернул за скобу парашюта в 70 километрах. Да еще ветер несет на юг. Он помнил: в этих местах должен быть лесной массив. Ощупал себя. Автомат схватить не успел, за поясом в кожаном мешочке две «лимонки», ТТ с двумя обоймами, охотничий нож и непзалап из десяти плиток шоколада «Золотой ярлык».

Земля приближалась. В темноте смутно проглядывалась серая лента реки. Парашют тянуло ветром через нее в лес. До боли в глазах всматривался он в темную массу леса, все не теряя надежды увидеть купола парашютов своих ребят. Но не было видно ни одного белого пятна.

Достав детонаторы, штурман осторожно ввинтил их в гранаты, сунул гранаты за пазуху и затянул комбинезон «молнией», чтобы не выпали.

И тут же его больно хлестнуло по ногам, с треском потащило по колючим вершинам сосен, дважды ударило левым боком о стволы. Когда опомнился, понял, что висит на стропах. Прислушался. Тревожно шумел лес. Растегнуть лямки парашюта и прыгнуть вниз, в темноту, он побоялся и принялся раскачиваться. Поймал ствол, ухватился за толстый сук и только тогда отстегнулся от лямок, спустился на землю. Почва была болотистой. Присев на выступавшие корни сосны, он сбросил шле-

мофон и долго прислушивался, пытаюсь в характерном шуме леса поймать посторонние звуки.

Было жарко. Высотный меховой комбинезон, подбитый шерстяным ватином, никак не соответствовал теплой июльской ночи. Он скинул унты и освободился от тяжелого комбинезона. Осторожно, часто останавливаясь и прислушиваясь, обошел место приземления. Знал, что фашисты будут прочесывать местность в поисках экипажа. Значит, в первую очередь надо снять и закопать парашют. И уходить, уходить. Но прямая дорога к фронту могла оказаться отнюдь не самой короткой.

Рассвело, и он смог как следует оглядеться. Унты, свернутый парашют и отрезанную нижнюю часть комбинезона затопил в болоте, завалил ветками и мхом. Болото было узкое и длинное, часто разветвлялось, образуя островки, заросшие высоким камышом. Три часа штурман обходил его, а затем вышел к мелкой речушке и не меньше часа шлепал по воде, не выходя на берег: нелюбимая предосторожность, немцы могли пустить по следу собак.

Речка давно осталась позади, и он шел напрямую через лес, забирая на запад, полагая, что немцы будут прочесывать лес на восток от места падения самолета.

Выходя на прогалины, останавливался в кустах и внимательно осматривался. Уверенность, что из 12 человек экипажа наверняка кто-то все же сумел выбраться из горящего самолета, не оставляла его.

Хотелось есть. За поясом в специальном брезентовом патронташе, хитро запломбированном интендантами, был шоколад, но трогать его он не решился.

Вскоре увидел на пригорке триангуляционную вышку. Залег в кустах и долго осматривался. Хорошо бы забраться на вышку. Сверху можно многое увидеть. Но и сам, пока лез наверх, был бы отовсюду виден. Немцы не дураки, тоже небось откуда-нибудь осматривают местность в бински.

И тут он ясно услышал гул приближающегося самолета. Штурман высунулся из кустов и увидел летящий на малой высоте двухфюзеляжный немецкий разведывательный самолет, самолет-«раму», как называли его в войсках!

— Ищут, гады! — выругался штурман. И похолодел от мысли, что если бы полез на вышку, то уж точно был бы обнаружен.

Когда самолет улетел, он пошел дальше, но вскоре снова слышал гул в небе. Стало ясно: «рама» ходит поисковыми галсами, ищет. Это успокоило: значит, никого не нашла, если ходит туда-сюда, а не кружит над одним местом. Но это и встревожило: неужто один живой из всего экипажа?!

В сумерках он подошел к озеру и долго лежал в кустах, присматриваясь, прислушиваясь. Дождавшись темноты, подполз к берегу, стал жадно пить тепловатую воду. Напившись, с удовольствием умылся и пошел вдоль берега, спотыкаясь на каждом шагу о невидимые в темноте сучья. В одном месте едва не упал. Падая, ухватился за дерево и вскрикнул от острой боли в боку. «Сломано ребро!» — мелькнула мысль. Боль была знакомой. Три года назад, работая в Арктике, провалился в трещину ледника на Земле Франца-Иосифа. Рентгеновского аппарата на острове не было, а врач зимовки констатировал, что это

воспаление почки, и целый месяц лечил от этой болезни. Только год спустя, на очередной летней медкомиссии, врач-рентгенолог спросил: «Когда вы успели сломать седьмое и восьмое ребра? Кто вас лечил? Отличная спайка, даже выступов нет».

Он долго стоял, сдерживая дыхание. Боль поутихла, но при каждом глубоком вздохе возобновлялась. Осторожно ступая, спустился в сухой овраг, где решил переночевать. Курткой туго перетянулся, связав рукава на груди, на всякий случай подготовил оружие и вскоре заснул.

Проснулся от холода. Светало. Штурман привесил гранаты к поясному ремню и, разбросав еловые ветки, на которых спал, пошел по лесу, все еще надеясь найти хоть кого-нибудь из своих товарищей. Звезды уже померкли на чистом небе, и только Венера ярко пылала немигающим светом. Он не любил эту планету, красочно именуемую то Утренней красавицей, то Вечерней звездой. Не любил профессионально, за те, не всегда контролируемые ошибки, которые получались при использовании ее в астрономических расчетах координат при полетах, и предпочитал пользоваться звездами хотя и меньшей яркости, но дающими более точные результаты в определении своего местонахождения.

Песчаный берег озера круто поворачивал на север, образуя неширокую бухточку, окаймленную смешанным лесом. В ее глубине чернела изба с огородом, обнесенным плетнем, на котором сушились рыболовные сети. Штурман подкрался поближе и стал наблюдать. Похоже, изба пустовала: единственная дверь, обращенная к лесу, была приперта сломанным веслом. Долго наблюдал, а потом осторожно обошел избу и, наконец решившись, приоткрыл дверь. То, что увидел в единственной комнате, обдало его жаром. На стене висели четыре шинели серо-зеленого цвета с солдатскими погонами. На дощатом столе, как раз посередине, стояла небольшая корзинка, наполненная разной снедью: буханка хлеба, мясные и рыбные консервы, сигареты, спички и даже сверху пакет первой помощи. Все говорило о том, что корзина кем-то приготовлена в дорогу и хозяева вот-вот вернутся. Взять бы эту корзину, чтоб не голодать, не маяться. Но ведь все поймут, кинутся по следу. Можно бы и подстеречь, перестрелять. Или гранатами. Но и это означало бы выдать себя. Что для него четыре солдата, или полиция, или кто бы они ни были. Его задача — вернуться на базу, чтобы летать, бомбить, уничтожать сотни врагов.

Он взял с собой только пустую бутылку из тех, что в изобилии валялись по углам, и тихо вышел, снова аккуратно прижав к двери обломок весла. Маскируясь кустами, пошел вдоль берега и скоро увидел вдалеке лодку с людьми. Они ловили рыбу.

У тихого затончика, скрытого со всех сторон кустами, штурман наполнил бутылку водой — на дорогу. Долго колебался, прежде чем распечатал наконец свой НЗ. Десять плиток шоколада — надолго ли хватит? Для истребителей, которые воюют чаще всего над своей территорией, этого, может быть, и достаточно. Сорок минут боевого полета, лимитированного запасом горючего — и снова на своем аэродроме. А тут 6—8 часов,

если бомбишь объекты врага, расположенные на временно оккупированной территории, и 10—12, когда летаешь в глубокий тыл «третьего рейха»... Только теперь, проблуждав в тылу врага, он понял, как необходимы простая фляга, крепкие яловые или кирзовые, а вовсе не хромовые сапоги, нужен бы и охотничий манок, имитирующий крик той или иной лесной птицы, для сигналов при взаимных поисках. А то идешь, боясь крикнуть, и, может быть, проходишь в десятке шагов от товарища, который, в свою очередь, боясь выдать себя, тоже молчит.

Не прошел он и километра, как оказался на проселочной дороге. Свежий след гусениц отпечатался на песке. След был узкий, не похожий на танковый, очевидно, принадлежащий легкой танкетке или бронетранспортеру. «Значит, разъезжают по лесным дорогам, ищут? — подумал штурман. — А что же партизаны? Или их нет тут?..»

Устраиваясь на ночлег под разлапистой елью, он все думал об этом. И так и уснул, ни до чего не додумавшись. Прснул-ся внезапно от какого-то непонятного звука. Долго лежал, почти не дыша, сжимая пистолет, прислушиваясь. Звук не повторился. Было тихо, совсем тихо в лесу. И вдруг понял, что его разбудил собственный храп во сне. Ему стало зябко от этого своего открытия. В ночном лесу каждый звук далеко слышен. А если немцы рядом? От этой мысли совсем расхотелось спать. Он встал и пошел по лесу, чуть забеленному рассветом. Вскоре, продравшись через густой подлесок, увидел метрах в двухстах деревушку. Насчитал девять хат и десятка полтора обгорелых труб. Уцелевшие избы зияли черными провалами выбитых окон. Все говорило, о том, что деревня людьми покинута.

Бесшумно раздвигая ветви, он выполз к самой опушке. В деревне было по-прежнему тихо, никаких признаков жизни. Очень хотелось пойти поискать чего-нибудь съестного, но он заставил себя лежать и наблюдать.

Вскоре в крайней избе распахнулась дверь, и на пороге появился человек.

«Фриц! Вот тебе на!» — чуть не вскрикнул штурман.

Немец сонно потянулся, что-то крикнул в проем двери. Оттуда выскочил другой с ведром и побежал к колодцу. Следя за ним глазами, штурман разглядел за углом сарая тупую морду бронетранспортера. Выругал себя за невнимательность: мог бы и раньше увидеть машину.

Из-за сарая вышел еще один немец с автоматом на шее, как видно, часовой. Потом повылезли на утреннее солнышко еще трое. А жители деревни так и не появились.

«Надо уходить, — подумал штурман. Он уже напрягся, что бы отползти назад, в чащу леса, и замер от неожиданной мысли: — А вдруг это патруль, один из тех, что, несомненно, высланы на поиски членов экипажа сбитого бомбардировщика?! Вдруг они кого-то нашли и теперь везут?!»

Неожиданно послышались выстрелы. От сарая к лесу, махая крыльями, мчалась курица. Немец стрелял короткими очередями из автомата и все не мог попасть. Курица божала в сторону спрятавшегося штурмана, и он забеспокоился, как бы немец не попал в него.

Курица упала, уже вбежав в кустарник на опушке леса. Не-

мец спокойно пошел к ней, забросив автомат за спину. Подойдя к курице, немец, расставив ноги, долго рассматривал ее. Потом медленно нагнулся.

Разогнуться не успел. Не сумевший сдержать себя штурман всадил ему нож в спину.

Он оттащил немца в густой ельник, сорвал автомат, новенький, вороненый «шмайссер». Растегнул пояс и снял подсумок с двумя рожками.

«Теперь попробуйте взять!» — радостно билась мысль, когда он мчался по лесу. Пробежав с километр, услышал позади стрельбу и едва различимые крики. В нем все ликовало: убил немца, добыл автомат, ушел от погони! И вдруг как холодной водой обдало: а если у них собаки?! Остановился, прислушался: лая собак не было слышно. Вскоре он вышел на малоезжую дорогу и увидел на ней след гусениц. Долго раздумывал: тот же это бронетранспортер или другой?.. Как видно, партизан поблизости и в самом деле нет, раз немцы разъезжают, не боясь.

Далекий гул мотора прервал его размышления. Звук нарастал, и уже слышался характерный лязг гусениц транспортера. Первым желанием было броситься в густоту леса. Но тут же он и выругал себя: «Бегаешь зайцем! На своей-то земле!.. Разъездились тут, не бояться! Ну так надо заставить их бояться леса...» Сначала он хотел залезть на дерево, густое, ветвистое, стоявшее возле дороги. Верх бронетранспортера открыт, гранату в кузов и автоматом... Подпрыгнул, схватился за сук и упал от резкой боли в боку. Так и лежал за узловатым корневищем, слушая приближающийся шум транспортера.

Потом он увидел его. Место тут было заболоченное, и транспортер сбавил ход. Водитель привстал, рассматривая дорогу. Это был тщедушный солдат с маленькой головой. Он был без каски. Из-под спутанных волос торчали смешно оттопыренные уши. Рядом унтер, за ним в кузове еще два солдата. Когда до транспортера осталось не больше двадцати метров, штурман приподнялся и бросил гранату, стараясь попасть прямо в кузов. Но боль в боку, пронзившая его в момент броска, помешала: граната ударилась о борт, отскочила и взорвалась в воздухе.

Треск автоматов был долгим, непрерывным. Немцы стреляли наугад, с деревьев сыпались листья и целые ветки, от корневищ летели щепки. Потом стрельба утихла, но никто из транспортера не выходил. И штурман не шевелился, ждал, когда они вылезут, чтобы в упор срезать их из автомата. Лежать было неважно, острый корень врезался в бок, но он терпел.

Штурман уже жалел, что не пропустил транспортер. Его задача — не ввязываться в бой, а поскорее вернуться на базу, чтобы снова летать, громить врага с воздуха. А теперь что? Теперь дело безнадежное, и остается только подороже продать свою жизнь.

Внезапный взрыв оглушил. Казалось, взорвалось что-то внутри, в бронетранспортере. Раздались крики, длинные суматошные автоматные очереди. А потом прогремело еще несколько взрывов и все стихло. И штурман вдруг увидел выходящего из-за бронетранспортера человека в телогрейке, без шапки, с немецким «шмайссером» в левой руке.

— Эй?! Ты живой? — тихо позвал человек.

Штурман молчал.

— Живой, спрашиваю?

Он поднялся, укрываясь за толстым стволом сосны, не выпуская из руки гранаты.

— Живой! — обрадованно крикнул человек кому-то и пошел к сосне. — Ты это, гранату-то спрячь. Да чеку вставь на место, небось выдернул?

Он вплотную подошел к штурману. Небольшого роста, поджарый, с чисто выбритым лицом, деловито спросил:

— Чека-то уцелела? Давай вставляю. Хорошая граната, наша, советская, — проговорил он, любуясь «лимонкой». — Давненько мы таких не видали. Фрицевскими пользуемся. Ну, давай знакомиться. Командир разведки партизанского отряда «Смерть фашистским оккупантам».

— Советский летчик, майор Афанасьев, — ответил штурман, оглядывая подходивших партизан.

— Знаем. Точнее, догадываемся. Три дня бегаем за тобой. Почему уходил от нас? — неожиданно спросил он.

— Как от вас? Я уходил от немцев, искал экипаж. И партизан искал. Но никаких ваших следов. Решил, что район очищен карателями.

— Говоришь, никаких? — Он хитро подмигнул окружившим его партизанам. — Спасибо за похвалу. А корзинку с едой почему не взял. Или сытый?

— Какую корзинку? Постой, в избушке у озера? Там же... полицаи были!..

— Это наши люди, хотя и полицаи. Для немцев рыбу ловили, а искали таких, как ты, бедолаг.

— Значит, и я был обнаружен вашими рыбаками?

— Обнаружен был еще раньше. Но ты так ловко уходил. Разве знаешь наши леса?

— Я сибиряк, с детства кедровые орехи, грибы, потом охота. А умение ориентироваться в любых условиях — это моя профессия.

— Да, задал ты нам работенку. Я было подумал: не перебежчик ли? И направился не к линии фронта, а в немецкий тыл.

— Идти на восток — значит наверняка нарваться на немцев.

— М-да. Если бы ты не связался с этим транспортером, так бы мы за тобой и ходили. А тут слышим — взрыв, стрельба. Ну, думаем, влип наш бегун. Что ж сплеховал? Дал себя немцам обнаружить.

— Я их сам... гранатой.

— Сам?!

— А чего. Разъездились тут. Партизан, думаю, нет, так пусть все равно боятся.

Дружно захохотали партизаны. Только командир остался серьезным.

— Это ты зря. Мы бы этот транспортер сами подстерегли. А твое дело летать.

— Затем вы меня и искали? — догадался штурман.

— А то зачем же? Летчики должны быстрее возвращаться на базу. Это и наша забота.

Через полчаса, сняв с подбитого бронетранспортера пулемет, группа скорым шагом направилась в глубину леса.

— Никого наших больше не нашли? — спросил штурман, стараясь не отстать от командира.

Вместо ответа тот вынул из кармана кусок ржаного хлеба, подал штурману.

— Подзаправься. Путь неблизкий.

Поблагодарив, штурман достал плитку шоколада, протянул ее командиру. Тот даже остановился, понюхал шоколад, прочел надписи на обертке:

— «Красный Октябрь. Москва». Хорошо живете, товарищи пилоты. — И сунул плитку в карман. — Поберегу для ребят-шек.

Снова молча шли и шли по лесу, то выходя на какие-то тропы, то опять ныряя в чащобу.

— Ну вот, майор, почти и дома, — сказал наконец командир. — Тут болото топкое, так что шагай след в след. Если оступишься, старайся падать вперед или назад. Справа и слева минировано. Все, тронулись.

Дно предательски пружинило, часто и вовсе уходило из-под ног. Черная вода заливала не только сапоги, но часто захлестывала чуть ли не до пояса.

«Вот, значит, где партизан надо было искать, — думал штурман. — А я-то все по сухому».

Часа через полтора чахлые, искривленные сосенки поднялись выше и стали густеть. Впереди показался настоящий лес, и вскоре все, чертыхаясь и отряхиваясь, вышли на твердую землю.

— Далековато забрались, — опускаясь на землю и стягивая сапоги, чтобы вылить из них воду, устало проговорил штурман.

— Зато надежно, — коротко ответил командир.

— А где же тут лагерь?

— Потерпи. Пересечем этот островок, там еще болотце, глядишь, и дома. Тебя давно ждут.

— Кто ждет? — удивился он. И тут же догадался: — Экипаж? Живы?

— Живы, майор, живы! При мне привели четверых. Трое малость поцарапаны. Ну да заживет.

— Кто? Как фамилии?

— Вот этого не знаю. Пошли. Через пару часов сам увидишь.

Он знал, этот хитрый командир, чем подбодрить совсем обесилевшего штурмана...

Леонид СЛОВИН

РАССКАЗ

Художник Виталий ЛУКЬЯНЕЦ

— Иди к той стюардессе, Денис! К черной! — оперуполномоченный аэропорта кивнул на бортпроводницу у последнего трапа. — Она видит, что ты со мной!

Одна из стюардесс — не первой молодости, с ненатурально черной, воронова крыла, копной волос — глянула в это время в их сторону.

Рейс Москва — Бухара, с которым Денисов должен был лететь, в последнюю минуту отменили, шла посадка в аэробус на Ташкент.

— Больше, к сожалению, ничего не могу для тебя сделать. Много желающих улететь...

Они стояли в нескольких метрах от широкофюзеляжного Ил-86. Бортпроводницы — по одной у трапа — быстро проверяли билеты.

— Удачи! — стараясь перекрыть гул очередной шедшей на посадку машины, крикнул оперуполномоченный порта.

Денисов направился к хвостовому трапу. Очередь, не задерживаясь, ползла вверх. Снова было тихо. Только в поднятом высоко чреве аэробуса звучала негромкая мелодия. Там не переставая крутили выступление знаменитого ВИА.

— Уголовный розыск? — Глаза крашеной бортпроводницы сразу все поняли.

Денисов показал билет: в последнюю минуту он все же успел пройти регистрацию.

— Транспортная милиция. Места не нашлось. Но обязательно нужно улететь. Командировка.

Бортпроводница вызвала кого-то по рации. Затем, не глядя, оторвала контроль:

— Проходите.

Места быстро заполнялись. Свободное кресло оказалось в последнем ряду, у окна. Денисов сел, сложил куртку на коленях. Спортивную сумку забросил на стеллаж при входе.

Посадка закончилась, но в самолете ничего не происходило. Табло «ПРИСТЕГНУТЬ РЕМНИ» не зажглось. Сидели молча.

— Туман. — Сосед показал на иллюминатор.

Пелена, недавно едва ощутимая, увеличилась. Полоска на краю поля словно растаяла в молочной завесе. Над соплом, у иллюминатора, текла невидимая струя тепла — воздух в ней точно плавился.

Денисов развернул куртку, в кармане лежал экземпляр «Отдельного поручения» следователя. Строчки были напечатаны тесно, через один интервал:

«...В ночь на 11 октября с. г. у 2-го пикета 11-го километра Московской ж. д. был обнаружен труп гр-на...»

Денисов пропустил несколько строчек — обстоятельства той ночи были слишком памятные:

«...в возрасте 27 лет, работавший администратором киностудии... Последний утром 10 октября авиарейсом № 691 возвратился в Москву из Бухары, где находился в составе съемочной группы...»

Денисов снова пробежал глазами задание, сунул бумагу в карман.

— Пить хотите?

Бортпроводница, к которой он подходил на трапе, держала в руке подносик со стаканами.

— Спасибо.

Он понял, что спал. Взглянул в иллюминатор. Все вокруг было фиолетовым. На краю горизонта, как кант, тянулась розовая холодная полоска.

«Разница во времени три часа, в Ташкент прилетим поздно...»

В какой-то момент машина словно оперлась на крыло, горизонт сразу ушел вверх. Потом все стало на место.

Пока он спал, успели набрать высоту; из двух табло салона светилось одно — «НЕ КУРИТЬ».

В Ташкенте накрапывал дождь. Взлетные полосы источали тепло. Медленно оседал туман.

Ночных авиарейсов не было.

На площади к Денисову подошел владелец стоявшего у панели «Запорожца»:

— На автостанцию? Садитесь. У меня еще двое. Попутчики.

Доехали быстро. Автостанция «Ташкент» оказалась пустой, просторной. Почти все кассы еще работали.

— Ближайший рейс утром, — сообщила дежурная справочного бюро. — Завтра к вечеру будете в Бухаре.

— А самолетом?

— В командировку? — спросила дежурная. — Откуда?

— Я из Москвы.

Она объяснила:

— Лететь всего час. Но на два ближайших дня билеты проданы. Я знаю. Кроме того, туманы.

Существовал еще верный, гарантированный от погоды транспорт. Денисов записал телефон железнодорожного вокзала, нашел телефон-автомат.

— На Бухару? — Справочную было едва слышно. — В девятнадцать... По московскому...

— Билеты есть?

— Можете приезжать.

— Какой номер поезда?

— Шестьсот...

Денисов понял:

— Почтово-багажный? Сколько же в пути?

— Около суток...

Он вернулся на перрон, нашел диспетчера, представился.

— Есть автобус до Навои в двадцать два... — Диспетчер с любопытством взглянул на Денисова. — От Навои до Бухары рукой подать.

Денисов разговаривал с Бухарой за час с небольшим до скоропалительного отъезда в аэропорт.

— Есть новости... — передал Туйчиев, давний друг, старший оперуполномоченный уголовного розыска, выделенный для работы по убийству. — Погибшего видели с человеком, которого сейчас разыскиваем. С Бахти Гарангом! Они сидели в баре-«экспрессе» гостиницы... — Голос Туйчиева в трубке то исчезал, то появлялся снова. — Накануне вылета в Москву погиб-

ший в номере не ночевал. Ушел с двумя сумками, в том числе с той, где лежали подотчетные суммы. Перед тем к нему в гости снова приходил Гаранг...

— Слушаю...

— После его ухода у горничной со стеллажа пропало платье. Заявления об этом пока нет. Платье дорогое, модное. Если нужно, могу узнать подробности.

— Ничего не предпринимайте.

— Ничего?

— Я перезвоню.

— У вас версия только на Бухару? — крикнул в трубку Туйчиев.

— Есть и вторая: перед гибелью он был в компании. Несколько женщин, мужчин... Что за человек Бахти Гаранг?

— Эмоционально глухой! «Гаранг» — по-узбекски «глухой». Хотя правильнее было бы «кук» — зеленый, незрелый. Фамилия его Истамов. Бахти Истамов...

По дороге в Навои трижды останавливались. Выходили дышать влажным холодным воздухом. Черная земля под ногами пахла незнакомо, приятно. День кончился. Один раз в Джизаке автобус притормозил рядом с такси: несколько пассажиров пересели — ехали куда-то в сторону от тракта.

На заднем сиденье освободились места, он сел. Засыпая, подумал:

«Через три дня соберется компания, в которой погибший провел последние часы. Если командировка в Бухару закончится без результата, к этому дню надо быть в Москве...» С отменой прямого рейса Москва — Бухара, на который он рассчитывал, дорога отбирала двое суток из трех.

Открыв глаза, Денисов увидел, что автобус стоит, в салоне зажгли свет и пассажиры вокруг смотрят в его сторону. Он взглянул в окно. На другой стороне шоссе, у обочины, приткнулся «Москвич». Рядом — в плаще, застегнутом на все пуговицы, в шляпе, в туфлях на каблуках — прохаживался невозмутимого вида, важный, невысокий человек — капитан Туйчиев.

— Поспать удалось? — спросил Туйчиев, когда Денисов, бросив на заднее сиденье сумку, уселся рядом, вытянул ноги.

— Не беспокойся. Есть что-нибудь новое?

Туйчиев уверенно тронул машину с места.

— Немного. Погибший администратор приехал за неделю до съемочной группы. Знакомых в городе не было, завтракал и ужинал в гостинице... Разнес по организациям письма, которые они заранее заготовили. «Просим выделить для съемок», «оказать содействие в съемках...» Директор картины Салтыкова показала мне их.

— Как установили, что погибшего в последнюю ночь перед вылетом не было в номере? Насколько это точно?

— В гостинице скандал по поводу пропавшего платья. Ты знаешь...

Тонкий голос Туйчиева гармонировал с его маленьким ртом, маленьким кукольным лицом. Однако под плащом, особенно в плечевом поясе, угадывались тренированные мускулы.

— ...За волнениями обо всем забыли. Утром увидели: ключ от номера всю ночь пролежал в ящике.

— Мог у погибшего быть свой ключ?

— Вряд ли. Я интересовался. Кроме того, постель не прямота. Как его характеризовали в Москве?

— По-разному. В юности переболел уголовной романтикой. В разводе. Живет одним днем. В то же время совестлив, добр. Писал стихи. Из тех, кто первым приходит на вокзал после того, как их поезд ушел...

— Здесь о нем примерно того же мнения. С этой съемочной группой недавно. Близко ни с кем не сошелся. Я допросил нескольких человек. В том числе директора картины.

— Бахти Гаранг мог знать, что у погибшего с собой подотчетные суммы?

— Вполне.

— А он что собой представляет?

Туйчиев подумал, сказал:

— В чем-то они похожи. Без царя в голове... Между прочим, тоже стихи писал. И довольно тонкие. Отец его и сейчас пишет.

— Погибший не мог ночь перед вылетом провести у Исматовых?

— Исключено. Гаранг и сам не ночевал дома. Сейчас поймешь. — Туйчиев плавно повел «Москвич» по кривой. — В тот вечер он был в ресторане «Зарафшан». Участвовал в драке. Столовым ножом ранил Лутфулло Закирова. После этого скрылся.

— Могли они лететь в Москву вдвоем?

Туйчиев не спешил с ответом, смотрел на дорогу.

Незаметно рассвело. Поля кончились, вдоль дороги начали появляться строения. Утро так и осталось туманным. По краям тротуаров тянулись сухие, ломкие на вид растения.

— Мог, конечно, — заговорил Туйчиев. — Сейчас вырисовываются новые обстоятельства драки в ресторане. — Лутфулло Закиров сам был с ножом, к тому же угрожал не только Истамову. Гарангу надо было явиться и все честно рассказать. Но он же «без царя в голове»! — Туйчиеву нравилось это выражение. — Тут ни в чем нельзя быть уверенным! Сейчас он здесь.

— В Бухаре?

— Его видели в Вабкенте, у родственников.

— По-твоему, я смогу с ним встретиться?

— Я сделал все, чтобы к вечеру он был в Бухаре.

— Бар, в котором видели погибшего вместе с Гарангом... — спросил Денисов. — Он в гостинице, где жил погибший?

— Да. Бар-«экспресс», так называется. С ними был Фавзи, фотограф.

— А что этот собой представляет?

— Пришлось с ним повозиться. В свое время.

— Кражи?

— Скупка краденого. Но с тех пор ничего такого не слышно. С него начнем. Сколько дней у тебя?

— Трое суток, включая дорогу. Завтра хотелось бы вернуться в Ташкент.

— Выходит, один день! Сегодняшний.

Через несколько минут они были в центре Старого города. Пыльные, без единого деревца улицы с безглазыми глухими стенами, с низкими, плотно пригнанными дверями окружили их. В одном месте Денисову бросились в глаза многочисленные купола из глины, похожие издали на груды сложенных для просушки пиал.

— Старые бани. Под каждым таким куполом своя температура. — Туйчиев свернул в тупичок, казавшийся шире других. — Им полторы тысячи лет.

Фавзи-фотограф был средних лет, худощавый. По землистому, казавшемуся застенчивым лицу блуждала рассеянная, отчасти виноватая улыбка; Денисов не мог найти ей объяснения.

— Человек этот приехал снимать фильм про калифа, мальчика и слона... — Фавзи вернул Денисову фотографию погибшего, замолчал, посчитав разъяснение исчерпывающим.

Потом он сходил в соседнюю комнату, взял чайник, отнес на кухню. Вернулся. На столе появились яблоки, миндаль с изюмом. Хозяин соблюдал закон гостеприимства.

— Мы спешим. — Поблагодарив, Туйчиев от угощения отказался.

— Не выпьете чая? — Фавзи встревожился. На время его рассеянная улыбка исчезла.

— В другой раз. Возьми стул, поговорим.

Фотограф выключил чайник на кухне, вернулся:

— Хоть миндаль попробуйте...

— На прошлой неделе вы сидели в баре. Втроем. С вами был Бахти Гаранг. Помнишь?

Упоминание о Гаранге по какой-то причине было неприятно Фавзи.

— Кто он мне? — Фотограф двинул стулом. — У него свои дела. Я сам по себе!

— Как вы оказались вместе?

— Работа! Гостиница на обслуживании фотографии: банкеты, свадьбы. Иногда в бар захожу.

— Зашел и увидел Бахти с работником киностудии?

— Так и было.

— Потом?

— Гаранг позвал: «Дело есть». Я объясню. Раньше у меня здесь, — фотограф показал во двор, — кино снимали. Старый город... Всем интересно. А сейчас для съемок как раз дом нужен. С двориком.

— Дальше.

— Сначала поднялись к администратору в номер, на девятый. Ему что-то надо было взять или положить.

— Заходили к нему?

— На минуту. Потом сразу сюда.

— Тоже втроем?

— Вчетвером. Он пригласил еще оператора или режиссера. Не разбираюсь. Они здесь все посмотрели. — Фавзи снова показал руками. — И отказались. Режиссер, или кто он, сказал, что ищет дворик, в котором до него никто не снимал.

— Про кражу платья в гостинице ничего не слышал? — продолжал интересоваться Туйчиев.

— Нет. На каком этаже?

— На девятом. Там, где вы были.

— Туйчиев! — Фавзи взглянул укоризненно. — Со старым покончено. И давно.

— Гаранг заходил к тебе после драки в «Зарафшане»?

— Откуда?! — Фотограф снова воспользовался своей виноватой неискренней улыбкой.

— Гаранг случайно не в Вабкенте сейчас?

Фавзи промолчал. Туйчиев встал, прошел по комнате. Ему показалось, что фотографу следует еще раз напомнить правила хорошего тона:

— Учись говорить правду, Фавзи! Правдой добьешься своего, сказал мудрец! «Язык привыкает к тому, чему его учишь!»

Фавзи угрюмо молчал.

— Москвич этот ночевал у тебя перед отъездом?

— Нет.

— Что-нибудь оставлял?

— Ничего.

— Когда ты его видел в последний раз?

— В Старом городе? Девятого, в пятницу.

— Накануне вылета в Москву... Где именно?

— Здесь недалеко. У старых бань.

— Ты видел его с двумя сумками? С одной? Точно припомни.

Денисов не вмешивался в разговор.

Туйчиев делал все, как делал бы сам Денисов — в классической манере оперативного уполномоченного уголовного розыска.

— С двумя сумками... — Фавзи вздохнул. — Точно. Было уже темно, часов восемь.

Гостиница «Бухара» оказалась ультрасовременной — с барами, с чеканкой в вестибюле, с пунктом обмена валюты. Швейцар в униформе и тубетейке открыл дверь, поздоровался.

Туйчиев проводил Денисова к дежурному администратору, представил. Оформление заняло несколько минут.

— Я буду жить в том же номере, что и погибший. — Денисов показал пропуск.

— Твоя кровать у окна, — Туйчиев знал все. — Угловая все еще за киностудией. На ней никто не спит. Лифт вон он! При спуске сначала поднимет на крышу, на обзорную площадку. Не удивляйся.

Денисов поднялся на девятый.

Здесь было шумно. У невыключенного телевизора в холле несколько молоденьких горничных и дежурная по этажу громко выясняли отношения. Одна из горничных — нервная, в джинсах, в сапожках — быстро ходила по холлу.

«Потерпевшая, — решил он, — платье принадлежало ей!»

— Не нашлось платье? — спросил Денисов у дежурной.

Она не удивилась, подала ключ с громоздкой пластмассовой грушей на конце.

— Нет... Такое происшествие! Никогда не было! Направо, пожалуйста. Первая дверь.

Номер оказался небольшим — с балконом, с пыльной тяжелой мебелью. Ложе погибшего в углу было тщательно заправлено; на подушке небрежно лежал справочник телефонов —

словно отсутствующий постоялец только что звонил или собирался звонить.

Денисов сменил туфли на кроссовки, бросил в шифоньер сумку, вышел из номера.

Горничные в номере продолжали шуметь. Навстречу на садовой тележке везли в номера чистое белье. У лифта ждали несколько человек, Денисов присоединился к ним, взглянул на часы: время, отведенное на командировку в Бухару, убывало с катастрофической быстротой.

Туйчиев сидел в маленьком баре-«экспрессе» с несколькими столиками и необычного вида, сверкающей никелем, кофеваркой.

— Я поднимался ко второму режиссеру, — сказал Туйчиев. — Никого нет. Вся съемочная группа на выезде.

— Есть возможность узнать о ней?

— Подъедем в парк Кирова, к воротам.

Парк Кирова примыкал к большому колхозному рынку. Проходившие по аллеям сворачивали к овощному и молочному павильонам. Впереди, за парком, виднелась крепостная стена.

— Нам туда!

Туйчиев оставил машину, быстро повел Денисова к древним городским воротам. С глиняными башенками по бокам, закрытые на громадный замок ворота казались ширмой, над которой вот-вот появятся персонажи кукольного зрелища.

— Летом старую Бухару запирали в девятнадцать ноль-ноль. — Туйчиев отыскивал что-то между тяжелыми досками ворот.

— А зимой?

— В зимнее время на час раньше! — Он нашел, что искал, — небольшую записку. — Пока снимают фильм, они оставляют здесь друг другу свои объявления. — Он прочитал: — «Ночная съемка в медресе Азиз-хана. Начало в 19 часов».

Они еще постояли, глядя на полуразрушенный, заросший высохшими колючками вал.

— Через эти ворота, — объяснил Туйчиев, — герой фильма — слоненок — войдет в Бухару. Познакомится с мальчиком, останется жить в его дворике. Режиссер-постановщик, — Туйчиев назвал фамилию, она ни о чем не говорила Денисову, — очень известный. Группа старается, чтобы получился отличный фильм.

— Считаешь, что администратор действительно искал дворик для съемки? — спросил Денисов.

— Похоже на то. Хотя это не входило в его функции.

Они обогнули крепостную стену, вышли к рынку. На «развале» у входа предлагали самое неожиданное — квасцы, булавки, частые деревянные гребни. Слепой в халате что-то быстро, невнятно бормотал вслед прохожим.

— О чем он? — спросил Денисов.

Туйчиев пожал плечами:

— Благожелательность бога в благословении родителей, а гнев в негодовании их.

— Коран?

— Может, шарият.

— А разница?

— Как тебе объяснить? Это как кодекс и комментарии к нему...

Остатки крепостного вала тянулись далеко, куда хватал глаз. Сохранившиеся куски стены казались обломками огромных зубов, торчащими из земли.

Туйчиев взглянул на часы:

— Пора. Работа, видимо, начнется вечером, когда я привезу Истамова. Встретимся на ночных съемках в медресе Азиз-хана.

— В медресе?.. — переспросил Денисов.

— В бывшем высшем духовном училище Абдулазизхана. Напротив медресе Улугбека. Любой покажет.

Выжженная солнцем глина тянулась по сторонам, цвет и фактура ее не менялись. Стояла осень, сухая, пыльная, с преобладанием пепельных и желтоватых тонов.

Несколько раз Денисов видел вблизи порталы медресе — с овальными нишами и относительно низкими, небольших размеров дверями, иногда отреставрированные, иногда обветшалые. Перед ними толпились туристы.

«Дворик Фавзи-фотографа не подошел режиссеру только потому, что в нем уже производились съемки, — Денисов думал о деле, на которое оставалось теперь менее суток. — А другие режиссеры почему-то выбирали этот дворик... — Он попробовал представить себе, чем руководствовались постановщики. — Улочка должна примыкать к широкой улице, чтобы по ней могла проехать студийная машина, дающая свет. А в случае с мальчиком и калифом еще и «слоновозка»...»

Девушка, торговавшая у гастронома лепешками, показала направление наиболее широких улиц Старого города — все они уводили в стороны. Несколько раз Денисов выходил к одному и тому же месту — подернутому сероватой пленкой квадратному водоему с кафе, с огромными вековыми деревьями вокруг — и поворачивал назад. С плоских крыш свисали концы опорных балок, нырял во дворы ствол тянувшегося поверху на столбах газопровода, трепыхались на проводах обрывки воздушных змеев, тряпок. Глина, глина... Через каждые несколько метров в выстоявших во многих землетрясениях стенах появлялась очередная дверь с неприязнительным орнаментом, плотно пригнанная, с обязательным металлическим кольцом и накладкой, заменявшей звонок. Иногда на пороге виднелась истертая, прибитая гвоздями подкова.

«Каким образом работники съемочной группы и погибший выбирали дворик? — подумал Денисов. — Заходили в каждый дом?! Расспрашивали?»

В одном месте, в глубине небольшого сквера, виднелся навес, ряд низких столиков-дастарханов.

Денисов направился туда. Чайхана была полупустой. Из указанных в коротком меню блюд Денисов ни одного не знал.

— Что на второе? — спросил он у парня на раздаче.

Тот улыбнулся:

— Откуда?

— Москва. — Интонационная здешняя речь допускала такое. Раздатчик снова улыбнулся. На стойке появилась лепешка,

пиала разваренного в крупном золотистом горохе мяса. Денисову заварили еще чайник с зеленым чаем.

— Приятного аппетита!

Денисов присел за ближайший дастархан.

Время уходило.

Было, правда, слабое утешение: переехав из Ташкента в Бухару, он отыграл один час — бухарское время разнилось с московским только на два часа.

За соседним дастарханом трое молодых милиционеров пили чай. Они тоже поглядывали на часы: кого-то ждали.

Покончив с чаем, Денисов достал фотографию погибшего, показал стоявшему на раздаче парню. Тот вытер полотенцем руки, взял снимок, что-то сказал поварам у плиты. Они подошли, серьезно перекинулись несколькими словами.

— Знаете его? — спросил Денисов. — Он нужен мне.

Раздатчик кивнул на один из дастарханов.

— Всегда там садился... Подожди!

Он вышел из кухни, подошел к милиционерам, поговорил. Возвращая Денисову снимок, сказал:

— И они не знают. Раза два видели с экскурсоводом — Ходжиакбаром Муминовым. Ходжиакбара я тоже знаю.

— Где он живет?

— Улица Кирова. В Старом городе. — Раздатчик назвал номер. — Но днем нет. Вечером поздно... — Он смутился, заметив, что вовсе обкорнал фразу. — Когда экскурсия заканчивается, тогда...

Возле гостиницы Денисова обогнал автобус с молодыми датчанами, он понял это по флажку, болтавшемуся над кабиной. Из машины доносились голоса.

— Как со съемочной группой? — спросил Денисов у швейцара.

Тот поклонился, учтиво приложил руку к груди.

— Съемочная группа не приезжала.

— Капитан Туйчиев?

— Капитан тоже не был.

Туристы занимали круглые, мелкие кресла, похожие на коньчатные рюмки. Снизу, из валютного бара, донеслась музыка.

Денисов поднялся к себе на девятый. За время его отсутствия там ничего не изменилось. Рядом с расстроенным телевизором — он все время оставался включенным — молоденькие горничные обсуждали свое.

— Не нашли? — снова поинтересовался он у дежурной.

— Теперь уж все! — Она покачала головой. — Неделя прошла!

— Где оно лежало?

Стройная, в сапожках и джинсах девушка обернулась:

— В подсобке. Показать?

— Платье принадлежало вам?

— Вот именно: «принадлежало»!

Она провела Денисова по коридору. В одной из комнат, в углу, висел свежесколоченный, задержанный занавеской стеллаж.

- Здесь и лежало. А я ненадолго спустилась на первый этаж. В бар. Выпить кофе...
- В подсобке, как и во всей этой стороне коридора, пахло краской. Замка на двери не было.
- Тогда здесь тоже был ремонт?
- Девятого? Да. Но все рабочие ушли. Остались только проживающие на этаже и горничные.
- Работник киностудии в это время был у себя?
- Администратор? Он без меня пришел, я оставалась внизу, в баре. И вскоре ушел.
- Когда вы обнаружили пропажу?
- После его ухода.
- Он приходил один?
- Вдвоем. Второй наш, здешний. Красивый парень. Я его раньше часто видела на танцах и в ресторане.
- Истамов? Баhti Гаранг?
- Имя не знаю.
- Администратор и его гость были долго в номере?
- Не-ет! Местный, наш, ушел первым... Потом и администратор.
- Опишите, пожалуйста, пропавшее платье. Кому-нибудь из горничных оно подходит?
- По размеру? Никому! — У потерпевшей на глаза навернулись слезы. — Сестра прислала. Она в 1-м Доме моделей работает, в Москве. «Космическая тема...» Воротник фигурный, тарелкой, рукава от талии...
- Заявление написали?
- Не буду: мама против... — Она осторожно промокнула ресницы платком. — Если найдется, то и так найдется! Правда?
- В номере Денисов достал будильник «Электроника», который всюду возил с собой, установил режим. Чтобы не разоспаться, в одежде, не снимая кроссовок, прилег на спинку поперек кровати. Дальше, за его головой, была кровать погибшего. Денисов успел подумать о чем-то, связанном с ней, сразу уснул.
- Через тридцать минут «Электроника» разбудила прерывистым несильным свистком. Когда, собравшись, он вышел в холл, девушки были еще на месте.
- Вы следователь? — спросила одна — со смуглым расстроенным лицом. Денисов еще раньше обратил на нее внимание: она не участвовала в разговоре — стирала пыль с подоконника.
- Хотите о чем-то спросить?
- Если такой случай... — За то время, пока он отсутствовал, горничная тщательно обдумала формулировку. — Девушка хотела купить цепочку. Деньги не отдала, но сказала: «Я покупаю!» При свидетелях... Стала крутить и сломала замочек. Должна она цепочку исправить, правда? Или деньги заплатить, а цепочку взять себе. Ведь так?
- Цепочка неисправная была, Махсар! — вмешалась горничная, у которой пропало платье.
- Сначала заплати, а потом ломай! — возразила Махсар. У обеих были одинаковые голоса и интонации. — Цепочка сербрунная! Куда я с ней теперь!
- А ты проверь, чтобы исправная, потом предлагай!

— Исправная была, пока ты о стол не стукнула!

Горничные, понял Денисов, находились между собой в запутанных юридических отношениях.

— Кто знает, возвращался администратор в тот день снова в гостиницу? — спросил он.

Девушки прекратили спор. Махсар — владелица сломанной печочки — сказала:

— Не возвращался. В тот день я долго здесь оставалась. Ушел и больше не был.

— Он при вас уходил? Сумки при нем были? Помните?

— Были.

— Две? Одна?

Горничная подумала.

— Две сумки.

Ночная съемка происходила в боковой части медресе, рядом со входом.

На двухметровой высоте над полом были проложены доски, по ним ступал артист, игравший мальчика. Внизу толпились работники съемочной группы. Чувствовалась нервозность. Снимать собирались с тележки снизу вверх — с видом на затейливый орнамент в нише под потолком.

Денисов огляделся: Туйчиева нигде не было.

— Я подаю реплику за калифа, — режиссер-постановщик, бородатый, русский, в наброшенном на плечи тулупе, в волчьей шапке, напоминал помора. — Внимание! «Слоненок придет к тебе домой этой ночью! Только не закрывай калитку! И не проспи! Слышишь, мальчик?»

Здесь же стояла директор картины Салтыкова, осанистая, крупная блондинка; Денисов узнал ее по описанию Туйчиева.

— Передайте, пожалуйста, директору, — Денисов протянул визитную карточку одному из рабочих, стоявшему у входа.

— Момент...

Денисов отошел во двор — мощный, пустой, огражденный высокими стенами. В стенах помещались когда-то кельи учащих-ся медресе.

По двору гулял ветер. Над одной из башенок сверху белел месяц, плоский, похожий на стертый гривенник.

Вскоре подошла Салтыкова.

— Вы Денисов? Я директор картины.

Вечер был холодным. На Салтыковой была плоская меховая шапочка, брюки, крупной вязки свитер. Сверху наброшена еще меховая куртка.

— Как ужасно то, что произошло! Мы здесь сидим... — Она заговорила быстро, искренне: — Ничего не знаем, кроме своего кино! Как все случилось?

Денисов коротко повторил то, что Салтыкова знала; остальное до раскрытия преступления составляло следственную тайну.

Разговаривая, они сделали несколько шагов к выходу, остановились снаружи, на ступенях. Здесь было не так мрачно. Впереди, через дорогу, высилось светлое древнее медресе Улугбека.

— Больше ничего не известно, — закончил Денисов.

— Меня волнуют подотчетные суммы,

— За этим я и приехал.

— Вы долго здесь будете?

— Завтра я должен быть в Ташкенте.

У нее испортилось настроение.

— Он уезжал всего на три дня. Понимаете? Я была на съемках в пустыне... — Салтыкова принялась объяснять: — Меня здесь спрашивали в управлении: «Почему такая большая сумма на руках?» А что делать? Каждый день платежи! Ни кассы, ни сейфа! На честном слове да на голубом глазу...

— Где будет сниматься эпизод со слоненком? — спросил Денисов. — Я знаю, что вы искали дворик. И погибший тоже искал, ходил к Фавзи-фотографу...

— Ему хотелось творческой работы.

— Он нашел, что искал?

— Неизвестно. Если бы не эта трагедия... Кругом беда! Съемки по графику заканчиваются, а ничего не снято со слонем! Точнее, со слонихой. Дрессировщики предпочитают слоних — они более покладисты... И вообще! Туман видели? И так каждый день. Да еще провозились с верблюдами...

Каждый думал о своем.

Их прервали:

— Маха, угости сигареткой. — Маленькая, похожая на подростка девочка в кедах, с ножницами, с тетрадью подошла к Салтыковой. Скорее всего ей было просто интересно, с кем и о чем беседует директор картины.

Салтыкова вынула пачку «Стюардессы», она оказалась пустой, сунула назад, в карман куртки. Девочка взглянула на Денисова. Он покачал головой.

— Без сигарет остались. — Она пошла в павильон.

— Не дадут поговорить, — сказала Салтыкова. Пояснила: — «Маха» — это за мою шапочку...

— Что вы могли бы сказать о его личной жизни?

Салтыкова пожала плечами:

— Была ли она здесь? Девочки жаловались на невнимание. В том числе и эта, что сейчас подходила.

— У него было много приятелей?

— Да нет. Работа такая... Это ведь только кажется простым — «приехали, сняли картину». А машины? А вертолет, гостиницы?! Встреть актера, обеспечить билетами, отправь... В поезд усади! А арбы, золоченые пояса, халаты?!

Из-за поворота впереди мелькнули огни. У медресе Азиз-хана остановилась милицейская патрульная машина. Старший сержант взбежал по ступенькам:

— Товарищ капитан...

Денисов узнал постового — в числе трех милиционеров он был днем в чайхане — с тонкими усиками, умным, сметливым лицом.

— Я за вами, — старший сержант не подал вида, что тоже узнал Денисова. — Капитан Туйчиев просит в милицию аэропорт. Он там с человеком, которым вы интересуетесь.

— В милиции аэропорта?!

— Капитан Туйчиев просил не задерживаться. Если можно.

Туйчиев имел в виду время, после которого без настоятельной необходимости следственные действия не могли по закону иметь место.

— Ходжиакбар, экскурсовод... — спросил Денисов у Салтыковой. — Это имя о чем-нибудь говорит вам?

— Впервые слышу. — Прощаясь, Салтыкова подала руку. — Что ж теперь будет, если деньги не найдутся?!

— Мы в гостинице поговорим.

Милиция аэропорта размещалась в небольшом вагончике и напоминала зимовку полярников — с антенной на крыше, с маленькими окошками, по два в каждой половине.

У стола сидел смуглый парень с кашне под пиджаком. Он заметно нервничал. В манере носить кашне угадывался чужой уличный шик.

— Бахти расскажет обо всем. Он дал слово... — Туйчиев сжал тонкие губы трубочкой, словно собирался дуть. — Но главное я должен открыть сразу. Он не был в день преступления в Москве. Мы с Ташевым проверили. Жил в доме у Фавзи. Как я и думал. Фотограф скрыл это от нас. Так что версия о преступнике из Бухары, видимо, несостоятельна...

Гаранг поднял голову. Он не произвел впечатление человека эмоционально глухого, по крайней мере в эту минуту, когда дело коснулось его лично.

— Разочарованы? — У него были выразительные большие глаза. — Вам, наверное, лучше, чтобы как раз виновен?! Смотришь, командировка завершилась, благодарность начальства...

Денисов пожал плечами:

— Если б оперуполномоченный искал только конца собственным хлопотам... — Он спросил: — Как вы познакомились с администратором?

— Разговорились в баре. Уж не помню, кто начал. Его тоже интересовали ансамбли, записи... У меня дома стереоцентр, он собирался посмотреть... — Гаранг отвечал с готовностью. — Потом я к нему приходил. В гостиницу.

— Выпивали?

— В «Зарафшане». В «Бухаре» ресторан не работал.

— Кто платил?

— Он.

— Из красной сумки?

Гаранг облизнул воспаленные губы.

— Красную сумку он не брал в ресторан, оставлял в номере.

— Знаете, что в ней?

— Он показал. Деньги. В пачках.

— Девятого вы были у него в гостинице. Сразу прошли в номер? В подсобку не заходили?

— Я даже не знаю, где подсобка. В конце коридора? — Было похоже, Гаранг говорит правду.

— Красную сумку видели в номере?

— Она стояла рядом с кроватью.

— Потом?

— Я ушел. С того и началось. В ресторане Лутфулло Закиров зашелся. Пошел с ножом... Вы же знаете!

— Администратор не говорил, что кто-то ему угрожает? Запугивает? Мстит?

— Нет.

— В Москву он ехал с охотой, без боязни?

— С радостью! Он сам сказал: «С легким сердцем, с большими ожиданиями...»

— Хорошо — Денисов посмотрел на часы.

— А меня куда? — В последнюю минуту Гаранг заколебался. — На Лошадиный рынок? — На бывшем Ат-Базаре — Лошадином рынке, Денисов знал, находился следственный изолятор.

— Пойдешь к отцу, — своим тонким тихим голосом сказал молчавший все это время Туйчиев, — хотя я не уверен, что ты снова что-нибудь не выкинешь...

— Никогда! — У Гаранга перехватило горло, он перешел на шепот: — Я свободен?

У опорного пункта на улице Туйчиев оставил машину. Дальше шли пешком. С темнотой вид Старого города изменился. Исчезли неряшливые провода; улицы выглядели уже, дома — выше. Установилось голубоватое равенство тонов.

— Это здесь.

Экскурсовод оказался моложавым, с серебряным из-за седины отливом волос. Поздоровавшись, Ходжиақбар пропустил их вперед, пошел сзади. Через минуту, оставив в передней обувь, они входили в гостиную.

Пока Туйчиев на узбекском коротко объяснял цель визита, Денисов оглядел помещение. Он сразу понял, что ничего подобного не видел, не представлял.

Стены гостиной были покрыты разноцветной росписью. Она окаймляла неглубокие декоративные ниши, в которых стояла причудливых форм посуда — кувшины, чайники, пиалы. Ширину пола закрывали ковры.

«Вот и ответ на мой вопрос, — подумал он. — Вместо того чтобы расспрашивать людей на улицах про дворики, погибший администратор нашел экскурсовода — человека, который лучше других знает старую Бухару!»

— Красиво, — сказал Денисов.

Хозяин дома скромно кивнул.

Экскурсовод не знал о гибели своего знакомого, Денисов догадался об этом по вырвавшемуся у него короткому стону, после одной из фраз, сказанных Туйчиевым, по вскинутым на мгновение, словно отстраняясь от беды, рукам. В остальном Ходжиақбар вел себя просто, со сдержанным участием.

— Погибший был в этом доме... — Туйчиев одной фразой подвел итог разговору с хозяином.

— Здесь он спал перед отъездом. — Ходжиақбар кивнул на кушетку в углу. Он сносно говорил по-русски. — «Хочу, — сказал, — узнать, какие сны в бухарском доме».

— Предполагалось, что тут будут съемки? — спросил Туйчиев.

— Да. Здесь будто бы живет мальчик и его родители. Садитесь, — Ходжиақбар показал на стулья. — Сейчас сделаем чай...

— Мы спешим, — сказал Туйчиев. — Извините нас. Работа!

— Что делать... — Ходжиақбар кивнул. — Однажды мальчик оставил калитку открытой, задремал и увидел слона, когда тот входил во дворик.

— Через калитку?

— Вход думали расширить.

Денисова интересовал погибший.

— Вы виделись с ним утром десятого, перед отъездом в аэропорт?

— Я вез его в своей машине.

— И видели все время, вплоть до регистрации?

— И потом, когда шла посадка.

«Вот оно!» — понял Денисов.

— Он шел не один?

— Один. Мне было его хорошо видно.

— Сколько у него было сумок с собой? Помните? Из гостиницы он ушел с двумя. И в Старый город тоже пришел с двумя.

— Вторую сумку он оставил здесь, — просто сказал экскурсовод. — Наверное, я должен был сразу сказать.

— Вы сохранили ее?

— Она на втором этаже, в балхане. Я ждал каждый день, что кто-то зайдет со студии...

Комната на втором этаже оказалась такой же необычной, с нишами, со старинной посудой, но меньшей площади. В ней был еще цветной телевизор и высокая, во всю длину стены, полированная секция.

В присутствии понятых Ходжаикбар открыл нижний ящик, показал на красную спортивную сумку из кожзаменителя. Она в точности соответствовала описанию.

Денисов переставил сумку на стол; замочек оказался закрытым, но Денисов легко открыл его с помощью обычной иглы.

Вверху лежал легкий небольшой сверток. Доставая его, Денисов подумал:

«Исчезнувшее из гостиницы платье...»

Возможность такой находки он не исключал с самого начала.

«Махсар — владелица цепочки — самовольно взяла платье, чтобы понудить ту, что сломала цепочку, к уплате. А когда та неожиданно вернулась, испугалась, не придумала лучшего, чем вбежать в ближайший номер и сунуть сверток в чужие вещи... — Спор, кому платить за сломанную цепочку, получил неожиданное продолжение. — А теперь молчит, боится, что посчитают за воровку...»

— Там деньги! — Один из понятых заглянул в сумку. — Много денег!

Во внутреннем отделении сумки лежали пачки пятидесятирублевых купюр. Денисов извлек их одну за другой. Гора денег на столе росла. Еще в сумке оказалось десятка полтора неоформленных расписок, ведомостей. Погибший администратор картины предпочитал не путать личное со служебным, для каждого держал отдельную сумку.

— Да тут на дом хватит! — заволновался понятой, первым увидевший деньги. — Целое состояние!

Туйчиев принялся за протокол.

— Где вы с ним познакомились? — спросил Денисов у хозяина.

— На главпочтамте. И сразу поняли, что друг на друга похожи... — Экскурсовод невесело улыбнулся. — Бутерброд у нас

у обоих падает маслом вниз. А если голодны и ищем булочную, то сначала обычно нам попадается прачечная или химчистка...

Молодые горничные не расходились. Денисов ничего не стал объяснять — положил на журнальный столик перед потерпевшей сверток с платьем.

— Напишите короткое заявление с просьбой о возвращении платья и расписку в получении. Оставьте на столике дежурной по этажу.

Он поспешил в номер. Звонкое одновременное «ой!» нескольких голосов догнало его в коридоре.

«Видимо, догадываются, как все произошло!» Он знал, что упростил порядок возвращения платья, но по сути был прав: к расследуемому преступлению истории с платьем и цепочкой отношения не имели.

В номере Денисов сбросил куртку, подсел к письменному столу, один за другим принялся выдвигать и тщательно осматривать ящики.

«Погибший не знал, что навсегда покидает гостиницу! Рассчитывал быстро вернуться...»

В столе в изобилии хранились старые газеты, салфетки, крошки засохших лепешек. В одном из ящиков он обнаружил стопку бумаги, несколько незаполненных бланков со штампом киностудии, стержни, шариковые ручки — все было в идеальном порядке.

Денисова интересовало другое. Покончив с письменным столом, он так же внимательно принялся за остальную мебель. Туйчиев ждал внизу, но Денисов решил, что не будет спешить, проверит все места, кажущиеся укромными.

В платяном шкафу попала на глаза металлическая ложка для обуви; верхние ящики и шифоньер были пусты вовсе. Подумав, он перешел к кровати в углу, аккуратно скатал постель.

Чутье не обмануло.

Под нижним матрасом, на фанере, лежал конверт. Денисов открыл его, вернулся к столу.

В конверте оказалось несколько фотографий одной и той же молодой женщины. Снимки были любительские, разных лет. Денисов обратил внимание на один, сделанный позже, чем другие, — женщина была сфотографирована в шубке, без головного убора, у перил крыльца или балкона, почему-то с открытым зонтиком.

Лицо показалось Денисову сначала незнакомым, но уже через минуту он вспомнил:

«Она и ее муж были в компании, с которой погибший провел последний свой вечер...»

На обороте фотографии округлым почерком было написано: «Любимому...»

Туйчиева Денисов нашел внизу, в баре-«экспрессе». Столик по соседству занимали датчане. Туристы были навеселе — дурачились, играли в «считалочку», «кому платить?».

— Иин! Ту! Трэ! — Туйчиев принимал их за американцев.

— Не жена убитого? — спросил он, рассматривая фотографии.

— Нет.

— Точно?

— Совершенно точно. Я знаю.

— Ну, вот! Теперь, когда подотчетные суммы нашлись и мотив убийства из-за денег отпал...

— И Бахти Истамов оказался ни при чем!

— «Шерше ля фам!» — «Ищите женщину!» Месть, ревность... — Туйчиев сложил фотографии в конверт. — Очень возможно, что она замужем. Так?

Денисов не ответил.

Без необходимости не следовало раскрывать тайну чужих отношений.

— Мне надо на минуту наверх. За бумагами. — Денисов поднялся.

— Не задерживайся.

— Я сейчас.

В холле на девятом этаже никого не было, кроме нескольких командированных. На столике дежурной лежали написанные наспех заявление и расписка. Денисов положил их в карман, вернулся в лифт.

«Есть ли ночной автобус Навои — Ташкент? Завтра к вечеру я мог бы быть в Москве...» Новые обстоятельства требовали их срочной проверки.

Хотя он нажал на нижнюю кнопку, кабина сначала подняла наверх, на обзорную площадку, автоматически открыла дверь.

Наверху было ветрено. За низким карнизом он снова увидел напоминавшие груды перевернутых пиал купола старых бань, квадратный водоем, разбросанные между плоских крыш порталы медресе. Сверху они были похожи на обложки выставленных для обозрения гигантских книг. Многим было пятьсот и более лет. С ними рядом толпились люди со всего света, приехавшие, чтобы воочию все увидеть — Арк, Мири-Араб, город-музей — благословенную Бухару.

Денисов вздохнул.

Постояв положенные секунды, лифт закрыл дверь, бесшумно начал скольжение.

Элайджа ЭЛЛИС

ЧЕСТНЫЙ ЧЕЛОВЕК

РАССКАЗ

Шериф Эд Карсон и я завершали чуть теплым кофе не слишком изысканный ленч, когда я заметил Дорса Пендера в открытой галерее, соединявшей столовую «Гранд-отеля» с вестибюлем. Позже я понял, что Пендер просто всплескивал руками в сильном возбуждении, но издали могло показаться, что он пытается на ходу скрутить из них некое

подобие веревки. Когда Пендер увидел нас, он продрался к нашему столику через толпу, заполняющую в полдень столовую «Гранд-отеля», с живостью, неожиданной для его отнюдь не хрупкой комплекции.

— Наверх, — выпалил он, задыхаясь и тыча в потолок трясущимся пальцем. — Скорее наверх, прошу вас.

Эд Карсон откинулся в своем кресле и удивленно нахмурил брови.

— Что с вами, Дорс?

Толстяк, управляющий «Гранд-отелем», затряс головой.

— Пойдемте наверх. Прошу вас.

Мне не удалось избежать его страдальческого взгляда.

— Вас тоже, мистер Гейтс.

Не дожидаясь ответа, управляющий рванулся через толпу обратно в направлении вестибюля. Карсон и я едва поспевали за ним.

— А может, это к лучшему, — пробормотал Карсон.

— Во всяком случае, он вытащил нас из этой вонючей забегаловки, — отозвался я.

Пендер ждал нас в вестибюле возле допотопного лифта. Он втолкнул нас в кабину и нервно нажал кнопку. Старенький механизм громко заскрипел, поднимая нас наверх.

— Что у вас там стряслось, Дорс? — спросил я.

— Мертвец в номере, — ответил Дорс. При этом его лицо перекосилось, как от зубной боли. — Я обнаружил его две минуты назад и чуть не потерял сознание.

— Как это произошло?

— Не знаю. Все, что мне известно, — это то, что он лежит у себя в номере поперек кровати и в груди у него нож.

Он облизнул пересохшие губы и добавил:

— Он приехал вчера поздно вечером и записался в книге регистрации под именем Джеймса Томаса.

Лифт с глухим скрежетом остановился на площадке третьего этажа. По темному, пахнущему плесенью проходу мы прошли до приоткрытой двери в дальнем конце коридора.

— Здесь, — сказал Пендер.

Мы вошли в номер. На мягкой постели в неловкой позе лежал мужчина. Его рот был открыт, а в глазах, казалось, не успел погаснуть интерес к затянутому паутиной потолку. В груди мужчины торчала рукоятка большого охотничьего ножа.

— Никогда не встречал его раньше.

Шериф подошел к кровати и склонился над лежащим человеком. Я тоже подошел на расстояние фута к кровати и смотрел, как Карсон проверял содержимое его карманов. Потом я повернулся к Пендеру, который стоял в дверном проеме, переминаясь с ноги на ногу.

— Ну, Дорс, мы слушаем вас, — сказал я. — Кто он?

— Не знаю, мистер Гейтс. Я уже говорил, что он приехал вчера поздно вечером. Записался в книге как Джеймс Томас, коммивояжер из Нэшвилла. Кому-то позвонил, потом ушел к себе в номер.

— В карманах ничего интересного, одни медяки. Даже бумажника нет, — разочарованно протянул Карсон. Он выпрямился и посмотрел на Пендера. — Продолжайте, Дорс. Как вы обнаружили труп?

Управляющий снова облизнул губы.

— Около часа назад он спустился в столовую завтракать. Потом подошел к моему столику в вестибюле. Мы перекинулись с ним несколькими словами. Он сказал, что в полдень у него деловое свидание, и попросил меня принести в номер бутылку шотландского виски. Я согласился, и он дал мне десять долларов. Потом он поднялся на лифте, и я его больше не видел. До того самого момента, как принес в номер бутылку.

Пока Пендер рассказывал, я осмотрел комнату. Кровать, туалетный столик с зеркальцем, покосившийся стул. Небольшой чехомоданчик лежал на стуле. Я заглянул в него. Чистая сорочка, смена белья, носки, бритвенный набор. Как видно, Джеймс Томас предпочитал путешествовать налегке.

Шериф Карсон сказал:

— Продолжайте, Пендер.

Пендер сидел, сжав голову руками.

— Он поднялся на лифте к себе в номер около двенадцати часов. Минут через пятнадцать я вышел на улицу за виски. Вернулся назад с бутылкой, поднялся на лифте на третий этаж и постучал в дверь. Ответа не последовало, я открыл дверь — она была не заперта — и увидел его.

— Что вы делали потом? — спросил я.

— Вылетел из номера как пробка. Побежал вниз искать вас и шерифа. Я знал, что вы сегодня в столовой.

Я посмотрел на часы.

— Сейчас двенадцать тридцать. Получается, что вы обнаружили Томаса мертвым около двенадцати двадцати?

— Я думаю, так примерно и было.

— Остается около двадцати минут, — сказал шериф. — Я не уверен, что дело обстояло именно так. Слишком мало времени... Пойду вниз и позвоню в контору доктору.

Он взглянул на меня.

— Лу, можно попросить вас...

Я кивнул.

— Хорошо, Эд. Я останусь здесь.

Карсон, тяжело ступая, вышел из комнаты.

Пендер задержался в номере. Он насухо вытер руки и одарил меня тем, что сам, наверное, принимал за лучезарную улыбку.

— За всеми этими неприятностями я чуть не забыл сказать вам, что в следующий вторник буду голосовать за вас, мистер Гейтс. Вы самый лучший прокурор, который когда-либо был в округе Покочоби. Без всякого преувеличения.

— Я очень тронут, Дорс, — сказал я, а когда он, видимо посчитав свою миссию выполненной, повернулся к выходу, добавил: — Тем не менее я очень скоро прикрою вашу лавочку, если вы снова будете заманивать к себе хороших девушек.

Он ответил мне взглядом, полным оскорбленного достоинства, но комментировать мое последнее высказывание не стал и предпочел ретироваться.

Пока я дожидался возвращения Карсона, я успел обшарить вдоль и поперек всю комнату и подумать о Дорсе Пендере. Потом подошел к кровати и внимательно осмотрел убитого. Он был со вкусом одет и, даже будучи мертвым, производил впечатление человека аккуратного и неравнодушного к своей внешности. Слишком аккуратного для такой грязной дыры, как «Гранд-отель».

Сколько денег могло быть в его кошельке? Если достаточно приличная сумма и о ней первым узнал Дорс Пендер, это меняло многое. Пендер пользовался в округе сомнительной репутацией, но хватит ли у него мужества всадить нож в человека, обчистить его карманы и после этого хладнокровно пойти к шерифу и окружающему прокурору, добровольно взвалив на себя бремя первого свидетеля? Я затруднялся однозначно ответить на этот вопрос.

Мое внимание привлекло золотое кольцо на левой руке убитого. Я наклонился, чтобы получше разглядеть его. Это было обыкновенное кольцо, которое прямо свидетельствовало о том, что его обладатель в 1950 году закончил государственный университет, а косвенно — о том, что ему уже за тридцать и что его внешность на этот счет не обманывает.

Тут я услышал в коридоре приближающиеся шаги. Через несколько секунд в дверном проеме показалось лицо Карсона с характерным, крупно очерченным подбородком.

— Доктор прибудет, как только освободится, — сказал шериф. Он снял шляпу и вытер пот с лица. — Жарко. — Потом подошел к окну и вдохнул свежего воздуха.

— Что вы думаете обо всей этой истории? — спросил я. Карсон повернулся ко мне.

— Что можно узнать за это время? Я позвонил в контору и попросил своего помощника связаться с Нэшвиллом и выяснить у ребят из местной полиции, что за фрукт этот Томас. Но я все же предпочел бы увидеть человека, которому Томас назначил сегодня встречу в полдень. У вас есть какие-нибудь предположения?

Я поделился с ним своими сомнениями о Дорсе Пендере.

Карсон немного пожевал свою длинную нижнюю губу.

— Вряд ли это Дорс. А впрочем, все может быть.

Я согласился.

— Что мы имеем? Показания Дорса о том, что Томас вчера поздно ночью звонил кому-то в городе? Потом это таинственное свидание в полдень, прямо в номере.

— Да, — с сомнением протянул Карсон. — Но...

Тут мы услышали голоса в коридоре, и три человека вошли в номер. Первым был доктор Джонсон, судебно-медицинский эксперт округа Пококочоби. Он кивнул нам и направился сразу к кровати. Не обращая больше внимания на нас Джонсон начал осмотр трупа.

Я издал сдавленный стон, когда увидел, кто были два других посетителя — последние два человека, которых я хотел бы видеть в этом городе — сейчас и в будущем: Джереми Уолтон, редактор единственной городской газеты, и Эдгар Фаррис, мой главный противник на предстоящих выборах окружного прокурора.

— Как делишки? — пророкотал Джереми Уолтон.

Его маленькие глазки рыскали по комнате. Он напоминал мне в эту секунду стервятника, парящего над прерией в поисках добычи.

— Еще одно убийство, а? Я боюсь подумать, что будет с нашим округом через несколько лет.

В последние два года в округе не произошло ни одного убийства, но сейчас был слишком неподходящий момент, чтобы напоминать ему об этом.

Карсон холодно спросил:

— Как вы оказались здесь, Уолтон?

— Разумеется, не по вашему приглашению, — отпаривал редактор. — Чтобы вы не забывали, что вам не удастся скрыть от всех это гнусное преступление. Пока судебную власть в округе олицетворяют такие некомпетентные люди...

— Приберегите эту тираду для передовицы в своем бульварном листке, — сказал я устало.

— М-да, — подал голос из своего угла доктор Джонсон. — Ему уже ничем не помочь. Удар прямо в сердце.

Он осторожно держал в руках охотничий нож, семидюймовое лезвие которого было все перепачкано кровью.

— Я не нашел на теле признаков борьбы. Ни других ножевых ран, ни ссадин, ни кровоподтеков — ничего. Очень похоже, что смерть наступила не больше часа назад.

Карсон кивнул.

— Ваш вывод совпадает с нашими данными.

— Немного же вы успели, — вставил Джереми Уолтон. — Что вы сделали, чтобы найти убийцу? Расскажите нам.

В этот момент мне показалось, что Карсон готов проверить своим прямым прочностью скул Уолтона. Однако, к моему удивлению, Карсон не только терпеливо снес развязный тон редактора, но и сам начал рассказывать.

Пока он излагал подробности, я изучал Эдгара Фарриса, который внимательно слушал его рассказ. Он был примерно моего возраста — лет тридцати шести, худой и высокий мужчина с седыми висками и крупным, резко выдающимся вперед квадратным подбородком.

Фаррис считался в округе лучшим знатоком криминалистики и законоведом. Несколько раз нам доводилось соперничать с ним в суде, и мы поделили поровну наши победы.

Он был одним из наиболее вероятных претендентов на место окружного прокурора на предстоящих на будущей неделе выборах. Если мы не распутаем в самые короткие сроки это убийство, наша неудача наверняка склонит чашу весов в пользу Эдгара Фарриса.

Шериф закончил свой рассказ.

— Это все, что мы знаем. Я надеюсь, что нэшвиллская полиция поможет нам определить, с какими целями и к кому приехал в Монро Джеймс Томас. Мы опросим служащих отеля. Один из моих помощников сейчас занимается этим. И...

— И тем не менее вы с Гейтсом скорее похожи на каменных статуй в парке, в то время как маньяк убийца преспокойно разгуливает по городу. — Редактора словно провало.

— Полегче, Джерри, — сказал Эдгар Фаррис.

Он произнес эти слова очень тихо, но Уолтон послушно заткнулся.

Установившееся молчание нарушил доктор Джонсон.

— Я пойду вниз и вызову машину.

— Нам тоже пора, — сказал Фаррис Уолтону.

— Пожалуй, — согласился редактор. — Не будем мешать храбрым защитникам закона и общественного порядка.

— Идите к черту, — огрызнулся Карсон.

Фаррис проигнорировал это предложение. Он сказал неожиданно дружелюбным тоном:

— До встречи, Лу, Эд.

Они вышли из номера.

Мы с Карсоном обменялись взглядами.

— Ну и ну, — пробормотал он.

— Теперь мне остается уповать, что я смогу прокормиться частной практикой, — подыграл я.

— Выборы еще не закончились, — возразил Карсон, задумчиво дергая себя за ус. — Однако пора бы моим помощникам дать знать о себе.

Я посмотрел на часы. Было начало второго. Меньше часа назад мы еще сидели внизу, жестоко наказывая наши желудки изделиями поваров «Гранд-отеля».

Словно вняв словам шерифа, Бак Мауллинз, один из двух помощников Карсона, широким шагом вошел в комнату. В правой руке он бережно нес кожаный бумажник.

— Найден в конце коридора в уборной, — сказал он. — Был спрятан за унитазом.

Карсон открыл бумажник.

— Шагреневая кожа, — сказал он. — Бесполезно пытаться снять отпечатки пальцев.

Я заглянул через плечо Карсона и увидел, что он держит в руках визитные карточки. Он прочитал одну из них:

— Джеймс Аарон Томас из Нэшвилла; штат Теннесси. Водительское удостоверение, чековая книжка... А это что такое? Коммерческий представитель цементной компании «Ло-Мак»? Гм. И ни цента наличными. Странно, очень странно.

— Послушайте, Эд, — сказал Бак Мауллинз. — Том пытается хоть что-нибудь вытрясти из этих олухов в гостинице. Никто ничего не видел и ничего не знает. Или не хочет ничего говорить.

Карсон вздохнул.

— Я не ждал ничего другого. Это было бы слишком легко и просто. Но вы хорошо поработали, Бак.

Помощник Карсона засиял от удовольствия. Потом он заметил охотничий нож, который лежал на свернутом вчетверо полотенце на туалетном столике — там, куда его положил доктор Джонсон.

— Это оружие убийства?

— Да.

— Отпечатки пальцев?

Шерифу пришлось терпеливо объяснять, что со своей резной костяной ручкой нож полезен для следствия еще меньше, чем шагренированная поверхность бумажника убитого.

— Вы оставайтесь здесь, Бак, и не пускайте никого, кроме ребят из похоронного бюро, когда они придут за телом. Всех остальных отсылайте ко мне в контору офиса. Я скоро буду там.

Карсон и я вышли. В коридоре второй помощник Карсона допрашивал двух мужчин. Карсон кивком головы подозвал его к себе.

— Ничего нового?

— К сожалению, ничего. Все глухи и слепы, как бревна. Мне продолжать работу?

— Да, еще немного. Я буду в конторе.

Мы вышли на улицу.

— Цементная компания? — задумчиво сказал Карсон. — В округе нет крупного строительства. Большим компаниям не резон проявлять к нам любопытство.

— И тем не менее Томас, по словам Дорса Пендера, имел в полдень деловое свидание. Впрочем, под деловым свиданием он вполне мог подразумевать встречу с женщиной.

Карсон иронично фыркнул.

— Стоило ехать сюда из Теннесси, чтобы просто затащить в номер женщину.

— Эд, вы плохо представляете работу коммивояжера.

— Не спорю. Поэтому я не верю в версию с женщиной.

Мы вошли в старое здание суда, которое встретило нас после яркого полдневного света улиц внезапной и сумрачной темнотой. Ведомство Карсона размещалось на первом этаже. Когда мы открыли дверь в его кабинет, за одним из столов у окна увидели молодую женщину. Я признал в ней одну из сотрудниц контрольной комиссии округа, помещение которой соседствовало с кабинетом Эда.

При нашем появлении она встала.

— Бак Мауллинз попросил меня посидеть у телефона.

— Да, я в курсе, — сказал Карсон. — Очень признателен вам. Никаких звонков?

— Ни одного.

Она была явно разочарована. Карсон держал дверь открытой перед ней, и ей пришлось выйти, что она и сделала с видимой неохотой.

Карсон вошел в кабинет, впустил меня и закрыл дверь. Я опустился в одно из кресел и спросил:

— Ну, что теперь?

— Будем ждать звонка из Нэшвилла. Это все, что мы можем сделать для Джеймса Томаса.

— Если придется ждать долго, в такой жаре горло совсем пересохнет, — сказал я.

Карсон понял намек. Он выдвинул из своего стола нижний ящик и достал из него бутылку кока-колы и два бумажных стаканчика, наполнил их почти до краев и протянул один мне.

Мы поудобнее устроились в наших креслах, потягивая кока-колу. Мой стаканчик был почти пуст, когда телефон зазвонил. Карсон снял трубку:

— Алло.

Он несколько секунд слушал, потом кивнул мне. Звонок из Нэшвилла. Разговор продолжался несколько минут. Когда Карсон повесил трубку, он снова сел в кресло и взял в руки свой стаканчик.

— Убей бог, если я что-нибудь понимаю.

— Что случилось, Эд? — нетерпеливо спросил я.

— А? Ах, да. Джеймс Томас. Парни из Нэшвилла охарактеризовали его как темную лошадку. Одна из самых заметных фигур в цементной компании. Специализируется на общественном строительстве. Может пойти на все: шантаж, подкуп, угрозы. Ему часто удавалось добыть для компании крупные заказы.

Я пожал плечами. Никакой видимой связи между цементной компанией Томаса и округом Покочоби не прослеживалось. До сих пор в округе не планировалось начинать крупное общественное строительство. Если бы было наоборот, я бы знал об этом. Как один из ответственных функционеров округа, я имел далеко не последний голос при заключении контрактов на строительные работы с оплатой из казны округа.

Очевидно, мысли Карсона двигались в том же направлении. Он сказал:

— Я пока не вижу, чем это может помочь нам. Ребята из Нэшвилла обещали копнуть поглубже связи Томаса и позвонить нам еще раз.

Я допил кока-колу, скомкал стаканчик и бросил его в корзину за столом.

— Выходит, рано отбрасывать ограбление как основной мотив убийства?

— Пожалуй, рано. Хотя, по-моему, более вероятно, что его убили из-за каких-то личных связей в прошлом. Может быть, он попытался шантажировать кого-нибудь из администрации округа.

— Я все-таки склоняюсь в сторону Дорса Пендера, — сказал я. — По нему давно веревка плачет.

Карсон пожал плечами.

— Благодарите бога, что вас не слышат ваши выборщики.

Я сказал ему, куда могли отправиться мои выборщики.

Прошло время. Я курил одну сигарету за другой. Сведения, которые приносили помощники Карсона, не стоили выведенного яйца.

Машина Томаса, на которой он приехал из Нэшвилла, была обнаружена на автомобильной стоянке перед отелем, но ничего, что бы заслуживало внимания, в ней найдено не было. Томас приехал в отель немногим позже полуночи. Телефонная компания сообщила, что вчера примерно в пятнадцать минут первого ночи зарегистрировала местный телефонный звонок из аппарата в вестибюле «Гранд-отеля». Но выяснить, кто и кому звонил, нам не удалось.

Все это укрепляло наше внимание к фигуре Дорса Пендера.

Мы сидели в кабинете Карсона, разглядывая перепачканные краской стены. Потом выпили еще по стаканчику. Снова позвонил Нэшвилл. И то, что они сообщили в этот раз, озадачило нас еще больше.

За день до отъезда, в пятницу, Томас разоткровенничался с одним из служащих цементной компании. Согласно показаниям последнего Томас утверждал, что в этот раз сумеет организовать крупный заказ без обычных интриг и взяток.

Правда, Томас не называл ни имен, ни городов.

Он уехал из Нэшвилла вчера около полудня.

— Отсюда до Теннесси часов восемь-девять быстрой езды, — сказал шериф. Он помолчал. — В разговоре он обронил еще одну фразу, которую собеседник запомнил, потому что не понял ее.

— Что за фраза? — спросил я.

— Прежде чем попрощаться с этим парнем из компании, он сказал: «Нет ничего лучше университетского образования». И захохотал, как сумасшедший.

— Лучшее университетского образования? — Я медленно разглаживал у себя на голове то, что осталось от моих волос. — Черт возьми, Томас носил на руке университетское кольцо за тысяча девятьсот пятидесятый год. А что, если?..

Карсон уставился на меня. Я продолжал массировать рукой свой скальп. Я видел, что Эд удивлен.

— Эд, — сказал я. Я резко встал и пошел к двери. — Эд, а не прогуляться ли нам в общественную библиотеку, а?

За то короткое время, что мы ехали от здания суда до библиотеки, я поделился с Эдом своей неожиданно возникшей версией. Он выслушал меня молча и высказал сомнения.

Мы пробыли в библиотеке минут двадцать. Покинув ее, снова поехали в центр. Карсон не говорил ни слова. Молчал и я.

Здание, в котором размещалась «Монро Хорлд Газетт», примыкало к площади с южной стороны. Карсон отыскал брешь между машинами и поставил туда свою.

— Приехали, — сказал он.

— Я хотел бы надеяться, что мы ошиблись.

Мы пересекли тротуар и вошли в здание «Хорлд Газетт».

Стол, за которым сидел Джеремиа Уолтон, располагался в углублении, отгороженном от остальной комнаты деревянными перилами. Эдгар Фаррис примостился на краю стола. Оба задумчиво беседовали. Со стороны внутреннего двора в комнату проникал приглушенный грохот типографских станков. Наконец Уолтон увидел нас, и его маленькие, пороссячьи глазки расширились от удовольствия.

Карсон и я открыли калитку, прошли за деревянные перила и уселись в кресла прямо напротив редакторского стола. Эдгар Фаррис наблюдал за нами, неуверенно улыбаясь.

— Мы установили личность убитого. Его зовут Джеймс Томас. Кстати, Уолтон, вы никогда не встречали его раньше?

Наш вопрос явно озадачил Уолтона.

— Томас? Я ничего не слышал об этом человеке. А что, собственно, произошло?

— А вы, Эдгар? — как бы невзначай спросил я. Но мое сердце колотилось в груди так громко, что оно, казалось, заглушало шум, производимый большой типографией. — Вы встречали когда-нибудь раньше Джеймса Томаса?

Фаррис повернулся ко мне и нахмурился.

— Разумеется, нет. Если бы дело обстояло иначе, я непременно сказал бы об этом в отеле.

Я облегченно вздохнул. Это было все. Или почти все.

— Шериф и я можем рассказать вам, что мы узнали от коллег из Нэшвилла. Томас был очень темной личностью и занимался политическими махинациями. Он приехал сюда, чтобы встретиться с кем-то. По делу. По его, Томаса, делу.

Джеремиа Уолтон спросил:

— Ну и что дальше?

— Ничего, — сказал я. — Просто делимся с вами своими новостями. Кстати, Томас в тысяча девятьсот пятидесятом году закончил государственный университет. Нам с шерифом почему-то взбрело в голову забежать ненадолго в библиотеку. У них все полки забиты университетскими ежегодниками. Там за тысяча девятьсот пятидесятый год содержал очень много интересного и неожиданного.

Эдгар Фаррис напрягся. Его лицо побледнело. Он медленно приподнялся со стула.

Я закурил сигарету.

— Очень странно, Эдгар, что вы не помните Томаса. Это тем более непонятно, если учесть, что вы учились с ним в одной группе и жили в одной комнате.

Уолтон издал сдавленный возглас. Он хотел что-то сказать, но Фаррис сделал ему знак помолчать и сказал:

— Видите ли, людям свойственно забывать.

— Вы правы, — сказал Карсон. — Это самое обыкновенное совпадение. Джеймс Томас ехал сюда, чтобы устроить какое-то очередное дельце. Его бывший однокашник и сосед по комнате вот-вот займет место прокурора округа. Если на следующей неделе его выберут прокурором, он

Художник Геннадий НОВОЖИЛОВ

окажется в состоянии повернуть дело таким образом, чтобы не обделить компанию, в которой работает Томас. Да, без сомнения, это простое совпадение.

На какое-то время все замолчали. Потом Джереми Уолтон устало вздохнул. Сейчас он выглядел на десяток лет старше, чем был десять минут назад. Он снял с рычага телефонную трубку и нажал на кнопку.

— Джек? Остановите машины. Уберите с первой полосы тот материал, что я дал вам, и подготовьте ему замену.

Через несколько секунд грохот станков за окном обвалился.

— Вы тупицы, — сказал Эдгар Фаррис. — Вы и Гейтс. Оба. Кретины и ослы.

Он открыл калитку и вышел в коридор. Его шаги громко раздавались в тишине.

— Я ничего не знал, — промямлил Уолтон. — Можете верить мне на слово.

Я повернулся в своем кресле так, чтобы видеть Фарриса. Он продолжал измерять своими шагами узкое пространство коридора. Его никто не останавливал. У нас с Карсоном не было неопровержимых доказательств, что это он убил Джеймса Томаса. Наконец он снова подошел к калитке, открыл ее и медленно вошел к нам.

— Не вижу никакого смысла, — произнес он.

Уолтон сказал:

— Эдгар, я бы советовал вам...

— Держите при себе свои советы. Я сыт ими по горло. — Фаррис криво усмехнулся. — Не думаю, чтобы у меня когда-нибудь снова возникло желание заняться политикой. Это обходится очень дорого.

— Это вы убили Джеймса Томаса? — спросил я.

— Да. Он вынудил меня к этому.

— Позвольте, его же убили позже полудня, — оторопело пробормотал Уолтон. Все это время до того момента, как Дорс Пендер нашел нас, вы были у меня на виду.

— Позвольте мне рассказать все самому, — прервал его Фаррис. — Томас вцепился в меня мертвой хваткой. Когда мы учились в университете, мы жили в одной комнате и были хорошими друзьями. В то время я был близок с одной девушкой. Джимми уже тогда знал ответ на любой вопрос. Когда у нее случилась неприятность, он пообещал устроить ей хирургическую операцию. Операция прошла успешно, но пациент не выжил.

Фаррис замолчал и закрыл лицо руками. Потом он все-таки продолжил:

— После того как я получил диплом, я приехал сюда, где меня никто не знал, и принял адвокатуру. Прошло достаточно много лет, чтобы я забыл все неприятности. Тяжело помнить о своей вине за убийство глупой девушки. Разумеется, по вполне понятным причинам я держался подальше от Джимми Томаса. До тех пор, пока я не выставил свою кандидатуру на выборах окружного прокурора. Тогда я снова услышал о Джимми. Письма, звонки, тысячедолларовые подарки от его компании.

— Потом Томас затянул винт потуже? — понимающе спросил Карсон.

— Да. Он позвонил мне вчера ночью, сказал, что он уже в городе и хочет поговорить со мной. Я знал, чего он добивается. Но я назначил ему встречу на сегодня в его номере. Я поднялся по пожарной лестнице. Постучал к нему в номер, и, как только он открыл дверь, я ударил его ножом. Он зашатался и упал на постель. Я забрал у него бумажник, чтобы было похоже на ограбление. Знаете, сколько у него было денег? Всего четыре доллара.

— Что было потом? — спросил я.

— Я взял деньги — все четыре доллара, спрятал бумажник за унитазом в уборной в конце коридора и спустился опять по пожарной лестнице. Было около десяти минут первого. Оттуда я прошел прямо в редакцию. Остальное вы знаете. Кроме...

— Кроме чего?

Фаррис посмотрел на меня. Он нетерпеливо повысил голос.

— Неужели вы не понимаете? Этот подонок шантажировал меня, добиваясь крупных заказов на цемент для компании, если я стану окружным прокурором.

— Я все понимаю, — сказал я.

Фаррис яростно тряхнул головой:

— Черт побери, теперь вы видите, что я должен был убить его.

— Почему?

Фаррис с достоинством выпрямился.

— Потому что я честный человек!

Перевел с английского С. БЕЛОСТОЦКИХ

ПОЧТИ КОНЕЦ СВЕТА

РАССКАЗ

Был полдень. Вилли Берсинджер сидел за рулем своего побитого драндулета и смотрел на городок Рок-Джанкши, штат Аризона. Его левая нога, обутая в шахтерский ботинок, поко-

илась на педали акселератора. Вилли тихо беседовал со своим компаньоном.

— Да-а, Сэмюэл, городок что надо. Вот так проведешь пару месяцев на приiske «Боже упаси», тебе и стекляшки в музыкальном автомате покажутся витражами. Город нам необходим. Без него мы проснемся как-нибудь и увидим, что превратились в вяленую говядину и твердокаменные леденцы. Ну и город, конечно, нуждается в нас.

— Это как же? — удивился Сэмюэл Фиттс.

— Мы приносим с собой то, чего у города нет, — горы, ручьи, ночи в пустыне, звезды... и все такое...

— Заваливаешься в парикмахерскую — и плюх в кресло. Хорошо! — размечтался Вилли. — По стенкам развешаны календари с похабными картинками, а под ними толпится народ, и все глазекот на меня в надежде, что мне вздумается пофилософствовать о скалах, о миражах и о Времени, которое таится среди скал и дожидается, когда же Человек оттуда уйдет.

— Приятно ощущать себя нужным, — сказал Вилли, — мы нужны горожанам как воздух, Сэмюэл. Так что открывай дорогу, Рок-Джанкши!

В листах обшивки посвистывал ветер. Вот они уже проехали городские окраины... и вкатились в царство трепета и смтения.

Едва они проехали каких-нибудь сто футов, как Вилли вдруг ударил по тормозам.

— Тут что-то неладно, — сказал Вилли. Он обвел все вокруг своим рысьим взглядом, потянул воздух большим носом. — Запах, чувствуешь запах?

— Нет, не чувствую, — заерзал на месте Сэмюэл, — а что?..

Вилли косо посмотрел на него.

— Ты видел когда-нибудь, чтобы деревянный индеец у табачной лавки был выкрашен в небесно-голубой цвет?

— Нет, ни разу.

— Тогда посмотри вон туда. А видел ты когда-нибудь розовую собачью конуру, а оранжевый нужник, а сиреневую поилку для птиц? Так вот же они! Там, там и там!

Оба привстали в скрипучей машине.

— Сэмюэл, — прошептал Вилли, — ты только глянь! Они же покрасили каждое полено в поленище, все перила на верандах, общинный приют, пожарные краны, заборы, мусорные фургоны, всякую мелочь, всякую финтифлюшку — весь город.

И все же... оркестровый павильон и баптистская церковь, железнодорожная станция и пожарная часть, даже приют закрытой общины, окружная тюрьма и ветлечебница, бунгало и коттеджи, оранжевые башенки на крышах, вывески и почтовые ящики, телеграфные столбы и мусорные урны — все и вся сверкало пшеничным золотом, зеленью яблоч-дичков, по-цирково-яркой алой краской. Казалось, вот только что Создатель поывдергивал из земли все, начиная баками для воды, кончая модельнями, выкрасил и оставил сушиться.

Но и это еще не все: там, где раньше были сорняки, теперь сплошь росла капуста, зеленый лук, салат, теснились диковинные подсолнухи, работающие под полуденным небом как часы.

Художник Геннадий НОВОЖИЛОВ

Под бесчисленными деревьями распустились анютины глазки, прохладные, как носики у щенят в летний день, они томно глядели большими влажными очами на постриженные изумрудно-зеленые лужайки, словно сошедшие с рекламных проспектов, приглашающих посетить Ирландию.

И в довершение ко всему мимо пробежали десять парней, чисто выбритые, волосы тщательно уложены, рубашки, брюки, тенниски — все сверкает, как снеговые горы.

— Этот город свихнулся, — проговорил Вилли, провожая их взглядом. — Просто чудеса! Сэмюэл, какой диктатор захватил власть? Неужели протолкнули закон, заставляющий мальчишек ходить чистыми, красить каждую зубочистку, каждый горшок с геранью? Слышишь запах? Это новые обои в каждом доме! На головы этих людей свалился Страшный суд! Ну не может же человеческая натура исправиться за одну ночь. Ставлю все золото, что я намыл за этот месяц: все эти чердаки и подвалы вычищены и вылизаны. Готов поспорить на что угодно, что с городом случилось нечто Такое...

— Ну, конечно, я даже слышу, как в саду поют херувимы, — запротестовал Сэмюэл. — Выдумашь тоже, конец света! А впрочем, по рукам. Считай, золото уже мое.

Машина свернула за угол. В воздухе носились запахи скипидара и побелки. Сэмюэл выбросил за борт обертку от жвачки. То, что последовало за этим, немало удивило его. На улицу выбежал старик в новых комбинезонных брюках и начищенных до зеркального блеска ботинках. Он схватил бумажку и погрозил кулаком удаляющейся машине.

— Ну форменный конец света, — пробормотал Сэмюэл Фиттс. — Да... но пари остается в силе.

Они отворили дверь в парикмахерскую. В ней было полно клиентов, одни уже подстрижены, напомажены, гладко выбриты, розоволицы, а другие еще дожидались своей очереди, чтобы устроиться в кресле и выгнуться дугой. Тем временем трое парикмахеров всюю орудовали ножницами и гребешками. И посетители и парикмахеры говорили все разом, и в зале стоял гвалт, как на бирже.

Только показались Вилли и Сэмюэл, шум моментально утих. Можно подумать, в дверь выстрелили из ружья.

— Сэм... Вилли...

— Сэмюэл, — проговорил Вилли одним только краешком рта, — у меня такое ощущение, что сюда пожаловала Красная Смерть. — Потом громче: -- Всем привет! Я пришел дочитать лекцию, озаглавленную «Любопытные флора и фауна Великих американских пустынь», а также...

— Нет!!!

Старший парикмахер, Антонелли, бросился к нему, схватил за руку и зажал ладонью рот, как нахлобучивают колпачок на горящую свечу.

— Вилли, — зашептал он, с опаской озираясь по сторонам, — обещай мне только одно: ты сейчас пойдешь, купишь иголку с ниткой зашьешь себе рот. Молчи, если тебе жизнь дорога!

Вилли и Сэмюэл почувствовали, что их подталкивают вперед. Двое уже побритых и постриженных вскочили со своих мест, хоть их и не просили. Старатели забрались в их кресла

и тут увидели свои отражения в засиженном мухами зеркале.

— Сэмюэл! Ты только сравни: мы и они!

— Да-а, — сказал Сэмюэл, моргая, — во всем этом городе по-настоящему нужно побриться только нам с тобой.

— Чужаки! Пришельцы! — Антонелли усадил их в кресло поглубже, словно хотел дать им наркоз. — Вы и сами не подозреваете, какие вы чужаки!

— А что, нас не было всего два месяца... — Лицо Вилли было залеплено дымящимся полотенцем: его сдавленные стоны затихли. В душной темноте был слышен низкий строгий голос Антонелли.

— Ты теперь будешь как все. Опасен не твой видок, нет. Куда опаснее твоя болтовня: в такое время городских ребят можно легко вывести из себя.

— В такое время, в такое время! — Вилли отдернул мокрое полотенце со рта. — Что ещестряслось с нашим городишкой!

— Не только с нашим. — Антонелли посмотрел вдаль — чудный мираж за горизонтом. — С Фениксом, с Таксоном, с Денвером. Со всеми городами Америки. Мы с женой на этой неделе едем туристами в Чикаго. Представляешь, Чикаго весь выкрашен-выскоблен, как новенький! Они его теперь называют Жемчужиной Востока! С Питтсбургом, Цинциннати, Буффало то же самое! А все потому... Гм-гм... ну, ладно, встань, подойди к телевизору, вон у стены, и включи.

Вилли отдал Антонелли дымящееся полотенце, подошел к телевизору, включил, стал прислушиваться к гудению, покрутил ручки. На экран пала снежная пелена.

— Теперь радио, — сказал Антонелли.

Вилли почувствовал, что все наблюдают за его попытками настроить хоть на какую-нибудь станцию.

— Что за черт, — процедил он наконец, — ни телевизор не работает, ни радио.

Вилли вернулся в кресло, лег и закрыл глаза.

Антонелли нагнулся над ним, тяжело дыша.

— Слушай же, — сказал он. — Представь, четыре недели назад, в субботу, около полудня, мамы и ребятишки смотрят по телевизору своих магов да клоунов, в салонах красоты женщинам по телевизору показывают моды, а в парикмахерской и в лавках мужская половина следит за бейсболом и состязаниями по ловле лосося. Весь цивилизованный мир сидит у телевизора. Нигде ни звука, ни шороха, только на черно-белых экранах. И тут...

Антонелли остановился, чтобы приподнять краешек полотенца.

— Пятна на солнце, — выговорил он.

Вилли весь сжался.

— Самые большие за всю историю человечества, — сказал Антонелли. — Весь мир захлебнулся в электрической буре. С экранов все стерло начисто. И конец.

Он был в растерянности, будто в забытьи, словно описывал арктический ландшафт. Он намыливал щеки Вилли, не глядя. Вилли оглядывался по сторонам, смотрел, как падает и падает снег, смотрел на гудящий экран и вечную нескончаемую зиму. Ему казалось, он слышит, как у людей, стоящих рядом, трепещут сердца.

Антонелли продолжал свою надгробную речь:

— Только к вечеру до нас дошло, в чем дело. Через два часа после солнечной бури все телемастера в Соединенных Штатах были подняты на ноги. Каждый думал, что телевизор барахлит только у него. А когда радио тоже заглохло, на улицы высыпали мальчишки — разносчики газет, как в старые времена, и только тогда мы ужаснулись, когда узнали, что солнечные пятна эти, может, надолго, чего доброго, и нас переживут.

Посетители заволновались.

Рука Антонелли с бритвой задрожала. Ему пришлось переждать.

— Вся эта зияющая пустота, эти падающие хлопья. О-ох! От них мороз по коже! Это все равно, что твой хороший приятель, который развлекает тебя в гостиной. И вдруг умолкает, и лежит перед тобой холодный и бледный, он мертв, и ты чувствуешь, что холодеешь вместе с ним.

В тот вечер все бросились в кино. Фильмы были так себе, зато до полуночи, как на празднике у общинников. Кафе шипели от газировки, в тот вечер, когда нагрянула Беда, мы выдули двести стаканов ванильной и триста шоколадной. Но нельзя же каждый вечер ходить в кино и глотать газировку. Тогда что же? Собрать радио, поиграть в нарды или перекинуться в карточки?

— Можно еще пулю в лоб, — заметил Вилли.

— Конечно, но людям нужно было выбраться из своих сумрачных домов, ставших обиталищами привидений. Во всех гостиных воцарилась кладбищенская тишина. Ох уж мне эта тишина...

— Кстати, о тишине... — Вилли немного привстал в кресле.

Но Антонелли быстро его перебил:

— На третий вечер мы все еще пребывали в шоке. От окончательного сумасшествия спасла нас одна женщина. Она как-то раз вышла из дому и скоро возвратилась. В одной руке у нее была кисть, а в другой...

— Ведро краски, — закончил за него Вилли.

Все вокруг заулыбались, видя, какой он догадливый.

— Если когда-нибудь психологи возьмутся учреждать медали, то в первую очередь они должны наградить эту женщину и других женщин из таких же маленьких городков, которые спасли мир от гибели. Они набрали в потемках на чудесное исцеление...

Вилли представил, как это было. Он увидел папаш и сыновей со зверскими лицами, они пали наземь перед своими дохлыми телевизорами и все еще надеются, что чертов ящик проорет: «Первый мяч!», или: «Вторая подача!» И когда они очнулись от забытья, то узрели своих добрых жен и ласковых матерей, полных высоких дум и возвышенных мыслей, в одной руке у них ведро, в другой — кисть. И тут их лица загорелись благородным огнем.

— Боже, это разнеслось как степной пожар! — воскликнул Антонелли. — От дома к дому, из города в город. Бум 1932 года со складными картинками и бум 1928 года, когда все носились с волчками на веревочках, ерунда по сравнению с этим! Ведь тут Все Засучили Рукава и Принялись Вкалывать. Вот это был Бум так Бум! Город разнесли на мелкие кусочки и заново

склеили. Краску шлепали на все, что стояло неподвижно хотя бы десять секунд; люди забирались на башни со шпилями, сидели верхом на заборах и сотнями летели с крыш и лестниц. Женщины красили шкафы и чуланы, дети — свои игрушки, тележки и воздушные змеи. Если бы они ничем не занялись, можно было бы строить стену вокруг города и переименовать его в Говорливый Ручеек. Во всех городах, где люди забыли, как открывать рот, как разговаривать друг с другом, то же самое. Мужчины так бы и ходили притихшие и пришибленные, если бы женщины не всучили им кисти и не показали ближайшую некрашеную стену!

— Похоже, с этим вы уже покончили, — сказал Вилли.

— За последнюю неделю краска в магазинах кончалась три раза. — Антонелли с гордостью посмотрел на город. — На покраску больше времени и не ушло бы, если, конечно, мы не вздумали красить живые изгороди и распылять краску над каждой травинкой. Теперь, когда все чердаки и подвалы вычищены, наш пыл обращен на.., короче, женщины снова маринуют помидоры, закатывают компоты из фруктов, варят варенье из малины и земляники. Подвалы забиты. Большие жертвоприношения на церковь. Играем по вечерам в кегли, режемся в дикий бейсбол, собираемся шумными компашками, хлещем пиво.. Музыкальный магазин распродал пятьсот гавайских гитар, двести двенадцать со стальными струнами, четыреста шестьдесят фарфоровых флейт и деревянных дудочек-казу, и все за четыре недели. Я учусь на тромбоне. Мак вон на флейте. Оркестр дает вечерние концерты по четвергам и субботам. Ручные мороженицы? Берт Тайсон продал на прошлой неделе двести штук. Двадцать восемь дней, Вилли, Двадцать Восемь Дней, Которые Потрясли Мир!

Вилли Берсинджер и Сэмюэл Фиттс сидели и пытались вообразить все это, оправиться от тяжелого удара.

— Двадцать восемь дней в парикмахерской нет отбоя от посетителей, бредутся два раза в день, так что можно услышать что-нибудь и от них, — говорил Антонелли и брил Вилли. — А то прежде, помнишь, до заварухи с телевизорами, парикмахеры считались самыми болтливыми людьми. Теперь же нам потребовалась целая неделя, чтобы их догнать. Мы заставили себя встряхнуться, оживились и уже выпаливаем четырнадцать слов на каждые их десять. О качестве говорить, конечно, не приходится, зато количество ужасающее. Слышал, какой шум тут стоял, когда вы вошли? Но когда мы смиримся с Великим Забвением, разговоры тоже пойдут на убыль.

— Так вы это называете?

— Для многих так оно и есть.

Вилли Берсинджер усмехнулся и покачал головой.

— Теперь я понял, почему ты не дал мне выступить с лекцией.

«Ну, конечно, — думал Вилли, — как же я сразу не догадался! Каких-то четыре недели назад дикая природа обрушилась на город и перепугала всех до смерти. Из-за солнечных пятен в Западном полушарии так наслушались тишины, что этого им хватит на десять лет вперед. А тут еще заявляюсь я со своей порцией тишины и своей непринужденной болтовней о пусты-

нях, о безлунных ночах, о звездном небе и легком шелесте песка, струящегося по руслам пересохших рек. Страшно подумать, что бы со мной могли сделать, если бы Антонелли не заткнул мне глотку. Меня бы вываляли в смоле и перьях и вышвырнули из города.

— Антонелли, — сказал он вслух. — Спасибо тебе.

— Не за что, — сказал Антонелли. Он взял ножницы и расческу. — Так на висках покороче, а на затылке подлиннее?

— На висках подлиннее, а на затылке покороче, — сказал Вилли Берсинджер и опять закрыл глаза.

Спустя час Вилли и Сэмюэл забрались в свой драндулет. Пока они сидели в парикмахерской, кто-то неизвестный выкрасил и отполировал им машину.

— Светопреставление. — Сэмюэл протянул Вилли мешок с золотым песком. — Светопреставление с большой буквы.

— Оставь у себя. — Вилли сидел за рулем, погруженный в раздумья. — Давай лучше на эти деньги съездим в Феникс, в Таксон или в Канзас-Сити, а? Мы здесь сейчас лишние. Пока телевизоры не начнут опять петь, плясать, вышивать елочкой, нам тут делать нечего.

Вилли прищурившись смотрел на убегающее шоссе.

— Он сказал «Жемчужина Востока». Представляешь, этот старый, грязный город Чикаго, весь свеженький и чистенький, как младенец на утреннем солнышке. Ей-богу, поехали в Чикаго!

Он завел мотор, прогрел немного и посмотрел на город.

— Человек выживет, — пробормотал он, — все снесет, все сдюжит. Как жаль, что мы не застали перемену, эту великую перемену. Это было время мучительных испытаний. Сэмюэл, может, ты помнишь, что мы с м о т р е л и по телевизору вообще, а то я уже забыл.

— Как-то вечером смотрели схватку женщины с медведем, два раунда из трех.

— Ну и кто победил?

— Черт его знает. Женщина...

Но тут машина тронулась, увозя Вилли Берсинджера и Сэмюэла Фиттса. Они были пострижены, волосы напмажены, хорошо уложены, источали душистый запах, щеки после бритья порозовели, ногти блестели на солнце. Мимо проплывали свежеполитые деревья с подрезанными ветками, переулки-оранжереи, дома цвета нарцисса, сирени, фиалки, розы и мяты, на дороге ни пылинки.

— Жемчужина Востока, мы едем к тебе!

На дорогу выбежала собака. От нее разило духами, а шерсть была завита перманентной завивкой, она попробовала ухватить зубами покрышку и лаяла, пока машина не скрылась из виду.

Перевел с английского А. ОГАНЯН

Джеймс ДАУЭР
**ДИПЛОМ
ДЖУНГЛЕЙ**
РАССКАЗ

Свет луны упал на лысый череп Шрайбера, когда он толчком вырвал свое грузное тело из глубин длинного, грубо сколоченного кресла. Он прислушался. Его взгляд, обращенный в сторону ночных джунглей, замер, а уши, казалось, улавливали малейший шум, доносившийся со стороны бунгало. Аллея, в призрачном лунном свете похожая на известковую ленту дороги, тянулась до странно чужой массы деревьев; по сторонам, по всей ее длине, как бы протестуя против бесплодия, созданного человеком, поднимались высокие шероховатые стволы рирро.

Художник Геннадий ФИЛАТОВ

— Что там? — спросил я тихим голосом..

— Ничего, — пробормотал натуралист, но не отпустил рук, судорожно вцепившихся в прямоугольник, сделанный из ветвей железного дерева, на который была натянута даякская циновка.

Вдруг, резко втянув голову в плечи, он оттолкнулся от кресла. Черная живая лента обозначилась в серебре лунной дорожки, и француз, несмотря на свою массу, бросился к ней с проворством кошки.

— Опять эта чертова змея, — проворчал он, возвращаясь и держа за хвост извивающееся пресмыкающееся. — Вот уже второй раз она пытается удрать в джунгли...

— Вы заметили ее, когда она пересекла тропинку? — спросил я.

— Нет, — ответил Шрайбер сухим тоном. — Я почувствовал: что-то не так. Это совсем просто. Когда она выскользнула, произошла небольшая пауза, затем голоса тех, кто по ночам не спит, изменились. Пожалуйста, прислушайтесь теперь.

Из глубины бунгало, где царила темнота, сочилось особое жужжание, похожее на шум ос, оно бесконечно лилось в таинственную ночь. Сначала уши, которые пытались его анализировать, ничего не улавливали, затем монотонный шум распался на отдельные звуки. Это были немые, нечленораздельные крики узников Шрайбера: мягкие жалобные вздохи гиббона, щелканье циветты, плач черной макаки.

— Теперь все в порядке, — удовлетворенно пробормотал француз. — Они успокоились, хорошо.

— Но как они узнали, что змея выскользнула из клетки?

Натуралист засмеялся смехом довольного человека, которому подобный вопрос щекочет самолюбие.

— Как? — повторил он. — Гиббон, мой приятель, почувствовал это и тихо вскрикнул. Новость сразу распространилась по всем клеткам. Я почувствовал, как изменились голоса. Змея — это создание, которое может заползти куда угодно... Послушайте сейчас! Каким-то образом всем стало известно, что змея уже в клетке.

Чувство, похожее на прозрение, овладело мной. Бунгало представилось мне единым живым организмом в этих джунглях из тапангов, фикусов, сандаловых деревьев, густо переплетенных разросшимися лианами.

— Мне кажется, что это все же дьявольски жестоко — ловить их, — пробормотал я. — Если вы взглянете...

Спокойный смех натуралиста оборвал меня, и я замолчал. Он глубоко затянулся из маленькой трубки.

— Это не жестоко, — медленно сказал он. — Там, — он показал на джунгли, — они поедают друг друга. Мои пленники в укрытии, у них есть все. Разве вы только что не слышали, как они забеспокоились, когда змея выскользнула? У черной мартышки есть детеныш, и она боялась за него. В джунглях для слабых жизнь длится недолго...

Из бунгало лилось все то же гипнотизирующее жужжание.

— Нет, плен не так уж и плох, если за животными хорошо ухаживают, — продолжал натуралист. — А скажите мне, где с ними плохо обращаются?

Я не ответил.

— Зоологи лучше ухаживают за животными, чем наше с вами общество за людьми. Да, натуралисты хорошо обращаются с животными. Я не знаю таких, которые бы вели себя иначе. Впрочем...

Он остановился на мгновение, затем тихо, невнятно выругался. Видимо, в его памяти всплыло нечто такое, чего он не хотел вспоминать.

— Я ошибся, — резко сказал он после минутного молчания. — Я был знаком с одним... Это произошло давно, в те времена, когда я был на берегах Самархана. Имя этого человека — Лезо, Пьер Лезо. Он тоже называл себя натуралистом, но душа у него не лежала к нашей работе. Нет! Он все время думал только о том, как заработать деньги.

...Однажды на своей лодке я спустился к дому Лезо, и он сунул мне под нос иллюстрированный журнал из Парижа, не то «Пари-матч», не то еще какую-то гадость... Он смеялся и был очень возбужден. Он почти всегда был такой, недовольные всегда такие.

— Что вы думаете об этом, фламандец? — спросил он меня. Я открыл журнал и увидел фотографию орангутанга. Он сидел за столом, курил сигару и делал вид, что пишет письмо. Я вернул журнал Лезо и ничего ему не сказал.

— Ну, — повторил тот сухо. — Я вас спрашиваю, что вы об этом думаете?

— Это меня не интересует, — сказал я.

— Старый дурак, — взбеленился он. — Обезьяна зарабатывает двести фунтов в неделю. Она делает состояние тому, кто ее выдрессировал.

— Мне все равно, — упрямо повторил я. — Это меня совершенно не трогает.

— Ах! Ах! — загоготал он. — Вы желаете работать в этих проклятых джунглях до самой смерти? У меня в голове другие мысли, Шрайбер.

Я это знал, но слушал не перебивая.

— Да, — воскликнул он, — я не хочу быть закопанным здесь. Я хочу умереть в Париже, а перед тем неплохо провести время, Шрайбер. Существует еще и миленькая крошка, чей отец держит кафе «Примероз». Боже мой! Зачем я приехал в эту гнилую дыру?!

— И чем это вам может помочь? — спросил я, указывая пальцем на журнал с изображением ученого орангутанга.

— Чем? — завопил он. — Я тоже выдрессирую орангутанга!

— Нет ничего хорошего в том, чтобы пытаться делать из дикого животного человеческое существо.

Лезо так рассмеялся, когда я это ему сказал, что почти записился в конвульсиях. Он упал на кровать и смеялся в течение добрых десяти минут. Он был пронира, этот Лезо, а прониры должны оставаться в городах. Джунгли не для них.

Шрайбер замолчал и снова замер в своем большом кресле. В жужжании, которое несло из дома, появилась нестройная нота, и, как дирижер, он пытался определить, откуда появился этот фальшивый звук. Он осторожно поднялся и исчез в темноте внутренних комнат.

Вернулся, медленно раскуривая трубку — жизнь в джунглях

делает человека спокойным и неторопливым, — снова опустился в кресло.

— Детеныш мартышки болен, — пояснил он секунду спустя. — В джунглях бы он умер. Здесь же, я думаю, выживет... Но вернемся к Лезо, проныре французу, который должен был оставаться в Париже, вместо того чтобы ехать сюда. Он приклеил эту гравюру обезьяны над своей кушеткой и смотрел на нее каждый день. Она мешала ему спать.

— Двести фунтов в неделю! — кричал он. — Подумайте об этих деньгах, старая фламандская башка! А мы разве не смогли бы тоже выдрессировать обезьяну?

— Мне нравится орангутанг таким, каков он есть, — сказал я. — Если же он будет курить мои сигары и читать мои письма, я перестану его любить. Зверь должен быть на том месте, которое ему предназначено в царстве зверей...

Тремя днями позже один даяк поймал орангутанга, только что вышедшего из детского возраста, и француз поторопился его купить.

— Это именно тот возраст, который мне нужен, — говорил он, сияя. — Я хочу выдрессировать его как можно быстрее.

Я ничего не говорил. Мне было хорошо известно настоящее место орангутанга в зверином царстве. Мать-природа умно распределяет ранги, и знает она, что орангутанг — не то создание, которое посылает записки своей подруге или прикуривает сигару, сидя в сапогах настолько узких, что они сжимают ему пальцы, созданные для того, чтобы прыгать с ветки на ветку. Со времен ящеров, пожирателей муравьев, с их роговыми доспехами до Пьера Лезо мать-природа распоряжалась вполне подходящим образом.

Я уже говорил: Лезо не был создан для жизни в джунглях. Нет, мой друг. Он все время находился в страшном волнении, не мог держаться спокойно. В своем воображении он уже рисовал себя миллионером. Да, да. Он покупал отель в Пасси, машину последней марки, улыбки балерин в Гранд Казино. Есть такие люди. Они делают шикарные кареты из своих видений, которые везут их прямехонько в ад. Под его кушеткой была спрятана квадратная бутылка, и он произносил тосты за обезьяну, за то время, которое он будет проводить в Париже. Слишком частые тосты, на мой взгляд...

Эта обезьяна очень быстро научилась всяким проделкам. Она была хорошая подражательница. Каждый раз, когда я приезжал к Лезо, он показывал мне это животное, чтобы я оценил его проделки. Это не нравилось мне. Нет! Я сказал об этом Лезо, и он начал издеваться надо мной.

— Ах, старый бедный идиот! — кричал он. — Ах, бедный старый ловец обезьян! Подождите немного! Профессор и его ученый орангутанг с пятью тысячами франков в неделю! В кафе «Примероз» я буду иногда думать о вас, старый дурак, на вонючих берегах Самарахана.

Он становился сумасшедшим, когда думал о прекрасном времени, которое будет проводить на парижских бульварах. Он уж видел себя важно прогуливающимся со своей ученой обезьяной, которая приносит ему деньги. Он был как сумасшедший. И я думаю, что орангутанг тоже начинал находить его сумасшед-

шим. Обезьяна сидела рядом с Лезо и шевелила своими бедными мозгами, чтобы понять, почему ее хозяин так возбужден. Она не знала о мечтах мсье Пьера Лезо. Нет, мой друг. Она не знала, что француз собирается построить пьедестал на ее мудрости. Она была всего лишь орангутангом и не знала, что существуют люди, готовые платить тысячи марок в неделю за всякую ерунду.

Но вот однажды обезьяна стала дуться и отказывалась делать что-либо из того, чему учил ее француз. Я думаю, что Лезо был пьян в тот день. Орангутанг перевернул ящики с образцами и всячески капризничал. Лезо пришел в бешенство. Он видел, как бульвары, отель в Пасси, улыбки балерин в кафе «Примероз» исчезают, и все из-за капризов какой-то обезьяны...

Голубые глубины джунглей, казалось, затрепетали, когда Шрайбер перестал рассказывать, чтобы еще раз прислушаться к звукам из бунгало. Было что-то от черной магии в вязкой теплоте ночи. Она едва касалась нас таинственными пальцами. Она подстерегала снаружи, одинокая, удивленная, любопытная, с широко открытыми глазами.

— На него, должно быть, напал приступ безумия, — продолжал француз. — Самарахан протекал совсем рядом с бунгало Лезо, а в том месте Самарахан полон жизни. Крокодилы, грязные, с корявыми спинами, спали там целыми днями.

— И тогда? — спросил я. — Что произошло тогда?

— Тогда, — повторил натуралист. — Пьер Лезо дал орангутангу урок послушания. Он привязал животное к стволу дерева около илистого берега... Да, около илистого, вонючего, вязкого берега, пахнущего болотом, а сам растянулся на веранде своего бунгало с винчестером на коленях.

Орангутанг плакал, а Лезо смеялся. Орангутанг не переставал рыдать. Затем он закричал от ужаса. Кусок грязи пришел в движение, и большая обезьяна испугалась, очень испугалась. Вам знаком холодный взгляд крокодила? Это лед. Это взгляд акулы-людоеда. Ни у какого другого животного нет такого холодного взгляда. Акула? Нет! У акулы воинственный взгляд. Крокодил не воюет. Он ждет, когда к нему придут все козыри. Это — демон. Обезьяна, которую привязал Лезо, привлекла этого отвратительного гада, орангутанг имел глупость своим хныканьем дать ему понять, что он целиком во власти рептилии. Вы понимаете?

Крокодил ждал в течение часа, двух, трех часов. Он опасался ловушки. Лезо, со своей стороны, выжидал тоже. Он показывал обезьяне, какие они злые, эти типы, которые приезжают из Парижа за деньгами.

Крокодил сбросил с себя ил, чтобы лучше видеть, и орангутанг отчаянно завизжал, прося Пьера спасти его. Он орал изо всех сил. Он плакал, говоря, что научится чему угодно, но Лезо улыбался и не двигался. Дьявол был этот Лезо!

Крокодил вылез из тины и посмотрел на обезьяну, и обезьяна затряслась всеми своими членами. Мне так рассказывал Лезо. Он сказал, что обезьяна покрыла его ругательствами, когда крокодил смахнул с глаз воду и вылез на берег. Его холодный взгляд гипнотизировал орангутанга. Он визжал и умолял Лезо

на своем обезьяньем жаргоне, и это придавало крокодилу смелости. Он бросился к дереву. Но Пьер давно ждал этого момента и быстро вскинул ружье. Пуля попала крокодилу в глаз, и он с тяжелым плеском упал в зловонную тину.

Вы видите, что за человек это был?

...На другой день, когда я приехал к нему, он все мне рассказывал и долго смеялся. Орангутанг так боялся, что Лезо снова подвергнет его этой пытке, что суетился вокруг меня, делая и показывая все, чему был обучен. Боже, как она боялась, эта обезьяна! Готов держать пари, что ночью ей снился ледяной глаз крокодила. Каждый раз, когда Лезо смотрел на нее, по шкуре животного пробегала дрожь. Она дрожала так, будто у нее после долгой болезни наступил кризис. Она плакала как ребенок. Крокодил подстерегал ее три часа. Вы понимаете?

— Посмотрите на него, — кричал француз. — Он больше не капризничает! Я его обуздал! Сюда, — твякнул Лезо, обращаясь к орангутангу. — Принеси мне бутылку!

И надо было видеть, как обезьяна бросилась ее искать! Она побежала так, будто для нее это был вопрос жизни или смерти, и мне кажется, что именно такая мысль и была у нее. А Лезо корчился от смеха. Он клялся, что взгляд крокодила — лучшая в мире плеть, которая делает обезьяну послушной.

— На следующей неделе я повезу ее в Сингапур, — паясничал Лезо, — там сяду на пароход до Коломбо, затем морским почтово-пассажирским до Парижа. Пять тысяч франков в неделю! Вы прочтете обо мне. Да! Вы прочтете много интересного о Пьере Лезо, пардон, профессоре Пьере Лезо и его ученом орангутанге...

Шрайбер сделал паузу в своем рассказе. Ветер, прилетевший с Целебесского моря, качнул листья пальм с громовым шумом, как будто впереди продирался сквозь лес полк кирасир. Ветер медленно умирал, оставляя место той особой атмосфере ожидания, которая царапает нервы. Казалось, ночь напрягает слух, чтобы подстеречь нечто, и знает, что это нечто не замедлит явиться.

— Продолжайте, — с нетерпением попросил я. — Рассказывайте, что было дальше?

— Через четыре дня после этого вечера, — спокойно сказал Шрайбер, — я спустился на лодке по реке Самарахан. Когда добрался до бунгало Лезо, я позвал его, но не получил ответа. «Наверное, он в лесу, — сказал я себе, — пойду-ка к нему в дом и дождусь его». Было чертовски жарко — Самарахан не дачное место. Нет! Совсем не дачное...

Знакомо ли вам такое чувство, что тишина может быть слишком тихой? Иногда в джунглях я чувствую покой, который наводит на подозрения. Именно такое ощущение было у меня сегодня вечером, когда из клетки выскользнула змея. Часто в лесу это спокойствие душит треск цикад и, кажется, мешает шевельнуться травинке. Да! Каждый раз, когда я чувствую эту тишину, я настораживаюсь. Я не боюсь, но знаю, что другие создания, которые чувствуют такие вещи несоизмеримо тоньше, чем я, очень напуганы. Для меня это сигнал! Именно тишину такого рода я встретил, когда шел по аллее, ведущей к бунгалу Лезо. Она касалась меня тысячами холодных рук. У меня нет

воображения, но в джунглях кончают тем, что кожа начинает чувствовать, видеть, слышать. И в тот момент моя кожа работала сверхурочно... Она что-то говорила моему сознанию, но мозг не мог ничего понять.

Буквально на кончиках пальцев я пересек заросли манговых деревьев в конце аллеи. Почему? Я не знаю, но тем не менее шел на цыпочках. Я был накануне какого-то открытия. Я остановился, скользнул взглядом сквозь ветви и что-то увидел. Да, увидел нечто такое, что заставило меня попытаться понять новость, которую кожа силилась мне сообщить. Знал и не знал. Вы понимаете? Я подумал о том, что Лезо сделал с орангутангом, которого он привязал к дереву и заставил пережить дикий ужас под леденящим взглядом крокодила. Вороша эти мысли, насторожившись, я смотрел на веранду бунгало. Мне показалось, что я вижу обезьяну, привязанную к дереву, и крокодила, смотревшего на нее из тинь и затем... Мысль озарила меня, как молния. Мне показалось, что на голову свалился мешок с песком.

В течение трех минут я не мог двинуться с места. Затем нетвердой походкой направился к веранде. Знаете ли вы, что там было? Большой красивый орангутанг теребил ружье француза и плакал, как человек.

— Где Лезо? — закричал я. — Где он?

Орангутанг одним махом вскочил и посмотрел на меня, как будто он понимал все мои слова. Ноги у меня стали дряблыми. Я думал, что вижу сон. Эта тишина, плачущая обезьяна и какое-то чувство, которое говорило мне, что не слишком хорошо учить многому животное.

— Лезо, где ты? — еще раз закричал я. — Покажись, где ты!

Орангутанг вытер слезы, прикоснулся ко мне толстой волосатой лапой и направился, волоча ноги, к топкому берегу, где его привязывал француз, чтобы дать урок послушания.

У меня закружилась голова. Эта атмосфера выворачивала все мои чувства наизнанку. Я знал, что произошло. Да, я знал! Мое сознание собрало все, все детали воедино, как кусочки головоломки. Я знал, что сделал Лезо с этим животным. Мне была знакома способность орангутанга к имитации, и я знал, что Пьер часто бывал пьян.

Обливаясь холодным потом, я следовал за орангутангом, ища вокруг что-нибудь такое, что подтвердило бы догадку, которая пришла мне в голову. Да, доказательство было на месте... Рукав куртки, привязанный к дереву, где француз неделю назад привязывал обезьяну, и этот рукав не был пустым. Нет! Веревки были затянuty вокруг кисти Лезо, и веревки эти были очень прочными.

Все встало на свои места. Лезо, должно быть, был мертвецки пьян. Вы понимаете? И в то время, когда он был пьян, мысль о мщении пришла в голову этого несчастного животного: заставить своего мучителя почувствовать дрожь, которую вызывает ледяной взгляд чешуйчатого демона из тинь. Очевидно, копируя хозяина, он привязал Лезо к дереву, затем взял его ружье и, подражая французу, уселся на веранде, чтобы подстеречь первое же из этих созданий, которое обнаружит, что Лезо в их распоряжении.

Для меня это было так ясно, так ясно. Бедное животное, бедный Лезо... Француз, когда он дрессировал орангутанга, небрег одной маленькой деталькой, он научил его стрелять, но, увы забыл научить... заряжать ружье. Досадно, не правда ли? Ружье было пустым, и, когда крокодил выполз из тины, обезьяна ничего не могла поделать. Она теребила затвор и плакала, как человеческое существо. Плакала до самого моего прихода.

— Что вы сделали потом? — воскликнул я, пораженный.

— Я!.. Ничего не сделал, — спокойно сказал Шрайбер. — Я печально смотрел на орангутанга, а он под моим взглядом, плача, отступал. Пока его не поглотили джунгли. Где-то там (немец махнул рукой в сторону черно-голубого леса) до сих пор бродит орангутанг, весь во власти происшедшей трагедии, навязанной ему человеком.

Перевел с английского
Г. ЕРЕМИН

1, 4-я стр. обл. — композиция художника Сергея РАДИМОВА

Фото Сергея ГОРЧЕВА

2-я стр. обл. — рисунок Александра КАТИНА
к рассказу «ДАРЫ ОТ ДАНОВ»

3-я стр. обл. — рисунок Виталия ЛУКЬЯНЦА
к рассказу «ТРОЕ СУТОК, ВКЛЮЧАЯ ДОРОГУ»

Под редакцией А. ПОЛЕЩУКА и В. РЫБИНА

Редактор выпуска Е. КУЗЬМИН

Художественный редактор В. КУХАРУК

Технический редактор В. ЛУБКОВА

Адрес редакции: 125015, Москва, Новодмитровская ул., 5а
Тел. 285-80-10, 285-88-84.

© «Искатель», 1986 г.

Сдано в набор 15.11.85. Подписано в печать 24.01.86. А08031.
Формат 84×108^{1/32}. Бумага газетная. Печать высокая. Усл. печ.
л, 6,72. Усл. кр.-отт. 7,56. Уч.-изд. л. 10,1. Тираж 285 000 экз.
Цена 60 коп. Заказ 2225.

Типография ордена Трудового Красного Знамени изд-ва ЦК ВЛКСМ
«Молодая гвардия». 103030, Москва, К-30, Суцневская, 21.

ИСКАТЕЛЬ

Цена 60 коп.

